

*«Современные записки»
(Париж, 1920–1940)
Из архива редакции*

Под редакцией
Олега Коростелева и Манфреда Шрубы

Т. 4

Москва
Новое литературное обозрение
2014

УДК [070.4:325.2](091)"1920/1940"

ББК 76.023(4Фра=Рус)61

С56

Verwirklicht mit Unterstützung
der Deutschen Forschungsgemeinschaft
Выполнено при поддержке Немецкого фонда
фундаментальных исследований

С 56 **«Современные записки» (Париж, 1920—1940). Из архива редакции /** Под редакцией Олега Коростелева и Манфреда Шрубы. — М.: Новое литературное обозрение, 2014. — Т. 4. — 1152 с.: ил.

ISBN 978-5-4448-0139-0

В настоящем издании публикуется основная часть сохранившейся редакционной переписки «Современных записок», важнейшего литературно-общественного журнала русской эмиграции первой волны. В числе корреспондентов журнала, представленных в четвертом томе, — М. М. Карпович, Довид Кнут, Г. Н. Кузнецова, Н. К. Кульман, А. И. Куприн, В. А. Маклаков, П. П. Муратов, В. В. Набоков, М. А. Осоргин, А. М. Ремизов, Я. Л. Рубинштейн, С. Г. Сватиков, Н. А. Тэффи, В. Г. Федоров, Г. П. Федотов, Г. В. Флоровский, С. Л. Франк, Д. И. Чижевский, З. А. Шаховская, Л. И. Шестов, Б. Л. Шлецер, И. С. Шмелев; в сводных публикациях воспроизведены письма поэтов-эмигрантов (А. С. Гингер, А. С. Головина, Г. В. Иванов, В. Л. Корвин-Пиотровский, А. П. Ладинский, Ю. В. Мандельштам, Н. А. Оцуп, В. А. Смоленский, Г. П. Струве, Ю. К. Терапиано, А. С. Штейгер и др.) и беглецов из СССР 1930-х гг. (В. В. и Т. В. Чернавины, И. Л. Солоневич).

УДК [070.4:325.2](091)"1920/1940"

ББК 76.023(4Фра=Рус)61

© О. Коростелев, М. Шруба, составление, 2014

© Авторы, 2014

© ООО «Новое литературное обозрение». Оформление, 2014

*«Ведь и вправду:
мое литературное бытие –
курам на смех»:
А. М. Ремизов*

Публикация, вступительная статья и примечания
А. А. Данилевского и С. Н. Доценко

Первая публикация произведений А. М. Ремизова в СЗ состоялась в 1922 г. К этому времени Ремизов уже мог справлять литературный юбилей — 20-летие со дня вступления в русскую литературу¹. За этот период он сумел приобрести репутацию известного и оригинального писателя-прозаика, автора 60 книг (в том числе — 8 томов собрания сочинений)². Дореволюционное творчество Ремизова хотя и воспринималось современной ему критикой неоднозначно, но, однако, высоко оценивалось в символистской и околосимволистской среде. В числе рецензентов Ремизова мы находим имена А. Куприна, М. Волошина, Р. Иванова-Разумника, М. Гершензона, А. Блока, С. Венгерова, Б. Садовского, М. Кузмина, С. Городецкого, Андрея Белого. Романы и повести Ремизова («Пруд», «Часы», «Крестовые сестры»), как и его рассказы и стилизации народных сказок и легенд, в целом встретили благожелательные отклики писателей и критиков самых разных направлений. При этом для широкой читательской аудитории Ремизов оставался малопонятным и в конечном итоге попал в категорию малочитаемых. Еще 13 апреля 1907 г. Л. Шестов писал Ремизову о только что вышедшей книге последнего «Посолонь» (1907): «Насчет распространения я хлопочу: 4 экземпляра купили, по моему указанию, знакомые. [...] Не всем нравится: говорят, что понять нельзя. Я вот в Москве знаменитому [актеру МХТ] Качалову читать давал: думал, воспользуется, в концертах читать станет. Да ничего не вышло. Прочел вслух при мне две сказочки, встал, плюнул и ушел. *Так ты в знаменитости и не вышел. Положим, и то сказать: какая ты знаменитость — даже неловко просто.* Правда? *Совсем тебе не к лицу быть знаменитым при жизни. Вот разве после смерти?* Это Бердяеву подходит — при жизни слава. С него и портрет рисовать можно: фигура, кудри, глаза, нос — все как следует. А ежели тебя нарисовать, никто и не поверит, что ты “Посолонь” писал. *Так ты уж подожди со славой до смерти, а пока переписывай собак* [курсив наш. — А. Д., С. Д.]»³.

Слова Шестова оказались отчасти пророческими: при жизни Ремизов не стал знаменитым, а тем более — «великим» писателем. Да и после смерти в «классики» не выбился. Но сама тема «писательства», проблема осознания своего места и роли в русской литературе, — одна из главных в автобиографической прозе Ремизова. Еще в 1923 г. в книге «Кукха» он писал (вспоминая историю обвинения его в плагиате в 1909 г.): «Писали в московских газетах [...] чтобы “вычеркнуть меня из писателей” — чудачки! Да у меня тогда и претензии этой ну нискобочки не было — какой я там писатель!»⁴ В этих сло-

¹ Литературный дебют А. Ремизова см.: *Молдаванов Николай [Ремизов А. М.] Плач девушки перед замужеством // Курьер (Москва). 1902. 8 сент.*

² См.: *Sinany H. Bibliographie des œuvres de Alexis Remizov. Paris, 1978. (Bibliothèque russe de l'Institut d'études slaves. T. 44). P. 25–62.*

³ Переписка Л. И. Шестова с А. М. Ремизовым / Вступ. заметка, подгот. текста и примеч. И. Ф. Даниловой и А. А. Данилевского // *Русская литература. 1992. № 3. С. 177.*

⁴ *Ремизов А. Кукха. Розановы письма. Берлин: З. И. Гржебин, 1923. С. 83.*

вах, однако, есть доля ремизовского лукавства. Именно после истории с плагиатом, крайне остро и болезненно воспринятой Ремизовым, он пишет повесть «Крестовые сестры» — для утверждения своего права быть и называться писателем.

Впрочем, сомнения в этом праве не покидают Ремизова, а даже усиливаются в конце жизни. В книге воспоминаний «Подстриженными глазами» (1951) он заметит: «Долго не мог принять я имени “писатель”»⁵. В книге «Иверень» целая глава посвящена проблеме «писательства» А. Ремизова — он сравнивает себя с «великими», т. е. «классиками» русской литературы, и приходит к выводу: «Я и на Волково ходил — там Белинский, Добролюбов, Писарев, Шелгунов, Михайловский, Глеб Успенский: “Несу, говорю, имя писателя, а вашего труда не знал и не знаю”. То же и в Невской Лавре, где Ломоносов, Карамзин, Жуковский, Крылов, Достоевский. И в Ново-Девичьем за Нарвской заставой перед могилой Тургенева, Некрасова, Салтыкова; и на Смоленском, где Блок и Аполлон Григорьев. [...] И вопреки глубокому сознанию о своей подделке, я лез и домогался, рассуждал о строчках и гонорах [...] бесповоротно я втерся в профессиональный писательский круг»⁶. Примечательно это словечко: не вошел, а «втерся»! Та же мысль звучит в главе «Эпиталама» (о своем литературном дебюте 24 сентября 1902 г. в московской газете «Курьер»): «А никогда я не собирался “поступать” в писатели. [...] А попал я в литературу “по недоразумению” (наперед скажу, меня с кем-то спутали). А ведь как убедительно говорили люди и не простые: “брось и оставь!” (Отзыв Чехова, Короленко, Горького)»⁷.

«Непростые люди» — это, конечно же, классики русской литературы. Впрочем, Ремизов не совсем точен: о его ранних произведениях (еще не напечатанных) категорически отрицательными были отзывы лишь А. Чехова и В. Короленко (особенно — совет Короленко вообще не писать и не заниматься литературой). Горьковский же отзыв о рассказе Ремизова «В плену» был не столь категоричен и содержал положительную оценку ремизовского языка (письмо от 21 мая/3 июня 1902 г.): «Не сердитесь — очень оно мне не понравилось. Похожи на истерические вопли [...] А языком Вы ловко владеете»⁸.

Все это помогает понять литературный статус и литературную репутацию Ремизова в эмигрантский период его жизни, начиная с 1921 г. По-своему знаменательно, что за 16 лет сотрудничества в СЗ свет увидели лишь 14 публикаций его рассказов, мемуарных очерков, историко-литературных заметок. Для известного писателя со сложившейся репутацией — явно немного.

Сотрудничество Ремизова в эмигрантских журналах и газетах 20–30-х гг. часто проходило под знаком «непонимания». В одном из писем Л. Ржевскому (1950-е гг.) Ремизов признавался: «Меня долбят тридцать лет: пишу не по-русски»⁹. Действительно, как в дореволюционной России, так и в эмиграции Ремизов имел репутацию писателя-декадента, склонного к словесному стилистическому юродству¹⁰. В частности, это за-

⁵ Ремизов А. Собр. соч. М., 2000. Т. 8: Подстриженными глазами. Иверень. С. 50.

⁶ Там же. С. 265–266.

⁷ Там же. С. 270.

⁸ Горький А. Собр. соч.: В 30 т. М., 1955. Т. 28. С. 249–250. Впрочем, в другом месте Ремизов назовет Горького и Л. Андреева, помня их содействие и участие в его литературном дебюте, «моими отцами крестными» (Ремизов А. О происхождении моей книги о табаке. Paris, 1993. С. 9).

⁹ Ржевский Л. Встречи с А. М. Ремизовым // Лит. курьер. 1986–1987. № 12. С. 26.

¹⁰ Ср.: «Моя первая книга “Посолонь” — сказки 1907 г. прошла незаметно для большого круга. А в отзывах для немногих читаю о себе — своем “русском” все те же “нарочито” и “претенциозно” с прибавлением “юродство» (Ремизов А. Собр. соч. М., 2003. Т. 10: Петербургский буерак. С. 178). О литературном «юродстве» Ремизова см. также: Ильин И. А. О тьме и просветлении: Кн. худож. критики. Бунин.

трудняло публикацию его произведений в эмигрантской периодике, где доминировала тенденция печатать писателей-реалистов. Бунин и Алданов, Шмелев и Зайцев пользовались большим расположением редакторов, воспитанных на традициях Толстого или Чехова. Например, в ПН за 1921–1940 гг. были напечатаны 128 произведений Ремизова. Но при этом сам Ремизов не преминул заметить, что редактор П. Н. Милюков относился с подозрением к его прозе (к его «чертовщине», по словам Ремизова): «И что же оказывается: самый главный “гонитель и мучитель” моей “чертовщины” — называют Милюкова. “Непонятно”, как это принято говорить про мое, и что я сам объясняю главным образом складом моей речи, которую русские люди, “окруженные иностранцами”, или забыли или никогда и не знали»¹¹.

Среди редакторов СЗ Ремизов также имел двойственную репутацию. С одной стороны, он обычно упоминается в одном ряду с основными беллетристами журнала: И. Буниным, И. Шмелевым, Б. Зайцевым, М. Алдановым, Ф. Степуном. С другой стороны, он воспринимается как писатель хоть и с именем, но — автор второго эшелона. Вот что писал И. Фондаминский М. Вишняку 16 ноября 1924 г.: «Да притом я очень ценю для журнала Шмелевым [так!] — больше Зайцева и Ремизова» (Ред., п. 26). А 28 января 1925 г. тот же Фондаминский сообщает Вишняку: «По отношению к номеру еще у меня большая просьба к Марку — Вадима [Руднева] прошу поддержать: *вторым дать не Ремизова, а Шмелева*. Не знаю, кто достойнее для второго места, но знаю, что Ремизов мил и не обидчив, а Шмелев болезненно обидчив — для него это будет целая драма. А между тем, по всем соображениям, беллетр[истическое] хозяйство на этот год нам придется строить на Шмелеве (Зайцев исчерпан, *Ремизов бесполезен*, Бунин больше рассказов давать не будет за старую цену, Мережковский будет готов только к осени, а у Шмелева груды готового)» (Ред., п. 33; курсив наш. — А. Д., С. Д.)¹².

Такое же отношение к Ремизову (как к автору второго ряда) мы видим и в письме Фондаминского Вишняку от 5 марта 1925 г.: «Шмелеву я написал так, как ты мне писал в предыдущем письме, т. е. “Каменный век” берем и просим прислать, постараемся поместить в 25-ю кн., но не ручаемся»¹³. Предложение Фед. Авг. [Степуна] брать только после прочтения трудно применимо к Бунину и Шмелеву — остальных же (Мережковского, Зайцева, Ремизова) мы и не брали, не прочтя. Но я буду очень настаивать, чтобы в 25-й обязательно начали Шмелева, ибо у нас будут только Степун, Алданов и кто-нибудь из “новых” — следовательно ни одного “классика”. Я считаю такой поворот очень опасным» (Ред., п. 42).

Из этих писем видно, что Ремизов в литературной иерархии журнала котировался ниже Бунина и Шмелева. И хотя в письме Фондаминского Вишняку от 18 мая 1925 г. Ремизов и назван в числе «первоклассных беллетристов», тем не менее этой высокой оценки он достоин только *после* Бунина, Шмелева, Мережковского и Зайцева: «Я согласился бы дать по 500 фр. за лист. Мои соображения: нам все равно придется повысить, и значительно, гонорар первоклассным беллетристам (Бунину, Шмелеву,

Ремизов. Шмелев. М., 1991. С. 99–103, 109–113; Доценко С. «Библией мух бьете!»: Автобиографич. миф А. Ремизова // Блоковский сборник XVII: Русский модернизм и литература XX века. Тарту, 2006. С. 102–138.

¹¹ Ремизов А. Собр. соч. Т. 10. С. 375.

¹² См. также в письме Фондаминского Вишняку от 7 февраля 1926 г.: «Советую тебе поставить Шмелева 3-м, а не 4-м. С трудом он вытерпит первенство Мережковского, но Ремизова ни за что. За что его обижать и зачем его сердить? Справедливость? — Я не уверен, что справедливо Ремизова ставить впереди Шмелева, а потом руководство журналом требует не только справедливости, но еще многого...» (Ред., п. 84).

¹³ См.: Шмелев И. С. Каменный век: [Повесть] // СЗ. 1925. № 25. С. 5–110.

Мережковскому, Зайцеву, Ремизову и Алданову) — иначе мы их всех лишимся. У меня есть серьезные указания, что новый журнал будет, но вот что уже *факт*: на днях появится в Париже новая газета “Возрождение” под редакцией Струве с серьезно поставленным литературным отделом. Ясно, что в журнал или газеты, где платят 700–800 фр. за лист, беллетристы должны будут уйти — не умирать же им с голоду из-за прекрасных глаз “Совр[еменных] зап[исок]”. И чтобы не погибнуть, и нам придется давать 4–5 листов, платя такие же цены, давая остальные 5 листов второклассной беллетристики по старым ценам» (Ред., п. 55).

А 13 декабря 1925 г. Фондаминский писал Вишняку: «Я очень советую поддерживать сношения с Шмелевым и Ремизовым — надо, чтобы к нам попали их лучшие вещи, а не лучшие [так!]. Если у Ремизова есть что-нибудь хорошее, я бы взял про запас» (Ред., п. 73)¹⁴. Иными словами, редакция хочет сохранить Ремизова в качестве автора журнала СЗ, но — «про запас», т. е. на всякий случай¹⁵. Такое отношение к Ремизову вовсе не было исключительным, скорее — достаточно типичным в его литературной биографии. Это уже в 30-е гг. стало предметом ремизовской рефлексии. В гл. «Эмблема счастья» книги «Учитель музыки» он напишет о некоем вымышленном писателе Бауткине: «Бауткина я знаю еще с Петербурга, хотя и не знакомы, меня всегда ему представляют; странная судьба: писатель, пишет ничего, но когда начинает рассуждать, такую несет чушь и всегда о грехопадении, при перечне сотрудников всегда попадает во “многие другие”, а в рецензиях на сборник с его рассказом, когда доходило до него, всегда читаешь — “об остальных поговорим в следующий раз”, а этого следующего раза никогда не наступит — или появлялась книга, на которую требовался немедленный отчет, или смерть “замечательного” человека — некролог, а потом, скажут, поздно; в России еще кое-когда мелькало его имя в газетах — писал письма в редакцию о своем выходе из только что возникшего журнала, в котором не было его ни строчки, но в Париже... Как здесь, так и в России, сколько за эти послереволюционные годы повылезло всяких сереньких “зо-зуль”, раздутых политикой, партий и глупейшей провинцией знаменитостей — “замечательных” и даже “великих писателей”, а ему не повезло, чего-то нет... он таскался на все торжественные панихиды с тайной надеждой, что хоть в отчет попадет — “среди присутствующих мы заметили”. А не замечают. Такая судьба его, и бедовая»¹⁶.

В образе вымышленного «незамечаемого» писателя Бауткина легко угадывается литературная судьба самого Ремизова, пусть и сильно утрированная¹⁷.

¹⁴ См. письмо Фондаминского Вишняку (до 11 апреля 1928 г.): «Думаю, что надо на всякий случай взять что-нибудь у Ремизова — у нас нет никакого беллетр[истического] запаса» (Ред., п. 175). См. также письмо Фондаминского Рудневу от 20 июня 1934 г. (в котором речь идет о необходимости сократить редакционные и прочие расходы): «Другой ряд мер касается *оживления журнала* — нельзя оставлять его вечно в одном и том же состоянии. Что здесь можно сделать? 1) Из наших журнальных беллетристов я оставил бы только З — Бунина, Алданова и Сирина. Зайцева, Шмелева, Ремизова, Куприна я печатал бы только эпизодично. Не говоря о том, что Зайцева и Шмелева читать скучно — все это с точки зрения искусства — *отработанный паф*» (Ред., п. 420).

¹⁵ См. также письмо Фондаминского Вишняку и Рудневу (после 24 декабря 1926 г.): «В общей журнальной политике в отношении к авторам я хотел вашему лозунгу: не набирать, противопоставить другой: *не упускать*. Примите во внимание, что у нас теперь [два] серьезных конкурента — “Версты” и “Русская мысль” и что эти конкуренты энергично стараются отбить у нас писателей (в “Р[усской] м[ысли]”) уже появился Зайцев, “Возр[ождение]” отбивает Ходасевича, “Версты” — Ремизова, Шестова и Цветаеву). Нам надо, во что бы то ни было, отстоять свои основные кадры. При политике “экономии” и “ненабирания” мы их наверняка потеряем» (Ред., п. 123).

¹⁶ Ремизов А. Собр. соч. М., 2002. Т. 9: Учитель музыки. С. 67.

¹⁷ Ср.: «Чуковский в своих критических фельетонах в “Понедельнике” у П. М. Пильского никогда обо мне ничего не писал, я для него “несуществующий писатель”» (Ремизов А. Собр. соч. М., 2003. Т. 10. С. 184).

В книге «Петербургский буерак» о своем литературном изгоястве Ремизов вспоминал так: «Кроме “Русской мысли” ни в какие толстые журналы меня не пускали, ни в “Русское Богатство”, ни в “Мир Божий” (“Современный Мир”), ни в “Вестник Европы”. [...] Во время дела Бейлиса появилось в газетах воззвание от Союза Писателей “Кровавый Навет”. Среди подписей нет ни меня, ни Чуковского: вычеркнули. [...] Семен Афанасьевич [Венгеров] говорит: Ремизов и Чуковский — имена несерьезные, и это может повредить, я предложил вычеркнуть»¹⁸. О неоднозначном положении Ремизова как писателя в литературной среде русского Парижа в 1920-е гг. свидетельствует и письмо Д. Святополка-Мирского П. П. Сувчинскому от 8 января 1924 г.: «Видел Ремизова. Вид у него лучше, чем был в Берлине, и он как будто веселый. Но его обижают здешние литераторы Бунин и Мережковский, считают за большевистского агента и никуда не пускают. А теперь вид того, что они просто хотят его отгеснить от здешних издателей»¹⁹. Сам Ремизов о нравах русского литературного Парижа (в гл. «Юнер» книги «Учитель музыки») скажет еще более резко и определенно: «“Стомиллионный”²⁰ Париж! Русская провинция — густейшая с судами, пересудами, сыском, домыслами, “ножкой”, подсидкой и клеветой»²¹.

Весьма характерен для литературной политики редакции СЗ и выбор намеченных для публикации произведений Ремизова. Собственно беллетристических произведений Ремизова — только девять: «Доля: Повесть»²², «Сережа»²³, «Труддесертир: По “бедовому” декрету»²⁴, «Esprit: Histoire-salade — Сказ-вяканье —»²⁵, «La Matière»²⁶, «Три желания»²⁷, «Кран гиппопотама»²⁸, «Чинг-Чанг»²⁹, «Болтун»³⁰. Был напечатан

¹⁸ Ремизов А. Собр. соч. Т. 10. С. 201.

¹⁹ Цит. по: Smith G. S. The letters of D. S. Mirsky to P. P. Suvchinskii. 1922–1931. Birmingham, 1995. P. 25–26. См. также: Обатнина Е. Царь Асыка и его подданные: Обезьянья Великая и Вольная Палата А. М. Ремизова в лицах и документах. СПб., 2001. С. 293.

²⁰ Мотив «стомиллионного Парижа» восходит, возможно, к книге Л.-С. Мерсье «Картины Парижа» (1781), в которой автор, чтобы подчеркнуть многолюдность Парижа, сообщает, что «Париж приносит французскому королю около ста миллионов в год». В заметке Ремизова «Для кого писать» (1931) выражение «“стомиллионное” население русского Парижа» использовалось им для обозначения массового читателя (см.: Ремизов А. Для кого писать // Числа. 1931. № 5. С. 284; Ремизов А. Мерлог / Публ. А. д'Амелия // Минувшее. Париж, 1987. [Вып.] 3. С. 232).

²¹ Ремизов А. Собр. соч. Т. 9. С. 195. См. также признание Ремизова (в инскрипте С. П. Ремизовой-Довгелло на форзаце книги «Страница», от 7 ноября 1924 г.): «Сегодня год, как мы переехали из Берлина в Париж. И за это время много пришлось поднять и нелегкого. Если в Берлине встретили нас после России равнодушно “живи, как знаешь, нам дела нет!”, то в Париже просто враждебно, тут не то, что “— — —, нам дела нет”, то под этот голос “нет” гвоздиком и стеклышек всяких: “ну-ка! поживи-ка!”» (Волшебный мир Алексея Ремизова: Каталог выставки. СПб., 1992. С. 20).

²² Ремизов А. Доля: Повесть // СЗ. 1922. № 12. С. 1–41; № 13. С. 1–31. Включена под тем же названием в книгу: Ремизов А. Оля. Париж: Вол, 1927.

²³ Ремизов А. Сережа // СЗ. 1925. № 25. С. 111–128. Рассказ включен под тем же названием в книгу: Ремизов А. Ввихренная Русь. Париж: ТАИР, 1927.

²⁴ Ремизов А. Труддесертир: По «бедовому» декрету // СЗ. 1925. № 26. С. 161–194. Рассказ включен под тем же названием в книгу «Ввихренная Русь».

²⁵ Ремизов А. Esprit: Histoire-salade — Сказ-вяканье — // СЗ. 1925. № 23. С. 87–112. Ремизов А. По карнизам: Повесть. Белград: Рус. библиотека, 1929.

²⁶ Ремизов А. La Matière // СЗ. 1926. № 27. С. 101–157. С примечанием: «“La Matière” — вторая часть повести “La Vie” (Лави), первая часть которой — “Esprit” была напечатана в 23 кн. “Современных записок”». Отрывок вошел под тем же названием в книгу «По карнизам».

²⁷ Ремизов А. Три желания // СЗ. 1931. № 47. С. 65–85.

²⁸ Ремизов А. Кран гиппопотама // СЗ. 1932. № 50. С. 96–112.

²⁹ Ремизов А. Чинг-Чанг // СЗ. 1933. № 51. С. 265–272.

³⁰ Ремизов А. Болтун // СЗ. 1936. № 61. С. 114–136.

цикл сказок Ремизова, под заглавием «Русалия: Алалей-и-Лейла»³¹, а также — несколько легенд из книги «Три серпа: Московские любимые легенды»³². Еще три произведения представляют собой мемуарные или историко-литературные заметки: «Северные Афины — история с географией — (предбанная память)»³³, «Стоять — негасимую свечу: Памяти Евгения Ивановича Замятина: 1884–1937»³⁴, «Философская натура: Владимир Соловьев — жених»³⁵.

Если посмотреть на статистику публикаций произведений Ремизова в СЗ, то картина выглядит так: за 1922 г. — 3 публикации (№ 9, № 12, № 13), за 1925 — 4 (№№ 23–26), за 1926 — 1 (№ 27), за 1927 — 1 (№ 30), за 1928 — 1 (№ 37), за 1931 — 1 (№ 47), за 1932 — 1 (№ 50), за 1933 — 1 (№ 51), за 1936 — 1 (№ 61), за 1937 — 1 (№ 64), за 1938 — 1 (№ 66). Как видим, Ремизова публиковали не слишком часто. А в 1923–1924, 1929–1930 и в 1934–1935 гг. — не публиковали вовсе. Это дало повод Ремизову заметить (не без некоторой обиды) в письме Вишняку от 3 марта 1931 г.: «Кроме того, обращаю Ваше внимание, что с 1928 г. (с XXXIV) я перестал существовать в “С[овременных] з[аписках]”. По крайней мере, читатели так решили (а у “С[овременных] з[аписок]” есть такие читатели), а между тем за это время вышли след[ующие] мои книги: [...]» (п. 40).

Как следует из ответного письма Вишняка от 6 апреля 1931 г., такая ситуация возникла после известной истории с журналом «Версты»: «Дорогой Алексей Михайлович! Спасибо за письмо, — едва ли не *первое* с 1928 г.!.. Рассказ Ваш возьмем, конечно. О “модальностях” (финансовых и др.) с Вами спишется Вадим Викторович [Руднев]. Адрес Ваш внесу в список адресатов “Современных записок”. А что с 28 г. Вы “перестали существовать в “С[овременных] з[аписках]”, — отчасти Вы сами тому причиной. Вспомните, как Вы потребовали свои рукописи обратно после неуважительного отзыва в “Современных записках” о “Верстах”! Пишу об этом так, в объяснение и частичное самооправдание, а никак не для того, чтобы “помянуть старое”» (п. 42). Другие случаи относительно длительного отсутствия произведений Ремизова на страницах журнала пока объяснить невозможно, разве что гипотетически.

Известная на сегодняшний день переписка Ремизова с редакторами СЗ включает письма к нему Фондаминского, Вишняка, Руднева, Гуковского, Авксентьева (всего 58 писем) и письма самого Ремизова (34 письма). Из 34 писем Ремизова 14 адресованы Рудневу, 16 — Вишняку, одно письмо — «Редакции СЗ». Из 58 писем, адресованных Ремизову, 42 принадлежат Рудневу, 5 — Вишняку. Семь писем Фондаминского, три письма Гуковского и одно письмо Авксентьева — составляют явно эпизодический и периферийный сегмент корпуса переписки.

Таким образом, основными корреспондентами Ремизова в течение 1921–1939 гг. были Вишняк и Руднев. Причем можно заметить, что переписка с Вишняком — скорей более деловая, не выходящая за пределы конкретных и частных вопросов, связанных с публикацией в СЗ произведений Ремизова. В письмах Вишняка

³¹ Ремизов А. Русалия: Алалей-и-Лейла // СЗ. 1922. № 9. С. 88–115. Этот цикл из шести сказок (1. «Пролог», 2. «Корочуново царство», 3. «Вертимый велик-день», 4. «Лес, вода, огонь», 5. «Веснянка», 6. «Эпилог») под названием «Алалей и Лейла» вошел в кн.: Ремизов А. Русалия. Берлин: З. И. Гржебин, 1922.

³² См.: Ремизов А. Московские любимые легенды // СЗ. 1928. № 37. С. 90–113. Вошли затем в кн.: Ремизов А. Три серпа: Московские любимые легенды. Париж: ТАИР, 1929.

³³ Ремизов А. Северные Афины — история с географией — (предбанная память) // СЗ. 1927. № 30. С. 233–277. Рассказ вошел затем в кн. Ремизова «Иверень: Загогулины моей памяти».

³⁴ Ремизов А. Стоять — негасимую свечу: Памяти Евгения Ивановича Замятина: 1884–1937 // СЗ. 1937. № 64. С. 424–430.

³⁵ Ремизов А. Философская натура: Владимир Соловьев — жених // СЗ. 1938. № 66. С. 193–204. Перевод: Вл. Соловьев: Pro et contra / Сост., вступ. ст. и примеч. В. Ф. Бойкова. СПб., 2000. С. 504–513.

Ремизову, равно как и в ответных письмах Ремизова, практически нет размышлений на литературные темы. Эта дистанция между редактором и писателем заметна и в мемуарах Вишняка, где Ремизов упоминается всего три раза, чаще всего — в числе прочих авторов. Собственно Ремизову посвящен только один небольшой фрагмент воспоминаний, связанный со скандальной историей журнала «Версты», в которой Ремизов сыграл заметную роль: «Ближайшие участники “Верст” вскоре вернулись в “Современные записки”: Шестов и Цветаева раньше, Ремизов позднее. Последний не хотел ссориться ни с “Верстами”, ни с “Современными записками”. Передо мной письмо А. М. Ремизова от 27 ноября 1926 г., написанное красными чернилами и с обычными для него загогулинами и росчерками. В нем автор “покорнейше” просит, в случае непомещения в ближайшей книге “Современных записок” опровержений “Верст”, не отказать сделать примечание к его рассказу “Северные Афины” о том, что рукопись была им сдана до появления в “Современных записках” отзыва о “Верстах”. Так как опровержения были помещены, надобность в примечаниях к рассказу Ремизова отпала»³⁶.

Вишняк прав фактологически, но не совсем верно объясняет мотивы поведения Ремизова в этой истории. Ремизов никуда «уходить» из СЗ не собирался, и фактическая приостановка его публикаций в СЗ произошла в 1927–1928 гг. Сотрудничество возобновилось публикацией его «Московских любимых легенд» в 37-й книге СЗ за 1928 г. И хотя временное его прекращение было вызвано его несогласием с напечатанной в 30-й книге резкой статьей В. Ф. Ходасевича «О “Верстах”» (о чем он фактически заявил в письме редакции СЗ от 27 ноября 1926 г.; п. 26), тем не менее вина за случившееся была обоюдной, в том числе и самой редакции журнала.

Ремизова в статье Вл. Ходасевича о «Верстах» задело не только (и не столько) политические выпады против Д. Святополк-Мирского и П. Сувчинского, сколько, прежде всего, сама позиция автора, сводящего суть разногласий к непримиримости двух литератур — «советской» и «эмигрантской». Для Ремизова, которому был чужд политизированный подход Ходасевича к литературе, журнал «Версты» представлялся, наоборот, возможностью сохранить связь между «советской» и «эмигрантской» ветвями русской литературы. По крайней мере, если речь шла о действительно значительных произведениях русской словесности, независимо от того, где жил и писал тот или иной автор. Уже в середине 20-х гг. Ремизов увидел опасность того, что русская литература может оказаться разорванной на две самоизолированные части. И главной причиной такой самоизоляции ему виделось стремление к излишней политизации и идеологизации литературы — как в СССР, так и в эмиграции. Для Ремизова была неприемлема и радикальность Святополка-Мирского, но еще более — радикальность русской эмиграции с ее неприятием всего «советского». Ремизову важно было заявить о своей принципиально внеполитической позиции, а прекращение (пусть и временное) сотрудничества с СЗ стало всего лишь результатом сложившейся ситуации.

Проблема самоизоляции русской эмигрантской литературы будет позднее затронута в письме Ремизова Рудневу от 9 марта 1936 г.: «И как раз вчера еще, раздумывая об одной из заметок (литературных) о моем вечере в “П[оследних] н[овостях]”, я понимал Газданова. Газданов несмело (но большего с него и требовать нельзя) подошел к самой сердцевине современной литературного вопроса. “Провинциализм”. Самым ярким примером этого провинциализма может служить советская литература. (Это почувствовал Горький и заругался, только Горький, как и Газданов, не могут найти слова: в чем же дело? Ведь на $\frac{3}{4}$, а может и побольше, и французс[кая] соврем[енная] литература глубоко провинциальна, само собой и здешняя русская). Нет мифотворчества. Нет легенды. А без

³⁶ Вишняк 1993. С. 106.

мифа и легенды будут одни какие-то Козлоки, адюльтеры, XVI аррондисман, люди из Пасси, из Читы, Чернигова, Москвы и т. п. Отсутствие мифотворчества всеобщее явление. А в России, где, как теперь официально заявляется, 17–18 лет творилось безобразия, в России самые корни «сказочные» вытравлены, самый орган мифотворчества отсутствует, ведь там пресурьёзно могут говорить, что «сказка умерла». Так всякая тайна, всякий символ легко обращается в яснейшую пошлость» (п. 79).

Импульсом, спровоцировавшим Ремизова на рассуждения о провинциализме, стала статья Г. Газданова «О молодой эмигрантской литературе»³⁷. Главный тезис Газданова сводился к следующему: «Если отбросить изложение литературных возможностей и достижений в сослагательном наклонении; если считать только с фактически существующим материалом; если отказаться заранее от всех априорных положений и суждений о столь же претенциозной, сколь необоснованной “миссии эмигрантской литературы”, — то придется констатировать, что за шестнадцать лет пребывания за границей не появилось ни одного сколько-нибудь крупного молодого писателя»³⁸.

Ремизова в статье Газданова привлек, вероятно, фрагмент, в котором речь шла об одной из причин того, что русская литература в эмиграции не дала сколько-нибудь значительных писателей (в качестве исключения Газданов называет только Вл. Сирина): «Было бы, конечно, неправильно сказать, что за границей совершенно нет молодого литературного поколения. Есть, конечно, “труженики” и “труженицы” литературы; но только какое же это имеет отношение к искусству? Для этого поколения характерно почтительное отношение ко всему тому литературно-консервативному наследию, которое было вывезено из России представителями старшего поколения и ныне благополучно существует за границей. [...] Молодое поколение не получившейся эмигрантской литературы всецело усвоило готовые литературные и социальные принципы старших писателей эмиграции, принадлежащих в своем большинстве к дореволюционно-провинциальной литературной школе»³⁹. Иными словами, для Газданова провинциализм русской литературы в эмиграции (как «старшей», так и «младшей») есть результат того, что она не способна изжить «готовые литературные и социальные принципы старших писателей эмиграции», принципы «дореволюционно-провинциальной литературной школы». Фактически Газданов этим беглым замечанием и ограничивается, что и отмечает Ремизов (когда пишет о

³⁷ См.: Газданов Г. И. О молодой эмигрантской литературе // СЗ. 1936. № 60. С. 404–408. Переизд.: Критика русского Зарубежья. М., 2002. Т. 2. С. 272–278. Статья Газданова сразу вызвала отклики в следующем номере журнала: Алданов М. А. О положении эмигрантской литературы // СЗ. 1936. № 61. С. 400–409; Варшавский В. С. О прозе «младших» эмигрантских писателей // Там же. С. 409–414.

³⁸ Газданов Г. И. О молодой эмигрантской литературе. С. 404.

³⁹ Там же. С. 408. Более отчетливо эту мысль о провинциальности русской литературы в эмиграции еще в 1929 г. высказал М. Слоним в статье «Молодые писатели за рубежом» (Воля России. 1929. № 10/11): «Находясь вне большой дороги русского литературного развития, значительная часть молодежи занята повторением пройденного или открывает давно открытые и прочно заселенные Америки. В поэзии это бальмонтовщина или северянинщина, в худшем случае песенки Вертинского, в лучшем — подражание любовной лирике Ахматовой. В прозе — литература “воспоминаний”, русского пейзажа, холдная описательность бунинского типа, водянистые рассказы того пресного реалистического стиля, который в 900-х годах в изобилии встречался в приложениях к “Ниве”. Достаточно раскрыть эмигрантские газеты или журналы вроде “Иллюстрированной России”, этого зарубежного соперника “Огонька”, чтобы увидеть великое множество этих никому не нужных произведений. И нельзя даже сказать, что на этой обильной и скучной продукции всегда отражается влияние лучших представителей эмигрантской литературы. Нет, гораздо чаще копируют Чирикова, чем Бунина, Северянина, чем Ходасевича. Тут всего типичнее не влияние отдельных писателей, а какая-то общая атмосфера, какая-то неизгладимая печать литературного провинциализма и отсталости» (цит. по: Слоним М. Молодые писатели за рубежом // Критика русского Зарубежья. М., 2002. Т. 2. С. 114; курсив наш. — А. Д., С. Д.).

том, что Газданов «несмело [...] подошел к самой сердцевине современной литературы вопроса»).

Понять рассуждения самого Ремизова о провинциализме русской эмигрантской литературы помогает его книга «Учитель музыки», в которой мотив провинциализма «русского Парижа» возникает неоднократно. В частности, в гл. «Буйволы рога» он пишет о Париже: «А ведь Париж, единственный и последний пункт земли, откуда только и остается или взлететь на воздух или зарыться в пески — этот мировой город — глуше́йшая провинция для русских, не Вологда и не Пенза, а какой-то Усть-Сысольск, все знают друг друга, и у всякого есть до всего дело и какие-нибудь дела»⁴⁰.

Более пространные рассуждения о провинциализме «русского Парижа» мы находим в гл. «Шиш еловый»⁴¹, в которой Ремизов явно противопоставляет провинциальному русскому Парижу — менее провинциальный русский Берлин: «Два берлинских инфляционных года, если судить по информации Судока, представляли необычайно кипучую деятельность в искусстве и литературе, или вообще говоря, на культурном фронте: русский Берлин, если еще не превратился, то был накануне превращения в Афины⁴², а до сих пор не засыпанный ров Е. Д. Кусковой не только сравнивался, а еще, как память, цвел цветочной клумбой — хлестаковскими курьерами летали из России в Берлин и из Берлина в Россию художники, писатели, ученые и музыканты. Стабилизация марки разбила все мечты и планы Судока. И с “Берлинской волной” Судок перекочевал в Париж. (Мы приехали вместе — 7 ноября 1923 г., держу в памяти для карт-дидантитэ.) Но этот Париж ничего не имел общего с тогдашним Берлином: инфляционный Берлин, связанный с живой Россией и по свежим воспоминаниям выехавших за границу и по общению с приезжающими из России, был столицей, Париж же, теперь не высокой валюты, принявший в себя такие две разные волны, как Константинопольская, память которой держалась на “гражданской войне”, и эта наша Берлинская, пережившая всю революцию в Москве или в Петербурге до нэпа, становился провинциальнейшим городом русского “стомиллиона”. И с каждым “беженским” годом или с каждым годом “в изгнании”, как любят выражаться никогда никем не изгнанные, явившиеся за границу с разрешения и даже в командировку, провинциальный дух концентрируется, проникая душу русского парижанина. Все, что есть характерного для провинциала, с годами распустилось в русском “стомиллионном” Париже, в самом совершенном виде. И разве это не провинция: выпуская книгу, пишут предисловие, заявляя, что предлагаемый рассказ, написанный от “я”, совсем не надо понимать, что автор описывает себя, свою жизнь; или, скажу про себя, ничего нельзя написать из нашего житья-бытья, непременно найдется кто-нибудь, кто узнает себя, и бывали случаи, что отказывали печатать и возвращали рукопись “из-за личных намеков” — ну, скажите, пожалуйста, точно, напр., расстройство желудка такая уж индивидуальная болезнь? И хотя я печатно заявлял и еще раз заявляю, что я, как и всякий писатель, подчеркиваю писателя, а не описатель,

⁴⁰ Ремизов А. Собр. соч. Т. 9. С. 49.

⁴¹ Впервые: Ремизов А. Шиш еловый // Числа. 1933. № 9. С. 57–83.

⁴² Уподобление Берлина древним Афинам (как центру культуры и цивилизации) — явный намек на его статус литературной столицы русской эмиграции. Аналогичным образом в автобиографической книге «Иверень. Загогулины моей памяти» Ремизов назвал «северными Афинами» провинциальную Вологду 1901–1903 гг., в которой он проживал в качестве политического ссыльного и где кипела активная культурная жизнь: «Все книги, выходящие в России, в первую голову посылались в Вологду и не в книжный магазин Тарутина, а к тому же П. Е. Щеголеву. И было известно все, что творится на белом свете: из Арзамаса писал Горький, из Полтавы Короленко, из Петербурга Д. В. Философов, он высылал “Мир Искусства”, А. А. Шахматов, П. Б. Струве, Д. Е. Жуковский, а из Москвы — В. Я. Брюсов, Ю. К. Балтрушайтис и Леонид Андреев. Между Парижем, Цюрихом, Женевой и Вологдой был подлинно “прямой провод”» (Ремизов А. Собр. соч. Т. 8. С. 484).

пишу только и только о себе, свое и о своем, — подите, сговоритесь! Впрочем, что такое провинциал, лучше не скажешь, чем Достоевский: “Инстинкт провинциальных вестовщиков, — говорит Достоевский, — доходит иногда до чудесного и, разумеется, тому есть причины. Он основан на самом близком, интересном и многолетнем изучении друг друга. Всякий провинциал живет как будто под стекляннным коллаком. Нет решительно никакой возможности хоть что-нибудь скрыть от своих почтенных сограждан. Вас знают наизусть, знают даже то, чего вы сами про себя не знаете. Провинциал уже по натуре своей, кажется, должен быть психологом и сердцедоведом. Вот почему я иногда искренно удивлялся, весьма часто встречая в провинции вместо психологов и сердцедоведов чрезвычайно много ослов”⁴³.

Таким образом, «провинциальный дух», который Ремизов обнаружил в Париже, заключался в оторванности от «живой России», в замкнутости мира литераторов, в нетерпимости к инакомыслию, в политической и литературно-эстетической корпоративности периодических изданий и издательств⁴⁴, которые ограничивали свободу писателя — быть прежде всего писателем⁴⁵.

Примечательно в этой связи упоминание Ремизовым Е. Д. Кусковой. Речь идет об идее Кусковой засыпать «ров гражданской войны», которая вызвала отторжение у политизированной русской эмиграции Парижа. Впрочем, Ремизова больше интересовал не политический аспект этого вопроса, а сугубо литературный, и как преимущество «русского Берлина» он отмечает более тесную связь берлинской эмиграции с писателями, оставшимися в Советской России. Ремизов сам живо интересовался творчеством молодых советских писателей (прежде всего — «Серрапионовых братьев»⁴⁶) и немало способствовал популяризации их творчества в эмиграции⁴⁷. Например,

⁴³ Ремизов А. Собр. соч. Т. 9. С. 314. Ремизов цитирует отрывок из повести Ф. Достоевского «Дядюшкин сон» (*Достоевский Ф. М. Собр. соч.*: В 15 т. Л., 1988. Т. 2. С. 442). Нелишне напомнить, что «вестовщик — рассказчик вестей, новостей, сплетник, переносчик, врун» (*Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка*. СПб., 1998. Т. 1. С. 333).

⁴⁴ Ср.: «Но я еще только входил в литературный круг и не мог понять, в чем тут небылца: я еще не знал никаких литературных мерзостей, вроде бойкота — или замалчивания, широко практикующегося в эмигрантской печати» (*Ремизов А. Собр. соч. Т. 9. С. 317*).

⁴⁵ Ср. также процитированное выше высказывание Ремизова о «сереньких “зозулях”» (примеч. 16). Собираемый образ второстепенного писателя с раздутой репутацией, названный Ремизовым «зозуля», восходит, возможно, к имени советского беллетриста 1920-х годов Е. Д. Зозули (см.: *Лучанский М. Зозуля* // *Лит. энциклопедия*: В 11 т. [М.]: Изд-во Ком. Акад., 1930. Т. 4. Стб. 349). Знаменательно, что о синдроме провинциализма в литературе русской эмиграции (хотя и несколько иначе его понимая) писал также А. Бем в рецензии на роман Ю. Фельзена «Письма о Лермонтове»: «Почти оскорбительная для нашего сознания безответственность перед словом, легкомысленное жонглирование ответственнейшими вопросами, какое-то самоупоение тягуче нудным не словоизвержением, а слово-выделением! И на всем этом печать особого “провинциализма”, я бы его назвал, несмотря на кажущееся противоречие этого соединения, провинциализм столичным. Провинциал, очутившийся волей судьбы в столице, нахватавшийся верхов культуры, начитавшийся — без возможности продумать и освоить — наиболее модных авторов и сам захотевший стать во что бы то ни стало “столичным” — вот источники этого столичного провинциализма. Париж наиболее подходящее место для произрастания этого сугубо российского плода» (*Бем А. Столичный провинциализм* // *Меч. 1936. 19 янв. № 3*).

⁴⁶ См. подробнее: *Обатнина Е. Р. А. М. Ремизов и «Серрапионовы братья»*: (К истории взаимоотношений) // «Серрапионовы братья» в собраниях Пушкинского Дома: Материалы. Исследования. Публикации. СПб., 1998. С. 173–185. В письме Н. Кодрянской от 17–18 мая 1956 г. Ремизов объяснит свою близость к ним и свою чуждость эмигрантским писателям: «Эмиграция в противоположность России 20-х годов (“Серрапионовы братья”) не любопытна к слову» (*Кодрянская Н. Алексей Ремизов. Париж, 1959. С. 290*).

⁴⁷ В книге «Кукха» Ремизов даст такую оценку молодым советским писателям: «А знаете, Василий Васильевич [Розанов], как нынче хорошо писать стали молодые, те, что за нами — вы их никого не встречали, они начали только в революцию — это какая-то Коляда в русской литературе» (*Ремизов А. Собр. соч. М., 2002. Т. 7: Ахру. С. 72*).

Д. П. Святополк-Мирский сообщал Ремизову в июне 1926 г.: «Да, “Версты” все не вышли! Пора бы уже. Василия Андреева и Баршева все-таки, конечно, уже нельзя поместить в I [-й] №, но для второго, если Бог даст доживем, мы будем Вам очень благодарны за это указание. Действительно надо новых, и молодых, и никому не известных. Мы и так Вам благодарны за Сельвинского, которого Вы нам открыли (да и Бабеля в свое время тоже)»⁴⁸.

Как очевидно, публикация в «Верстах» произведений «советских» писателей (И. Сельвинского, И. Бабеля, В. Андреева) состоялась не без участия Ремизова. Можно добавить, что еще ранее, с 1922 г., Ремизов всячески содействовал публикациям в Берлине произведений Б. Пильняка (который считал себя учеником Ремизова), а также поддерживал с ним дружеские отношения и позже, когда жил уже в Париже⁴⁹.

В журнале Д. Святополка-Мирского «Версты» Ремизов видел не только очередное периодическое издание, позволявшее печататься, но и журнал, на страницах которого могли бы сосуществовать писатели разных литературных и политических предпочтений, а также писатели, вообще стоящие вне политики. Идею именно такого журнала Д. Святополк-Мирский изложил в письме Л. Вулфу⁵⁰ от 1 февраля 1926 г.: «Вы, наверное, знаете, русская пресса за пределами России полностью находится под контролем вождей эмигрантских политических партий, которые предоставляют свои страницы независимым и аполитичным писателям (романистам и поэтам) только постольку, поскольку такие писатели отвечают политическим требованиям этих вождей. И выходит так, что двум писателям, которые, с моей точки зрения, являются самыми выдающимися за пределами России, — Ремизову и Марине Цветаевой (а также и другим, менее крупным, но все же довольно значительным), — по существу, заткнули рот. Ибо их произведения или не принимаются к публикации, или подвергаются нелепейшей цензуре. Русские денежные средства в зарубежье также находятся в распоряжении политических партий, и таким образом русская эмигрантская литература пребывает в том же положении, что и Валаам: пророка заставили замолчать, а ослице позволили пророчить. Я пытаюсь раздобыть в Англии денег на журнал, который был бы свободен от политического контроля и объединил бы под одной обложкой независимых писателей, проживающих в России и вне ее. Основными участниками будут Ремизов, Шестов, Марина Цветаева и я, и мы надеемся заручиться поддержкой нескольких писателей из СССР, особенно Пастернака, Мандельштама, Бабеля и Шкловского»⁵¹. Святополк-Мирский, разумеется, несколько утрирует и упрощает ситуацию, но в целом он прав: и Ремизов, и Цветаева не пользовались особенным вниманием редакторов русских эмигрантских газет и журналов.

⁴⁸ «... с Вами беда — не перевести»: Письма Д. П. Святополка-Мирского к А. М. Ремизову. 1922–1929 / Публ. Р. Хьюза // Диаспора. СПб., 2003. [Вып.] 5. С. 378.

⁴⁹ О Б. Пильняке Ремизов вспоминает также в «Учителе музыки»: «Когда-то в Берлине появился внешне Пильняк [...] тогда молодой литератор, было общее, и о чем спросить, и чего сказать друг другу» (Ремизов А. Собр. соч. Т. 9. С. 390). Ср. свидетельство Стивена Грэма: «Я встречался и с Алексеем Ремизовым. В отличие от Бунина, он тепло и дружески относился к советским писателям, и — особенно к романисту Борису Пильняку» (цит. по: Каратеева Т. Б. Пильняк и С. Грэм // Борис Пильняк: Исследования и материалы. Коломна, 2001. Вып. III–IV. С. 26). См. также: Учитель или подмастерье? Семь писем Бориса Пильняка Алексею Ремизову / Подгот. текста, вступ. ст. и примеч. Д. Касек // Новое лит. обозрение. 2003. № 61. С. 247–272; Jensen P. A. Nature as Code: The Achievement of Boris Pilnjak 1915–1924. Copenhagen, 1979. P. 46–57.

⁵⁰ Вульф Леонард (Leonard Woolf; 1880–1969), владелец лондонского издательства «Хогарт Пресс» (Hogarth Press, осн. в 1917 г.).

⁵¹ Неизвестные письма Д. П. Святополка-Мирского середины 1920-х годов / Вступ. статья, публ. и коммент. А. Б. Рогачевского // Диаспора. СПб., 2001. [Вып.] 2. С. 365 (письмо на англ. яз., цит. по переводу публикатора; курсив наш. — А. Д., С. Д.).

* * *

История с «Верстами» стала, вероятно, и причиной перестановки в переписке членов редакции с Ремизовым: до 1926 г. Ремизов поддерживает переписку в основном с Вишняком, а после 1926 г. — эти функции очевидно перешли к Рудневу. Косвенно это следует из «примирительного» письма Вишняка от 6 апреля 1931 г., в котором он сообщает: «О “модальностях” (финансовых и др.) с Вами спишется Вадим Викторович» (п. 42). В дальнейшем большинство вопросов, касающихся участия Ремизова в СЗ, обсуждаются и решаются в переписке Ремизова с Рудневым, с которым у Ремизова сохранились дружеские отношения. Это заметно и по доверительному тону писем Руднева. Например, когда в 1931 г. возник вопрос в связи с требованием Ремизова напечатать в СЗ извинительную заметку от имени редакции (письмо Вишняку от 8 апреля 1931 г.): «Дорогой Марк Вениаминович, нет Вам и не может быть оправдания. И потому мои пожелания остаются в силе: напечатать в “С[овременных] з[аписках]” на отдельной странице перед или после критическим отделом перечень книг А. Ремизова, вышедших после “Взвихренной Руси” и “Оли”, о которых дан был отзыв в 1927 кн. XXXI, 1928 кн. XXXIV (а “Верстовое дело” относится к 1925 году), сопроводив следующим от редакции: “За отсутствием охотников и специалистов поименованные книги А. Ремизова остались без отзыва”. Марк Вишняк и проч. (или Ред[акция])» (п. 40)⁵².

Письмо написано в достаточно резком для Ремизова тоне, поэтому разрешить всю эту щекотливую ситуацию пришлось Рудневу. В письме Ремизову от 10 апреля 1931 г. он сообщает: «Помещение такого *редакционного* заявления может означать одно из двух: или “чуждость”, — но оно не совсем в стиле нашего журнала, “С[овременные] з[аписки]” для этого не то что журнал слишком серьезный, но он просто лишен юмора, что ли; или вынужденного самосечения, — вот, мол, Ремизов заставил редакцию извиняться, что не дали отзыва о его последних книгах. Но, не говоря уже о необычности такого вынужденного самосечения, — я и не нахожу его справедливым. Библиографический отдел наш, все знают, совершенно случаен, остается без отзыва масса первоклассных книг — едва ли это даже скорей не правило, что мы оставляем без рецензий все более сложные вещи, требующие от рецензентов большого напряжения. Что же, завести теперь на будущее вообще отдел самосечения редакции, по поводу вообще *всех* нами не отмеченных авторов? Иначе, что за привилегия у Ремизова?» (п. 45).

Руднев в письмах Ремизову 30-х гг. выступает не только как один из редакторов СЗ, но и просто как внимательный и заинтересованный читатель Ремизова. Характерно уже его письмо от 1 января 1927 г. (в ответ на получение книги Ремизова «Взвихренная Русь»): «Дорогой Алексей Михайлович! Очень Вы нас обрадовали, Веру Ивановну и меня, своим подарком. И милое внимание Ваше очень нам дорого, и книга сама по себе совершенно удивительная. Радуюсь за читателей, тому “чуду”, которое помогло ей выйти в свет. Сегодня, в новый Год, когда душа обращена к России и к прошлому, мы с В. И. сидим дома и весь день, разрезая книжку, не отрываясь, перечитываем отдельные главы. Вышло как раз так, как вы изобразили: елка, два существа и смотрят на “свет тихий”. Не знаю даже, что удивительнее: изумительная ли художественная форма Вашей “Руси”, или проникающий ее, редчайший в наше душное время пафос духовный особого рода, — поднимающий душу над злобой мира сего — и потому освобождающий ее от злобы в самой себе. Душевное Вам спасибо за это. Веет от книги примиренным, просветленным, ободренным: веришь, что зло торжествует только *видимо*, раз есть возможность пронести сквозь него собственный свет непогашенным» (п. 27).

⁵² На полях приписка Ремизова карандашом: «Про охотников на Вашу волю».

И в дальнейшем Руднев будет высказываться о произведениях Ремизова — именно в качестве доброжелательного *читателя*, который иногда не очень понимает некоторые особенности ремизовской писательской манеры.

В письме от 7 ноября 1928 г. он даже берет на себя смелость высказать свое несогласие с тем, что в свои средневековые «апокрифы» о св. Николае Ремизов включает реалии XX века и тем самым — осовременивает их: «Можно ли Вам говорить *всю* правду, как она есть, без сахара и позолоты? Сможете вместить? *БОГ ЗНАЕТ ЧТО ТАКОЕ* — эти Ваши “ремизовские штучки” — с газетами, пароходами, TSF и аэропланами в житии Николая Чудотворца. Вы можете в оправдание приводить какие угодно параллели и аналогии из истории искусства — живое чувство отталкивания, протеста, вражды в читателе этим Вы не победите!» (п. 35). К сожалению, ответное письмо Ремизова Рудневу нам неизвестно. Но нет сомнений, что Ремизов, скорее всего, дал объяснение своему «чуждачеству» (как его назвал Руднев). Позицию Ремизова можно частично реконструировать. Дело в том, что в 1931 г. с резкой оценкой ремизовских переложений легенд о св. Николае выступил И. А. Ильин, который утверждал: «Легенды о Николае в “Трех серпах” меня огорчили. Это играющее смешивание эпох производит впечатление *иронического отношения к сюжету*: как заведомо и наверное не могло быть такого междуисторического всесмешения — так значит автор и к самим чудесам Николая Угодника относится заведомо несерьезно, с играющей насмешкой. Вот осадок от чтения, и Вы представить себе не можете, дорогой Алексей Михайлович, какая темная, протестующая грусть родится от этого вдруг: как если бы кто-нибудь священному Предмету зачем-то язык показал»⁵³.

Еще более подробно суть своего несогласия с Ремизовым И. Ильин изложил в письме от 1 февраля 1931 г.: «В “Николиных притчах” — Вы нарушаете закон вероимности *совсем по-особому*: заведомым, вопиющим *анахронизмом*. При первом же анахронизме — воображение спотыкается и говорит: “Э-э! Да это он нарочно” или “ах, это просто выдумка” — оно *тотчас же перестает верить и больше вообразить не хочет*»⁵⁴. Ответное письмо Ремизова неизвестно, но в записной книжке Ильина есть конспект этого, видимо, письма: «Ремизов пишет мне, что он избрал “живописный метод”; что он решил “нарядить” легенды “в современность”; что “военачальников” он может себе представить только “командирами, комиссарами карательного отряда” — что это “живая жизнь”: не “усечение мечом”, а “к стенке”»⁵⁵.

В действительности же речь идет не о «чуждачестве» Ремизова, а о сознательном приеме «модернизации» апокрифической (и шире — библейской) исторической обстановки. Термин «модернизация» (в значении: «осовременивание») Ремизов использовал в предисловии к книге «Круг счастья. Легенды о царе Соломоне» (1957): «Много я читал о царе Соломоне — любимое имя русского народа. И мои четыре повести идут от векового голоса русской земли: русская сказка, русская повесть и две легенды о построении Храма. Повесть (“Царь Соломон и красный царь Пор”) я — и без этого не могу — “модернизировал”»⁵⁶.

И действительно, в апокрифе «Тябень» мы находим немало анахронизмов, т. е. реалий и понятий, которые не существовали в библейскую эпоху: «Китоврас,

⁵³ Цит. по: *Обатнина Е.* О целях творчества: Полемический диалог А. Ремизова и И. Ильина // *Aleksej Remizov: Studi e materiali inediti* / A cura di A. M. Gračeva e A. d'Amelia. Salerno; СПб., 2003. С. 182 (курсив И. Ильина).

⁵⁴ Там же. С. 183 (курсив И. Ильина).

⁵⁵ *Ильин И. А.* Собр. соч.: Письма. Мемуары (1939–1954). М., 1999. С. 292.

⁵⁶ *Ремизов А.* Собр. соч. М., 2001. Т. 6: Лимонарь. С. 556.

могущественный из демонов, указал способ тесать камни “шамиром”. И работа пошла в тишине, для слуха незаметно [...] А глаза понемногу привыкли и к поблескиванию и к вспышкам *электрических* огоньков, когда “само собой” на леса подымались камни и катили из пустыни *платформы* с камнем без проводников и *шоферов*»⁵⁷. Далее в этом апокрифе появляются «общественные столовые», «рестораны, отели, бистро», «мэтрдотели», «суфле», «эскалопы», «нантские сардинки», царь Соломон устраивает «банкет», а в сочельник к нему пожаловали «французские эскамотеры»⁵⁸.

Помимо «модернизации» библейских и средневековых апокрифов Ремизов подвергает их «национализации» — придает им тот или иной *национальный* колорит⁵⁹. Причем если в дореволюционных апокрифах это в основном русский колорит, то в апокрифах, написанных в эмиграции, появляется также колорит французский (как, напр., в апокрифе «Тябень» или легендах о св. Николае, о коих идет речь в письме Руднева).

Такой прием Ремизова противоречил сложившейся в литературе традиции изображать библейскую эпоху исторически достоверно, что и вызвало непонимание и возражение Руднева⁶⁰. Возможно, именно это обстоятельство стало причиной того, что своеобразные ремизовские «современные» апокрифы больше в журнале СЗ не печатались. Такой вывод напрашивается в связи с письмом Руднева Ремизову от 17 декабря 1928 г.: «Дорогой Алексей Михайлович! Составляем проспект того, что предполагаем напечатать в “Совр[еменных] зап[исках]” в 1929 году. Проспект будем печатать на днях. Черкните несколько слов: как обстоит дело с Вашими литературными планами на будущий год, на что могут рассчитывать “Совр[еменные] зап[иски]”, — и желательно не из “божественного”» (п. 36). Под «божественным» Руднев подразумевает, скорее всего, ремизовские переложения библейских и апокрифических сюжетов.

Переписка Ремизова с Рудневым затрагивает (пусть и косвенно, имплицитно) такую важную для Ремизова проблему, как взаимоотношение писателя и читателя. С одной стороны, Ремизов неоднократно признавался, что его мало интересовал читатель. С другой стороны, в 1931 г. он выступает в «Числах» с заметкой «Для кого писать», тем самым инициировав дискуссию именно о *проблеме читателя*.

⁵⁷ Там же. С. 578 (курсив наш. — А. Д., С. Д.).

⁵⁸ Там же. С. 578, 581, 578, 583. Эскамотер (фр. *escamoteur*) — фокусник, шулер, карманный вор.

⁵⁹ Как пример «модернизации» (и «национализации») библейских образов Ремизов рассматривает один случай у Гоголя (в примеч. к книге «Образ Николая Чудотворца. Алатырь — камень русской веры»): «Как пример правильной безархеологичности художника, у Гоголя в неоконченной повести XVII в. про Острицу: сцены из Священного Писания — “Авраам, прицеливающийся из пистолета в Исаака; святой Дамьян, сидящий на колу”» (Ремизов А. Собр. соч. Т. 6. С. 644). Ремизов цитирует повесть «Гетьман» (Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: [В 14 т.]. [М.; Л.], 1938. Т. 3. С. 294). О специфике апокрифов Ремизова см. также: Доценко С. Современный апокриф А. Ремизова // Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. 1991. Вып. 881. (Блоковский сборник; X). С. 82–91; Доценко С. «Автобиографическое» и «апокрифическое» в творчестве А. Ремизова // Алексей Ремизов: Исследования и материалы. СПб. 1994. С. 33–40; Обатнина Е. О целях творчества. С. 181–202).

⁶⁰ О своем категорическом несогласии с ремизовским методом «модернизации» легенд о св. Николае писал И. Ильин: «Это отсутствие заботы *органической* цельности произведения и его *образной* правдоподобности выразилось у Ремизова с особенной наглядностью в его двухтомном произведении “Три серпа. Московские любимые легенды”. Фантастические рассказы о Св. Николае, Мирликийском чудотворце, составлены автором так, что читатель с первых же страниц испытывает художественный испуг и разочарование и не расстается с этими чувствами до конца. Дело в том, что в этих рассказах бытовая и образный материал берется *сразу* из первых веков после Рождества Христова, из средних веков европейской жизни, из православной Руси, из большевистской революции, из современного эмигрантского быта во Франции и из русской сказки. И все это обрушивается на читателя» (Ильин И. А. О тьме и просветлении: Книга художественной критики. Бунин. Ремизов. Шмелев. М., 1991. С. 121). Подробнее см.: Обатнина Е. О целях творчества. С. 181–202.

В частности, Ремизов отстаивает следующую позицию: «Нет и не может быть такой оценки литературного произведения: *для кого оно написано?* Литературное произведение — дело жизни. Пишется не для кого и не для чего, а только для самого того, что пишется и не может быть не написано. Толстой исправлял и переписывал свои произведения не для себя и не для Софьи Андреевны, а чтобы выразить как можно яснее то, что думается. Для писателя, когда он пишет, не существует никакого читателя. И что было бы с несчастным писателем, если бы он оглядывался — и на ком ему остановить глаз: на Шестове или на Пугавкине? То, что поймет Шестов, останется невнятным Пугавкину, а то, что легко прочтется Пугавкиным, Шестов просто читать не будет. Писатель отдает в печать то, что на его глаз сделано, и что может он показать в свет, как вещь. Понравится ли эта вещь, или ее выбросят — тут он совсем ни при чем. А судить его вещь будут по ее доброте, и судов будет столько, сколько будет судей. Говорить о литературном произведении, что оно плохо, потому что автор сделал его “для себя”, так говорить может только человек, который никогда никаких литературных вещей не делал и не представляет себе, как они делаются. И, говоря так, Осоргин-писатель говорит не от себя, это через него, его голосом говорит “стомиллионное” население русского Парижа»⁶¹.

В конце своей заметки он вновь повторяет этот тезис: «Только мнение “стомиллионов” выражается по-другому, а именно: писатель, когда пишет, прислушивается и приглядывается к этому “стомиллиону” и, написав, отдает в печать, а иногда пишет что-то “для себя” и оставляет у себя “в портфеле”, но бывают чудачки, которые это написанное “для себя” печатают — “но мы ничего не понимаем!” И такому “стомиллионному” мнению давность века, и в веках никому не пришло в голову усомниться в своем мнении и, оставив виноватить “чудака”, признать в себе “недоразвитый мозг” и еще “непрорезавшиеся глаза”. И эти уверенные “стомиллионов” совершенно правы, да иначе и думать не могут, а каждый из них усомнившийся немедленно выбывает из их “стомиллионного” строя. Но никогда не прав писатель, принимающий в своем суде о литературном произведении расценку такого “стомиллионного” глаза, слуха и сердца. Повторяю: для писателя, когда он пишет, нет ни читателя, ни расчета — пишется не для кого и не для чего, а только для самого того, что пишется и не может быть не написано»⁶².

В образе этого писателя-«чудака» легко увидеть писательский тип самого Ремизова. Тем самым Ремизов отстаивает право писателя не подстраиваться под литературные вкусы и симпатии массового читателя, а оставаться самим собой — даже если он не будет понят этим массовым читателем. Каковы смысл и цель этого своеобразного литературного манифеста Ремизова? Особенно в свете того обстоятельства, что Ремизов редко выступал с публичным изложением своей писательской позиции? Представляется, что это вызвано в известной мере сложным и трудным положением Ремизова в литературном мире, итог которому он подвел в 1954 г. в очерке «Рисунки писателей»: «Последние годы 1931–49 [...] у меня не осталось никакой надежды увидеть мои подготовленные к печати книги, а в русских периодических изданиях оказалось, что для меня “нет места” и я попал в круг писателей, “приговоренных к высшей мере наказания” или, просто говоря, обреченных на смерть»⁶³.

Ремизов уже в 1931 г. (когда вышла его последняя книга и начался 18-летний период, когда его книги перестали печатать) почувствовал всю шаткость своего литературного положения в эмиграции — в том числе и на страницах периодики. Поэтому столь принципиальным и важным стал для него вопрос: «Для кого писать?» Еще точнее этот

⁶¹ Ремизов А. Для кого писать // Числа. 1931. № 5. С. 283–285; здесь: С. 284.

⁶² Там же. С. 284–285.

⁶³ Ремизов А. Собр. соч. Т. 10. С. 398.

вопрос можно было бы сформулировать иначе (в духе собственно ремизовской позиции): «Для кого *не стоит* писать?»

Разумеется, Ремизов прекрасно понимал: изменить что-либо в консервативной литературной системе русской эмиграции практически невозможно. Однако он не мог не высказать публично свою позицию. Свою литературную судьбу Ремизов воспринимал фаталистически и потому писал в книге воспоминаний «Петербургский бунрак»: «Висеть в воздухе — моя судьба. “Муаллякат” — символ моей жизни. Или как в Петербурге, в те дореволюционные времена, прислугам писали на удостоверениях из наемных контор: “неподходяча”»⁶⁴. В этой простой фразе, как в капле воды, отразилась и история сотрудничества Ремизова с СЗ.

---

⁶⁴ Ремизов А. Собр. соч. С. 250.

1. Фондаминский — Ремизову

Paris. 5 сентября 1921 г.

principe acceptons payons 400 francs feuille 32 mille lettres indispensable examiner prealablement manuscript = fondaminsky¹

Перевод:

[В] принципе мы согласны; платим 400 франков [за] лист в 32 тысячи знаков; необходимо ознакомиться предварительно с рукописью = Фондаминский

Публикуется по автографу (Amherst Center. Remizov papers. Box 1. F. 1). Телеграмма, вклеенная в альбом; адрес получателя (и почт. шт.) имелся на обратной стороне; на бланке (на эстонском языке) чиновником почтамта помечена карандашом дата приема: «5.IX.1921». Ремизовым отмечена дата получения: «6.IX.».

¹ Ремизов дебютировал в СЗ «русалией» «Алалей-и-Лейла» (см.: *Ремизов А. М.* Русалия: Алалей-и-Лейла // СЗ. 1922. № 9. С. 88–115).

2. Фондаминский и А. Н. Толстой — Ремизову

Paris. 6 октября 1921 г.

Париж, 6 X 1921

Глубокоуважаемый Алексей Михайлович, я дал две телеграммы Влад. Мих. Зензинову в Ревель¹ с просьбой прислать Вашу большую повесть. Он ответил, что Ваша повесть где-то затеряна². Теперь мы прослышали, что Вы в Берлине³ и очень просим Вас нас не забывать. Как только Ваша повесть будет выручена, пришлите, пожалуйста, нам. Мы Вам ответим очень скоро и надеемся, что повесть пойдет в журнал⁴; а потом Вы сумеете издать отдельно.

Если у Вас имеются небольшие вещи, просим Вас тоже прислать.

Очень счастливы, что Вы вырвались от большевиков и сохранились для России. Передайте привет Вашей жене⁵. Если Вы помните, Вы и Ваша жена были у нас в Париже много лет тому назад⁶.

Шлю сердечный привет.

И. Фондаминский

Милые мои друзья Серафима Павловна и Алексей Михайлович, бесконечно был рад Вашему спасению⁷. Надеюсь, мы скоро увидимся в Берлине. Обнимаю Вас обоих.

Граф Алексей Н. Толстой⁸

Публикуется по автографу (Amherst Center. Remizov papers. Box 1. F. 1). Письмо на бланке журнала «За рубежом». Название зачеркнуто и от руки исправлено: «Современные записки». Приписка А. Толстого сделана слева наискосок в верхнем углу страницы. Рядом с подписанием рисунок физиономии А. Толстого, слегка шаржированный.

¹ Ремизов (вместе с женой С. П. Ремизовой-Довгелло) приехал в Ревель 23 августа 1921 г., а уехал в Берлин 18 сентября 1921 г. В Ревеле 16 сентября 1921 г. в зале Эстонского национального музея состоялся авторский вечер Ремизова; вечер нашел отклик на страницах эстонских газет и журналов (см.: *Kruus R. Remizov, Kussikov, Pilnjak ja teised // Keel ja kirjandus* (Tallinn). 1983. № 5. Lk. 257), а за день до вечера газета «Päevaleht» напечатала заметку о Ремизове и интервью с ним (см.: *M. Aleksei Remizov // Päevaleht*. 1921. 15.IX. № 245). Подробный отчет о вечере напечатала русскоязычная газета (*Яровой [Воинов Я. В.] Белое сердце // Последние известия*. 1921. 22 сент. № 230). На основании этой заметки можно реконструировать программу вечера. Ремизов читал свои новые рассказы, составившие затем книгу «Шумы города»: «Голодная песня», «Белое сердце», «Звезды», «Свет слова», «Заборы», а также свои более ранние вещи из книги сказок «Посолонь» (1907): «Калечина-Малечина», «Кострома», автобиографический рассказ «Богомолье». На вечере присутствовало около 150 слушателей, и, судя по откликам, он прошел с успехом: «И были слезы, и была тишина в зале даже в минуты, когда молчал творец, перебирая страницы после прочитанного только что рассказа. [...] Дальше — “Семидневец”, ряд рассказов вне тяжелых петербургских лет, иногда вне самой России. [...] И снова слова — как стоны, стоны — как призыв подняться над землею к примиряющим ласковым звездам, к радости будущей. Ремизов сам обрывает эту цепь страданий. Улыбается ласково. Он прочтет теперь знакомые большинству свои старые сказки про “калечину-малечину”, про “костромушку-кострому”. Спойет колыбельную “медведевым деткам” [...] Всемогущество художника, только что поселившегося боль в каждом сердце, сумело и отнять эту боль веселыми ритмами, словечками радостной детской забавы, прибауткой и баюканьем. И снова просьбы слушателей: еще, еще!». В ревельском издательстве «Библиофил» были изданы две книги Ремизова: «Шумы города» (1921) и «Огненная Россия» (1921). О пребывании Ремизова в Ревеле см. подробнее: *Kruus R. Remizov, Kussikov, Pilnjak ja teised // Keel ja kirjandus*. 1983. № 5. Lk. 254–258; *Доценко С. Н. А. М. Ремизов в Эстонии: Начало эмиграции // Балтийский архив*. Таллинн, 1996. Т. 2. С. 171–194; *Меймфе А.* Русские литераторы-эмигранты в Эстонии 1918–1940: На материале периодической печати. Tallinn, 2001. С. 77–78.

² Подразумевается роман «Плачужная канава» (др. назв.: «Ров львиный»), над которым Ремизов работал в 1914–1918 гг. В романе Ремизов завершал свою разработку темы «бедного чиновника», «маленького человека», создал образ, замыкающий галерею ремизовских «подпольных философов». Многие образы и мотивы автобиографичны или же восходят к «петербургским» произведениям Достоевского. Вопрос с публикацией романа не был решен до отъезда Ремизова за границу в августе 1921 г., когда ему пришлось оставить в России все творческие рукописи, в том числе — и редакции «Рва львиного», обретшего к тому времени новое название — «Плачужная канава» (общий объем рукописи романа составил 162 п. л.). Рукописи Ремизова взялся вывезти из страны консул Эстонской республики А. Г. Орг, но они были реквизированы у него на границе. В конечном итоге рукописи оказались у Л. Б. Каменева и при посредничестве А. И. Рыкова, А. К. Воронского и А. А. Аросева были возвращены автору. Видимо, именно об этих рукописях Ремизова идет речь в письме Б. Пильняка Ремизову из Ревеля от 10 апреля 1922 г.: «Узнал у Воронского, что через Воронского — Аросева — Вам — рукописи Ваши посланы» (Новое лит. обозрение. 2003. № 61. С. 255). Сохранилось также недатированное письмо Аросева начала 1922 г., в котором сообщалось: «Написал в Москву в Н[ародный] К[омиссариат] И[ностранных] Д[ел] (с приложенной копией списка): просьбу вернуть рукописи. Разумеется, это протянется долго, т. к. А. Ремизов имел несчастье связаться с известным грабительем [нрзб.] Орг'ом [...]. Сей муж как — — выкачивает наше рабочее золото... Надо подальше от него. Это же

обстоятельство [знакомство с Оргом] играет роль весьма отрицательную и в вопросе о возвращении А. Ремизова в нашу землю» (Там же. С. 257). А. Орг был также владельцем издательства «Библиофил», в котором в 1921 г. были изданы две книги Ремизова: «Шумы города» и «Огненная Россия». Репутация «грабителя» у А. Орга появилась в том числе и в связи с Ремизовым, когда 6 октября 1921 г. ревельская газета «*Rävaleht*» напечатала заметку «*Spekulatsioon naljaga*» («Спекуляция на голоде»), в которой содержались обвинения в адрес А. Г. Орга: якобы тот, будучи эстонским консулом в Петрограде, за мизерный гонорар приобрел у А. Ремизова право на издание его книги «Шумы города» всего за 5000 эстонских марок (при том, что тираж книги составил 3000 экземпляров, а цена книги — 75 марок). А. Г. Орг обвинялся в мошенничестве и спекуляции на безвыходном положении русских писателей в Петрограде. В заметке упоминалась и аналогичная история с покупкой «Библиофилом» рукописей книг А. Амфитеатрова «Зачарованная степь» и «Василий Буслаев». Ремизов сразу же выступил в защиту А. Орга, опубликовав «Письмо в редакцию» (*Rävaleht*. 1921. 8.IX. № 238). Через день это же письмо было напечатано на русском языке: «Прошу напечатать разъяснение мое о “Библиофиле”, о котором написано в *Rävaleht* № 236 от 6 — IX. — *Spekulatsioon naljaga* — Нет, конечно, за книгу мою “Шумы города” дает мне “Библиофил” не 5.000 м., а 5.000 м. за лист. А о петербургской истории “Библиофила” — как “Библиофил” рукописи собирал, позвольте тоже поправить. В июне А. Г. Орг предложил мне за мою книгу ½ мил. сов. руб. за лист. Полмиллиона за лист — это гонорар, превышавший всякие гонорары: и советский Госизд. в 30.000 р. за лист, и наш союзный Петербургского отделения Всероссийского союза писателей в 200.000 р. за лист. Я принял предложение Орга с благодарностью. Я помню, получив авансом лимон (1 миллион руб.) — вот эту кипу — полный портфель! — купили мы сахару (1 ф. — 30.000 р.), масла (1 ф. — около 30.000 р.), баранок (1 б. — 1.500 р.) и такой вечер справили, ну, как в старое время где-нибудь в Москве дружная семья воров на Хитровке. Пили чай с сахаром, с баранками, поминали добрым словом Орга. Ревель, 6 — IX. 1921. Алексей Ремизов» (*Ремизов А.* Письмо в редакцию // Последние известия. 1921. 9 окт. № 219). Недоразумение, таким образом, было разрешено. Об А. А. Аросеве, советском партийном деятеле и писателе (см.: Лит. энциклопедия: В 11 т. М., 1930. Т. 1. Стб. 697; Русские писатели, XX век: Биобиблиогр. словарь: В 2 ч. М., 1998. Ч. 1: А — Л. С. 84–86), Ремизов вспоминал: «С Аросевым я познакомился в Берлине, он издал свои рассказы и пришел к нам с книгой. Потом в Париже, советник посольства, редко, но все-таки заходил на Ав. Mozart, всегда приносил новые книги из России. А потом его сделали послом в Праге [...]. А какая судьба Аросева? Старый большевик, в чистку попал в “троцкисты”, сослан в Сибирь, а потом — дальше и не знаю» (*Ремизов А.* Собр. соч. Т. 10. С. 230–231). В действительности А. Аросев 10 февраля 1938 г. был расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного суда. В книге «Ахру» Ремизов упомянул Аросева в числе талантливых московских писателей (см.: *Ремизов А.* Собр. соч. Т. 7. С. 20, 22). В 1922 г. Ремизов попытался опубликовать переработанный роман в советском издательстве «Круг», однако этому воспрепятствовала цензура (свет увидел лишь отрывок в кн.: Лит. Россия: Сб. совр. рус. прозы/Под ред. В. Лидина. М., 1924. Т. 1). В 1923–1924 гг. под редакционным названием «Канава» три части произведения были опубликованы в «Русской мысли» (Прага; Берлин, 1923. № 1/2. С. 46–89; № 3/5. С. 52–75; № 6/8. С. 62–110; 1923–1924. № 9/12. С. 29–60). Публикация прекратилась в связи с закрытием журнала. Четвертая часть под названием «Ров львиный» была напечатана в 1926 г. в «Воле России» (№ 5. С. 37–74). По мнению автора, при такой публикации его роман как целостное произведение оставался неизданным, что не раз затем подвигало его все же осуществить издание, но это намерение так и не было осуществлено. В полном виде роман увидел свет в изд.: *Ремизов А. М.* Плачущая канава: Роман/Подгот. текста, ст., коммент. А. М. Грачевой // Ремизов А. М. Собр. соч. М., 2001. Т. 4: Плачущая канава. С. 279–452.

³ Ремизовы прожили в Берлине с 19 октября 1921 г. по 5 ноября 1923 г. Все это время Ремизов активно участвовал в литературной жизни русской колонии, печатался в берлинских

газетах и журналах — «Русская книга», «Жар-птица», «Сполохи», «Дни», «Новая русская книга», переиздал ряд своих прежних сочинений и выпустил несколько новых книг. О берлинском периоде жизни и творчества Ремизова см. также: *Флейшман Л., Хьюз Р., Равская Хьюз О.* Русский Берлин. 1921–1923. Париж, 1983. С. 165–175; *Флейшман Л.* В кругу ремизовских мистификаций: «Конклав» Саркофасского // *Studies in Modern Russian and Polish Culture and Bibliography: Essays in Honor of Wojciech Zalewski.* Stanford, 1999. С. 145–176.

⁴ Роман «Плачужная канава» в СЗ не публиковался.

⁵ Ремизова-Довгелло Серафима Павловна (1876–1943), жена писателя. В прошлом — член партии эсеров. Действительный член СПб. Археологического института, ученица проф. И. А. Шляпкина, специалиста по палеографии (см. также: *Грачева А.* Из истории контактов А. М. Ремизова с медиевистами начала XX века: (Илья Александрович Шляпкин) // *ТОДРЛ.* 1993. Т. 46. С. 158–169). В 1924–1939 гг. читала курс по славяно-русской палеографии в *École nationale des langues orientales vivantes* (парижская Школа восточных языков), что стало источником их с Ремизовым существования наряду с эпизодическими гонорарами Ремизова, в том числе за его выступления на литературных вечерах. В письме В. В. Перемилловскому (15 июля 1927 г.) Ремизов сообщил: «Серафима Павловна читает в Сорбонне славяно-русскую палеографию, это единственная зацепка» (Письма А. М. Ремизова к В. В. Перемилловскому / Подгот. текста Т. С. Царьковой; вступ. ст. и примеч. А. М. Грачевой // *Рус. лит.-ра.* 1990. № 2. С. 202). Об этом периоде Ремизов также вспоминал в книге «Мышкина дудочка»: «А жили мы чудом Божиим: Серафима Павловна за свой курс по Палеографии в Школе Восточных Языков получала очень мало, а я за свое неверное — напечатать или не напечатать? — и того меньше» (*Ремизов А. М.* Собр. соч. Т. 10. С. 116–117).

⁶ Ремизовы побывали в Париже до революции дважды: весной-летом 1911 г. и летом 1913 г. (см.: *Ремизов А. М.* Адреса его и маршруты поездок. [1905–1912] // РНБ. Ф. 634. Ед. хр. 3. Л. 15); *Ремизов А. М.* Помесячная роспись петроградских адресов, мест и времени поездок по России и за границу. 1913–1919 // ИРЛИ. Ф. 256 (А. М. Ремизов). Оп. 2. Ед. хр. 6. Л. 1.

⁷ 20 апреля 1920 г. Ремизов обратился за помощью к старому знакомому, В. А. Карпинскому, видному деятелю партии большевиков, члену редколлегии газеты «Правда» (1918–1927), члену ВЦИК: «Дорогой Вячеслав Алексеевич! Измучился я за эти последние годы и изболелся, и уж не пишу, как мне положено, а Бог знает, что делаю — все делаю, потому и писать ни духа, ни часа нет. Хочу просить Вас, помогите мне: поговорите с кем это надо! — отпустить меня и жену мою (С. П. Ремизову-Довгелло) в Финляндию хоть на теплые летние месяцы. Из последних сил хожу и все делаю. Измаяно сердце, ноги, дых и мысли. Телесная страда моя (язва желудка) истощила последние силы. А я должен много ходить, и 6-й этаж безводный и все повинности, требующие крепкие руки. И я только прошу, на теплые летние месяцы отпустить. Просил я через Горького, Луначарского — никакого ответа нет. Вячеслав Алексеевич, сделайте что-нибудь — устройте, чтобы разрешение нам дали за границу выехать. Алексей Ремизов» (*Ремизов А. М.* Дневник 1917–1921 / Подгот. текста и коммент. А. М. Грачевой // *Минувшее.* М.; СПб., 1994. [Вып.] 16. С. 414). Но все прошения о выезде за границу оставались безрезультатными. В 1921 г. Ремизов вновь пытается получить разрешение на выезд. 7 марта 1921 г. он пишет А. Г. Глебову: «Просьба к Вам, научить, какое надо подать прошение Чичерину о загранице — отпустить нас за границу. (Не могу, от головы погибаю, а голова от суеты — хожу, как в чалме, и это всю зиму). И можете ли вы передать Чичерину это прошение. Напишите на Наркоминдел Серафиме Павловне, а то очень долго идут письма. Я просил бы отпустить нас с правом вернуться» (Там же. С. 414). При посредничестве М. Горького и А. Луначарского Ремизов получил разрешение «временно выехать из России для поправки здоровья и приведения в порядок своих литературных дел, т. к. его сочинения издаются и сейчас за границей вне поля его непосредственного влияния» (Там же. С. 414; письмо на бланке Наркомпроса РСФСР за подписью А. Луначарского). Обратим внимание, что во всех прошениях речь идет о *временном* выезде, «с правом вернуться». Об этом Ремизов пишет и в автобиографии 1923 г.: «В конце лета 1921 г. по невыносимой

головной боли, от которой последний год петербургский много мучился, вынужден был *временно* уехать из России» (Алексей Ремизов о себе // Россия. 1923. № 6. С. 26).

⁸ Ремизов познакомился с писателем А. Толстым в Петербурге в 1907 г. и некоторое время был его литературным наставником. Сближал их общий интерес к фольклору и мифологии. В письме Вяч. Иванову от 17 февраля 1911 г. Ремизов писал: «Гр. А. Н. Толстой был мною пасом не один год, потом от рук отбился. Пас я его и в Москве. А тут хотел на него епитимию наложить крепкую, и он это должен был понять. Бог с ними, с извинениями, не надо мне никаких формальностей, не верю я в это, пускай помнит мои напутствия и о себе подумает и себя самого без суда всякого судит» (цит. по: *Грачева А.* Переписка В. И. Иванова и А. М. Ремизова // Вячеслав Иванов: Мат-лы и исслед. М., 1996. С. 99). Именно в январе – феврале 1911 г. после злополучной истории с «обезьяньим хвостом» на новогоднем маскараде у Ф. Сологуба происходит разрыв отношений Ремизова и Толстого и фактическое прекращение контактов. В свою очередь, как вспоминала С. Дымшиц-Толстая: «К Ремизовым Алексей Николаевич проявлял интерес наблюдателя, идти к ним называлось “идти к насекомым”. Действительно, и сам хозяин – маленький, бороденка клинышком, косенькие, вороватые взгляды из-под очков, дребезжащий смех, сплюнявая улыбочка, – и его любимый гость, реакционный “философ” и публицист В. В. Розанов – подергивающиеся плечи, нервное потирание рук, назойливые разговоры на сексуальные темы, – все это в самом деле оставляло такое впечатление, точно мы вдруг оказывались среди насекомых, а не в человеческой среде» (*Дымшиц С. И.* [Воспоминания] // Воспоминания об А. Н. Толстом. М., 1982. С. 67). Только в 1921–1922 гг. они вновь встречаются в Берлине. В 1925 г. Ремизов опубликовал цикл «Мои сны», один из снов был посвящен А. Толстому (см.: *Ремизов А. М.* Мои сны // Звено. 1925. 26 окт. № 143). Высказывания А. Толстого о Ремизове в 20–30-е гг. двойственны. С одной стороны, он всячески подчеркивал чуждость для него круга русских символистов (Вяч. Иванова, А. Белого, Д. Мережковского, З. Гиппиус и др.) и давал им уничтожительные характеристики. Доставалось в том числе и Ремизову. А. Дымшиц, в частности, приводит такое признание Толстого: «Я начинал во времена, когда со словом обращались разнужданно и пошло. Манерничал, ломался Андрей Белый. Ремизов сочинял мертвые стилизации [...] Мне все это было чуждо и противно» (Воспоминания об А. Н. Толстом. С. 344). С другой стороны, для Ремизова Толстой делал некоторое исключение: «Толстой, смеясь, говорил, что Мережковский напоминал ему таракана с длинными усами, а Зинаида Гиппиус – глисту. – Одному только человеку из этой компании я был благодарен, – подчеркнул Толстой, – это Ремизову. Он научил меня любить народный язык, народную поэзию. Правда, я долго не понимал, что он стилизатор, что это не настоящий народный язык, но он толкнул меня к изучению народного творчества, а это уже было для меня большим делом...» (Там же. С. 203). Об отношениях А. Ремизова и А. Толстого см. подробнее: *Обатнина Е.* От маскарада к третейскому суду: «Судное дело об обезьяньем хвосте» в жизни и творчестве А. М. Ремизова // Лица: Биограф. альм. М.; СПб., 1993. [Вып.] 3. С. 448–465; *Обатнина Е.* Царь Асыка и его подданные: Обезьянья Великая и Вольная Палата А. М. Ремизова в лицах и документах. СПб., 2001. С. 59–77; *Доценко С.* О возможном прототипе образа Дуремара в сказке А. Толстого «Золотой ключик» // Филологические чтения: 2002. Daugavpils, 2003. С. 139–155.

3. Гуковский – Ремизову *Paris. 14 декабря 1921 г.*

Париж, 14.12.1921

Дорогой Алексей Михайлович!

«Русалию» мы взяли с благодарностью¹. Пойдет она, вероятно, в ближайшем же номере, – в январе². Корректурa будет, конечно, послана Вам.

Условия — 400 fr. за печатный лист в 40 т. знаков, — то есть, разумеется, за соответствующее число страниц, независимо от размера строчек и пр.

Нет ли каких новостей о Вашей затерявшейся повести? Продолжаете ли Вы принимать какие-нибудь меры, чтобы разыскать и выручить ее³?

Поправляетесь ли Вы здоровьем?

Я не успел повидать Вас перед отъездом, да и тяжело было на душе — я получил ужасные вести из дому — о смерти моих детей.

Трудно жить, трудно работать.

Не забывайте нас, пишите.

Жму крепко руки Вам и Серафиме Павловне.

Искренне преданный Вам

А. Гуковский

Публикуется по автографу (Amherst Center. Remizov papers. Box 1. F. 1). Письмо на бланке журнала «Современные записки»; после названия от руки дописано: «Sovremennyya Zapiski. Annales contemporaines». Ремизовым отмечена дата получения: «16.12.1921». На листке с письмом несколько строк, написанные Ремизовым: «Воробушек птичка [нрзб] / О чем щебечет в тоске / Тоске небывалой / Приводит все [нрзб]».

¹ См. примеч. 3 к п. 1.

² Включавшая в себя «Русалию» 9-я книга СЗ вышла из печати в марте 1922 г.

³ См. примеч. 3 к п. 2.

4. Гуковский — Ремизову

Б. м. 28 декабря 1921 г.

28.12.1921

Дорогой Алексей Михайлович!

Посылаю Вам в счет гонорара за «Русалию»¹ 800 fr. и прошу извинить, что без предварительного разрешения препровождаю Вам же деньги и для Соколова-Микитова²: 98 fr. — остаток гонорара за его рассказ «На сорочьем хвосте», — с просьбой передать ему.

Я не знаю его адреса и отчества (Ив. — ?). Ждем от него обещанного нового рассказа.

Посодействовать Вам выручить рукописи и, в частности, роман³, который нам так нужен, мы, к несчастью, совершенно бессильны — потребных для этого связей у нас ведь меньше, пожалуй, чем у кого бы то ни было на свете. С тем миром мы совершенно разобщены. Нельзя ли чего предпринять из Берлина? Время идет — и растет опасность окончательной пропажи рукописей.

Всем вам желаем более счастливого нового года.

Искренне преданный Вам

А. Гуковский

P.S. Прилагаю чек на 898 фр. Для нашей отчетности прошу Вас и Соко-Мик. подтвердить получение.

Публикуется по автографу (Amherst Center. Remizov papers. Box 1. F. 5). Письмо на бланке журнала «Современные записки». Ремизовым отмечена дата получения: «2.1.1922».

¹ См. примеч. 3 к п. 1.

² Соколов-Микитов (наст. фам. Соколов) Иван Сергеевич (1892–1975), прозаик, литературный критик, мемуарист. В мае 1920 г. эмигрировал из Крыма в Константинополь, затем жил в Англии, в мае 1921 г. переселился в Берлин, член берлинского Союза русских писателей и журналистов. Близость С.-М. к сменовеховскому движению обусловила его возвращение в июне 1922 г. в Советскую Россию. Близкий знакомый Ремизова с середины 1910-х гг., Ремизов считал его своим учеником и не раз упоминал в своих сочинениях (особенно часто в книге «Взвихренная Русь»). В книге «Ахру» Ремизов упомянул С.-М. в числе молодых и талантливых современных писателей: «Как свой к большому гнезду И. Соколов-Микитов: “Засупоня” и нынче на Неве чуток» (Ремизов А. Собр. соч. Т. 7. С. 20). Рассказ С.-М. «Засупоня» был посвящен Ремизову. В Обезвельволпале С.-М. был «дремучих лесов дорогобужских князь обезьяний», «князь обезьяний из дремучих Дорогобужских лесов, писатель и летчик на “Илье Муромце”, матрос Балтфлота» (см.: *Обатшина Е. Царь Асыка*. С. 359). Единственная его публикация в СЗ: *Соколов-Микитов И. На сорочьем хвосте: Письма с моря // СЗ. 1921. № 8. С. 72–83.*

³ См. примеч. 3 к п. 2.

5. Гуковский — Ремизову

Luckau. 25 июня 1922 г.

25 июня 1922

Kurhaus Luckau (in Lausitz) nahe Berlin

Глубокоуважаемый Алексей Михайлович!

Редакция продолжает сильно интересоваться Вашей «Долей»¹ (вчера я получил письмо). Так как Вы не считаете себя окончательно связанным, то, быть может, не откажете пойти навстречу желанию редакции и пришлете мне рукопись, переписка которой, надо надеяться, закончена: премного нас обяжете и обрадуете.

В виду небольшого сравнительно объема этой вещи, мои коллеги выражают готовность уплатить за нее по 300 и даже 350 фр. за лист, тогда как за большой роман такой размер гонорара лег бы тяжело на нынешний бюджет журнала, вследствие чего за «Ров львиный»² (который я на днях переслал в Париж с оказией, чтобы не подвергать рукопись случайностям почтовой пересылки за границу) они затрудняются ассигновать свыше 250 фр. с листа. Притом «Доля» прошла бы несомненно в ближайших же двух книжках, а большой роман, быть может, пришлось бы начать печатать только с XIII книжки.

Выпустив, наконец (18-го), после всех забастовок, XI кн [игу], я удрал из Берлина на отдых, недели на три, в глушь, где нет ни трамваев, ни толпы, ни газеты (оказывается — есть такие места в 2¼ езды от столицы).

Душевный привет Серафиме Павловне. Искренне преданный Вам

А. Гуковский

Публикуется по автографу (Amherst Center. Remizov papers. Box 1. F. 5). Письмо на бланке журнала «Современные записки». Ремизовым отмечена дата получения: «28.VII».

¹ См.: *Ремизов А. М. Доля: Повесть // СЗ. 1922. № 12. С. 1–41; № 13. С. 1–31.* Вошла затем во 2-ю часть кн.: *Ремизов А. М. Оля / С рис. В. Н. Скоропадского [С. П. Ремизовой-Довгелло]. Париж: Вол, 1927.* «Оля», в свою очередь, составила 2-ю часть хроники «Оля», которую

Ремизов посвятил описанию жизни его жены (1-я: *Ремизов А. М. В поле блакитном*. Берлин: Огоньки, 1922; 3-я: *Ремизов А. М. В розовом блеске*. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1952).

² См. примеч. 3 к п. 2.

6. Фондаминский — Ремизову

Paris. 15 августа 1922 г.

15 VIII 1922

Глубокоуважаемый Алексей Михайлович, очень радуюсь, что дело уладилось, и «Доля» будет напечатана у нас¹. Вы ее передаете Алекс. Ис. Гуковскому, когда он вернется в Берлин.

«Ров львиный»² Вам выслан. № 11 «Совр[еменных] зап[исок]» выслан³. Прилагаю чек на 500 фр. Остальное пришло с оказией. Думаю только, что придется значительно меньше 1000 фр. Если в «Доле» 3½ листа, то всего выйдет (350 x 3½) 1225 фр. А за Вами числится еще небольшой аванс. Если в «Доле» будет больше листов, то придется больше. Я попрошу Ал. Ис. [Гуковского] сейчас же по получении рукописи подсчитать.

Радуюсь, что встретился с Вами и Серафимой Павловной⁴.

Шлю Вам сердечный привет.

Амалия Осиповна [Фондаминская]⁵ не кланяется, ибо ее нет в Париже.

Ваш И. Фондаминский

11, rue Chernoviz. Paris.

Публикуется по автографу (Amherst Center. Remizov papers. Box 1. F. 7). Ремизовым отмечена дата получения: «18.VIII». На листке письма денежные расчеты Ремизова: перевод франков в марки. На следующей странице тетради вклеена вырезка из газеты о биржевых курсах валют.

¹ См. примеч. 1 к п. 5.

² См. примеч. 3 к п. 2.

³ Тексты Ремизова в 11-й книге СЗ (1922. 18 июля) не публиковались.

⁴ Вероятно, речь идет о встрече в Берлине, куда по какой-либо надобности приезжал Фондаминский.

⁵ А. О. Фондаминская часто отсутствовала (лечилась на море).

7. Фондаминский — Ремизову

Paris. 21 августа 1922 г.

21 VIII 1922

Дорогой Алексей Михайлович,

завтра с оказией отправляю Вам 500 фр. Деньги будут переданы Владимиру Михайловичу [Зензинову] для Вас. Позвоните Влад[имиру] Мих[айловичу] в пятницу (раньше, м. б., ему не передадут) и, убедившись, что деньги получены, зайдите к нему за ними¹.

Пишу так, ибо Влад[амир] Мих[айлович] очень занят; деньги у него могут за-
лежаться, и я ему пишу, что Вы сами возьмете у него деньги.

Когда Александр Исаевич [Гуковский] «подсчитает» рукопись, пришлю осталь-
ные. Надеюсь, Вы получили XI кн[игу].

Низко кланяюсь Серафиме Павловне и Вам.

Ваш И. Фондаминский

11, rue Chernoviz. Paris.

Публикуется по автографу (Amherst Center. Remizov papers. Box 2. F. 1). Ремизовым от-
мечена дата получения: «24.VIII».

¹ См. примеч. 1 к п. 2. Ежедневная газета «Дни», заместителем редактора (А. Ф. Керен-
ского) которой был В. М. Зензинов, в 1922–1925 гг. издавалась в Берлине (№ 1–801), а с сен-
тября 1925 г. по июнь 1933 г. (с перерывами) – в Париже.

8. Руднев — Ремизову

Paris. 6 марта 1924 г.

Многоуважаемый Алексей Михайлович,
рекомендую Вам моего друга Осипа Соломоновича Минора¹, который хочет обра-
титься к Вам с просьбой оказать содействие одному хорошему делу.

В. Р.

6 III 1924

Публикуется по автографу (Amherst Center. Remizov papers. Box 3. F. 7). Записка на ви-
зитной карточке: «Dr. Vadim Roudneff». На той же странице, где вклеена визитная карточ-
ка, Ремизов приклеил шарж на Руднева, вырезанный из газеты.

¹ Минор (наст. фам. Залкинд) Осип (Иосиф) Соломонович (1861–1932), публицист,
журналист, общественно-политический деятель, член ЦК партии эсеров. В 1919 г. эмигри-
ровал в Париж. В 1920–1922 гг. соредактор «Воли России». В 1921 г. переехал в Прагу, затем
вернулся в Париж; сотрудник (как и В. В. Руднев) парижского Земгора; парижский предста-
витель Русского заграничного исторического архива в Праге.

9. Ремизов — М. А. Вишняк

Paris. 10 апреля 1924 г.

10.4.24. Paris

Марии Абрамовне Вишняк

Прошение

Первое: кн[игоиздательств]о «Грани»¹, Zimmerstr[аße] 7/8.

Там сидит Корнфельд².

Он обещал издать мою маленькую книжку «Во сне»³.

Я просил корректуру.

Корректуру не задержу, и ничего не пропадает, посылать можно в Париж⁴.

А без корректуры моей печатать нельзя.

И печатать надо теперь же, а не откладывать еще на месяцы.

История этой рукописи такая:

В августе 1923 «Грани» взяли для альманаха и заплатили гонорар (пустяки).

Альманах не вышел⁵. Я попросил рукопись назад.

В феврале (21 II 1924) известили меня, что издадут мое «Во сне» отдельно, и до сих пор ни слуху ни духу.

Адрес Фриды Лазаревны и Якова Самойловича Шрейбера⁶:

Lessingstraße 16, bei Dierow, Moabit 83–37⁷.

Позвоните им: очень хорошие люди.

Второе: на Nürnberger Str[аße] есть книжн[ый] магазин «Образование».

Там главный Александр Григорьевич Левенсон и⁸ Эмма Наумовна Левина.

Я прошу у них — кланяюсь — «В поле блакитном»⁹ книги 2 экз. прислать мне:

Alexéi Révizov, 120 bis, av[enu]e] Mozart, 5, Villa Flore¹⁰, Paris XVIe

Буду очень им благодарен.

Алексей Ремизов

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 116) (см.: Илл. 21).

¹ В издательстве «Грани» вышла книга Ремизова «Крашенные рыла. Театр и книга» (Берлин, 1922).

² М. Г. Корнфельд — издатель, выпускавший популярный журнал «Сатирикон»: в Санкт-Петербурге в 1908–1914 гг. и в Париже в 1931 г.

³ Книга Ремизова с таким названием не выходила. Ремизов не раз подчеркивал значение снов для обогащения человеческой жизни (см.: *Ремизов А. М.* Мартын Задека: Сонник. Париж: Оплешник, 1954. С. 7–16, 93–98) и писательской техники (см.: *Ремизов А. М.* Собр. соч. Т. 8. С. 22–24): «Если бы писатели одаренные, с глазом, с ухом, с сердцем, “недотроги”, на которых все действует, попробовали развить в себе эту коренную память на “ночное”, бровую перекоп, литература приняла бы, я уверен, совсем другую форму: она была бы ближе к Прусту и много было бы в ней и чудного, и чудного с теми приятными и неприятными неожиданностями, какие бывают только во сне» (Там же. С. 23). О поэтике снов в творчестве Ремизова см.: *Рутан А.* Petersburg Dreams // *Aleksej Remizov: Approaches to a Protean Writer.* Columbus (Ohio), 1987. P. 51–112; *Цивьян Т.* О ремизовской гипнологии и гипнографии // Серебряный век в России: Избр. страницы. М., 1993. С. 299–338.

⁴ На полях рисунок с подписью: «М. А. Вишняк идет, она с чемоданом».

⁵ Видимо, подразумевается третий, несостоявшийся выпуск альманаха «Грани. Литературный альманах», который издавался одноименным берлинским издательством (ред. А. Черный). Вышли две книги (1922–1923 гг.), в первой (1922 г.) был опубликован рассказ Ремизова «Черная бабушка», вошедший затем в кн.: *Ремизов А. М.* Оля. Париж: Вол, 1927. См. отклик на эту книгу в СЗ: *Мочульский К. В.* [Рец. на кн.:] Ремизов А. М. Оля. Париж: Вол, 1927 // СЗ. 1928. № 34. С. 500–501. Рецензия заканчивалась утверждением: «Ремизов обращен лицом к будущему: он подлинный учитель молодого поколения писателей».

⁶ Шрейбер Фрида Лазаревна, Шрейбер Яков Самойлович — давние знакомые Ремизова и Л. И. Шестова (см.: *Баранова-Шестова Н.* Жизнь Л. Шестова. Paris, [1983]. Т. 1. С. 176 и др.). Я. С. Шрейбер упоминается во многих произведениях Ремизова — в «Плачужной канаве», в «Ахру», во «Взвиренной Руси», в «Учителе музыки» — как правило, в ироническом контексте («инженер Яша Шрейбер»). См., напр., в романе «Плачужная канава» («Ров львиный»): «Многоточие у дам — это вроде птичьего приседа перед куром!» — так, припоминается, выразился кто-то из французских философов, чуть ли не сам “всемирно известный” Яша Шрейбер» (*Ремизов А.* Собр. соч. Т. 4. С. 426; см. также: Собр. соч. Т. 7. С. 18; *Он же.* Собр. соч. Т. 5. С. 48, 196, 338, 429). Я. С. Шрейбер был возведен в кавалеры Обезвельволпа в 1921 г. (см.: *Обатнина Е.* Царь Асыка. С. 366).

⁷ На полях рисунок с подписью: «Werder, цветут вишни». Werder (нем.) — островок (на реке); полоса суши между рекой и прибрежной заводью; осушенный участок.

⁸ В тексте нарисован зверек.

⁹ См.: Ремизов А. М. В Поле блакитном / Обл. раб. Арнштама. Берлин: Огоньки, 1922. См. рецензии на кн.: автора, скрывшегося под *литерой* «Э» — в «Голосе России» (1922. 7 мая. № 959. С. 6), рецензента, скрывшегося под *инициалами* «П.Ш.» — в берлинском «Руле» (1922. 20 авг. № 524. С. 9), наконец, В. Лурье, скрывшейся под *инициалом* «Л.», — в «Днях» (1922. 26 нояб. № 24. С. 11).

¹⁰ Ремизовы прожили по этому адресу около трех лет. Подробное описание квартиры на авеню Мозар см.: Резникова Н. В. Огненная память: Воспоминания о Алексее Ремизове. Berkeley, 1980. С. 72–73.

10. Ремизов — Вишняку

Paris. 10 декабря 1924 г.

10.12.24

Дорогой Марк Вениаминович,
я все жду от Вас оттиска «Esprit»¹.

За это время тысячу раз перевели бы на немец[кий]².

Дайте, пожалуйста!

Марии Абрамовне [Вишняк] кланяюсь.

Серафима Павловна больна³.

А. Рем[изов]

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 116).

¹ См.: Ремизов А. М. Esprit: Histoire-salade — Сказ-вяканье // СЗ. Париж, 1925. № 23. С. 87–112. Данный текст вошел затем в кн.: Ремизов А. М. По карнизам: Повесть/С фотографией автора и факсимильной подписью. Белград: Б. и., 1929 (Рус. б-ка). В этой связи см. отклик на данную книгу в СЗ: Мочульский К. В. [Рец. на кн.:] Ремизов А. М. Образ Николая Чудотворца: Алатырь — камень русской веры. Париж: YMCA-Press, 1931; Ремизов А. М. Московские любимые легенды: Три серпа. Париж: Таир, 1929. Т. 1–2; Ремизов А. М. По карнизам: Повесть. Белград: Б. и., 1929 (Рус. б-ка) // СЗ. 1932. № 48. С. 479–481.

² Имеется перевод этого текста на немецкий язык («Das Gespenst»), выполненный Gertrud Hahn для цюрихской газеты «Neue Schweizer Rundschau» (1928. Mai. № 5).

³ С. П. Ремизова-Довгелло страдала болезнью печени.

11. Ремизов — Вишняку

Paris. 17 декабря 1924 г.

17.12.24. Paris

Дорогой Марк Вениаминович,
прошу Вас: дайте мне рукопись¹.

После Нового года верну.

Очень не хочется переписывать (переводчика попрошу не держать)².

Кланяюсь Марии Абрамовне [Вишняк].

Алексей Ремизов

От Серафимы Павловны поклоны.

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 116).

¹ Вероятно, речь идет о публ.: *Ремизов А. М. Сережа* // СЗ. 1925. № 25. С. 111–128. В примечании значится: «Из книги “Взвихренная Русь”. На даровых хлебах (1919–1920)». Данный текст действительно вошел в состав кн.: *Ремизов А. М. Взвихренная Русь*. Париж: Таир, 1927. См. рецензию в СЗ: *Мих. Ос. [Осоргин М. А.] [Рец. на кн.:]* Ремизов А. М. Взвихренная Русь. Париж: Таир, 1927 // СЗ. Париж, 1927. № 31. С. 453–456.

² См. перевод этого рассказа на французский язык: *Remizov A. Sereja* // Hippocrate. Paris, 1934. № 10.

12. Вишняк — Ремизову

Paris. 14 января 1925 г.

14.I.925

Дорогой Алексей Михайлович,
В ближайшую субботу в 9 час[ов] веч[ера] на 9 bis rue Vineuse состоится собрание сотрудников «Современных записок».

Очень будем рады, если Вы не откажетесь принять участие в нашей «чашке чая» с собеседованием.

Сердечный привет Серафиме Павловне и Вам.

М. Вишняк

Публикуется по автографу (Amherst Center. Remizov papers. Box 4. F. 13). Почтовая открытка; сверху штемпель с адресом: «Sovremennya zapiski, 9 bis, rue Vineuse, Paris (XVIe)»; адрес получателя: «M[onsieu]r A. Remisoff, Près de 120 bis avenue Mozart, 5, Villa Flora, E[n] V[ille] (16e)»; почт. шт.: «Paris, 14.I.1925».

13. Ремизов — Вишнякам

Paris. 23 января 1925 г.

Семейный золотобеспочетбилет М. А. и М. В. Вишнякам

Lutetia

23.I. 25

9. ч. в[ечера]¹.

А. Р.

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 116).

¹ Посередине нарисован прямоугольник с надписью: «марка, 1 обезлион». Обезлион — шутивная денежная единица, придуманная Ремизовым для Обезвелволпала: «В обезьяньем царстве денежной единицей, как у нас рубль, а здесь франк, искони был хвост; высшая мера: хвост с лицами. Но с тех пор, как “обезьянье” взгнездилось в “человече”, обезвелволпал вынужден был отказаться от традицион[ного] хвоста и перейти на подобие человек[еских] денег. В Ревеле в России и в инфляцию в Герм[ании] возник[ли] обезьяньи лионы — обезлионы. По созвучию с миллионом, биллионом, триллионом» (цит. по: *Обатнина Е. Царь Асыка*. С. 133). Однако в книге «Кукха» дается иная этимология слова «обезлион»: «Я сделал обезьянью монету *львовую*: Löwen — 1 квадрат — lion» (*Ремизов А. М. Собр. соч.* Т. 7. С. 69). См. также: «Обезьянья Великая и Вольная Палата также выпустила свои денежные знаки

“лионы”» (цит. по: *Обатшина Е.* Царь Асыка. С. 133). Письмо представляет собой именной билет на литературный вечер Ремизова, который состоялся 23 января 1925 г. в зале гостиницы «Лютеция» на бульваре Распай д. 43 (Salle «Lutétia», 43, boulevard Raspail) (см.: *С. Л.* Вечер Алексея Ремизова // ПН. 1925. 21 янв. № 1454. С. 3). Накануне вечера, 22 января 1925 г., Л. И. Шестов писал Н. А. Бердяеву: «Собираетесь вы завтра (в пятницу, 23-го января) на вечер Ремизова? Приходите — будет очень интересно. Кроме самого Ремизова — участвуют Плевацкая, Могилевский, Александрович» (цит. по: *Баранова-Шестова Н.* Жизнь Льва Шестова. Т. 1. С. 295). См. описание обычно ежегодных выступлений Ремизова: «К вечеру чтения Ремизовы и их друзья долго готовились. Составляли программу чтения, занимали зал, часто выбор падал на зал отеля “Лютеция”; нужно было напечатать билеты и, главное, их распространить. Самоотверженные друзья, по большей части дамы, по списку обходили состоятельных людей, любителей русской литературы, или просто лиц, желавших помочь нуждающемуся писателю. Обычно все было прекрасно организовано и проходило гладко и удачно во всех отношениях. Но я помню случай, когда произошла заминка. А. М., охотно раздававший даровые “обезьяньи билеты” бедным друзьям и неимущей богеме, роздал их в слишком большом количестве, так что в огромном зале “Лютеция” не хватило мест для дорогого заплавленной за билеты публики. Инцидент был сразу улажен: внесли добавочные стулья. Но главные организаторы после вечера долго корили А. М. за неумеренную щедрость» (*Резникова Н. В.* Огненная память. С. 81). Ср., впрочем, язвительную реплику писателя В. Яновского: «Раз я не явился на его очередной весенний вечер — с какой яростью он меня потом ругал: — А билетом моим, что я вам послал, вы в клозете подтерлись, подтерлись! — со жгучей обидой повторял он, точно речь шла Бог весть о каком кошунстве. (Билеты свои Ремизов подкрашивал и подклеивал рождественской мишурую всю зиму)» (*Яновский В.* Поля Елисейские: Книга памяти. СПб., 1993. С. 191).

14. Ремизов — Вишняку *Paris. 14–15 мая 1925 г.*

14.5.25. Paris

Дорогой Марк Вениаминович,
лучше занесите к[ак]-н[и]б[удь] походя рукопись, и я аккуратно исправлю ее на старое правописание¹.

Святополку-Мирскому² напишу, ч[то]б[ы] послал в редакцию свою английскую книгу³, а Вы зарегистрируйте, библиографич[еский] указатель (поступивших книг) имеет большое значение (и особенно, помню по себе, в России).

Зарегистрируйте и мою книгу «Згу», изд. Пламени⁴, ее тут бойкотируют за новое правописание.

Алексей Ремизов

Марии Абрамовне [Вишняк] кланяюсь.

Ваш «племянник»⁵ приехал и основывает книгоиздательство «Башлык» («Un passe-montagne»)⁶.

Очень прошу Вас поместить меня *на август*⁷.

Д[олжно] б[ыть], я поступлю в кинематограф — если только выдержу пробу — играть гнома и «подобное» в Гофмане, и начнется новая полоса жизни — новый миф, «ибо ишу славы и золота»⁸. Ведь и вправду: мое литературное бытие — курам на смех.

Деньги из «Дней»⁹ получил, 15.5.¹⁰

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 116).

¹ Скорее всего, речь идет о рукописи рассказа «Труддезертир», предназначенного для очередного номера СЗ (см.: Ремизов А. М. Труддезертир // СЗ. 1925. № 26. С. 161–194) и включенного затем в книгу «Взвихренная Русь».

² Святополк-Мирский Дмитрий Петрович (1890–1939), литературный критик, публицист. Сын министра внутренних дел П. Д. Святополк-Мирского (авг. 1904 — янв. 1905), позволившего Ремизову после ссылки вернуться в Петербург раньше времени (в феврале 1905 г.). Офицер Белой армии, после 1920 г. присоединился к семье в Афинах. В 1921 г. поселился в Англии, где в мае 1922 г. получил доцентуру русской литературы в Школе славяноведения Королевского колледжа при Лондонском университете. Автор многочисленных исследований и авторитетных книг: «Современная русская литература: 1881–1925» (1926) и «История русской литературы с самых ранних времен до Достоевского» (1927). Сотрудник наиболее знаменитых европейских научных славяноведческих изданий, основатель журнала «Версты» и еженедельника «Евразия». В 1922 г. примкнул к евразийству, в 1931 г. вступил в Коммунистическую партию Англии и в 1932 г. с помощью Горького возвратился в СССР, где в 1937 г. был арестован и отправлен в лагерь на Колыму. См.: «...с Вами беда — не перевести». С. 335–401.

³ Речь идет о кн.: *Mirsky D. S. Contemporary Russian Literature, 1881–1925*. London: George Routledge; New York: Alfred Knopf, 1926.

⁴ См.: Ремизов А. М. Зга: Волшебные рассказы/С рис. автора на обложке. Прага: Пламя, 1925. См. также рецензию на книгу в СЗ: *Ловцкий Г. Л.* [Рец. на кн.:] Ремизов А. М. Зга: Волшебные рассказы. Прага: Пламя, 1925 // СЗ. 1925. № 24. С. 438–439. См. также рецензии: Г. Ловцкого (Дни. 1925. 26 апр. № 750. С. 8), В. Третьякова (Сегодня. 1925. 13 июня. № 129. С. 8). Пожелание Ремизова было выполнено лишь отчасти: в следующей книге СЗ была «прорекламирована» лишь его книга (см.: «Список новых книг, поступивших в редакцию “Современных записок” для отзыва: [...] Алексей Ремизов: “Зга”. — Волшебные Рассказы. — Прага. “Пламя”» (СЗ. 1925. № 24. С. [477])). Что же касается Святополка, то в «Списке новых книг, поступивших для отзыва в редакцию “Современных записок”» сообщение о выходе его книги (другой) появилось лишь два года спустя (см.: *Prince D. S. Mirsky: A History of Russian Literature*. London, 1927 // СЗ. 1927. № 32. С. [503]).

⁵ Подразумевается Абрам Григорьевич Вишняк (1895–1943), управляющий издательством «Геликон», племянник М. В. Вишняка. «Геликон» возник в Москве в 1918 г. и возобновил свою деятельность в Берлине в 1921–1923 гг., издав за это время книги Цветаевой, Пастернака, Белого, Эренбурга, журнал Андрея Белого «Эпопея». Здесь же вышла книга: *Ремизов А. М. Россия в письменах/Обл. раб. В. Н. Масютина*. Берлин: Геликон, 1922. А. Г. Вишняк был депортирован немцами и погиб в лагере (подробнее о нем см.: *Русский Берлин 1921–1923*. С. 158–159).

⁶ Ремизовская мистификация, корреспондирующая с его неподписанной заметкой «Гнездо» в газете «Дни» (в которой, кстати, активно сотрудничал Вишняк), сообщающей реальные и выдуманые сведения о новых издательствах и публикациях: «Издательская деятельность в Париже идет самым быстрым темпом. Не успел объявиться “Птицелов” (*L’oiseleur*) и “Плетешок” (*La tresse*), как возникло еще одно новое издательство — “Гнездо” (*Le nid*). Кстати сказать, из рук “левого” “Птицелова” выпорхнул и Эренбург и Винниченко со своим экзотическим романом “Вином крою”, и остался А. Ремизов “Ров львиный”, Вениамин Завадский “Египетская мумия”, да сам пресловутый “птицелов” Яков Шрейбер со своими “Записками наблюдателя” (критики Достоевского: Розанов, Шестов и т. д.). Что же касается до “Плетешка”, хоть и посулил он в январе всяких книжек, а уж и февраль каплет, а шевеления, как говорится, не ощущается, и должно быть, ограничится выпуском к каштановому сезону разного рода макулатурных справочников для приезжающих путешественников. Новое издательство “Гнездо” обещает быть более основательным и устойчивым. Основанное Каплуном и Романом Траханиотовым, оно уже успело зарекомендовать себя

выпуском стихов двух талантливых молодых поэтов: Вл. Перцова и Вл. Диксона, и подготавливает серию новых книг писателей, как проживающих за границей, так и живущих в России. Предполагается переиздание нашумевшей в свое время повести Леонида Добронравова “Новая Бурса” с предисловием и историческим комментарием Сергея Осипова, его же книга рассказов “Архимед”; повесть Леонида Леонова “Петушихинский пролом”; юношеские стихи Марины Цветаевой “Тетрадь”; новая повесть Алексея Ремизова “Лави” (La vie), первая часть которой “Эспри” (Esprit) появится в 23-й кн[иге] “Современных записок”, а вторая часть о жизни вещей (“La matière”) нигде не появится; авантюрный роман Ф. А. Степуна “Гвадалквивир” (30 печ[атных] листов); и целый ряд книг по истории литературы и искусству — Д. П. Святополк-Мирский “История русской литературы от ‘Жития’ Аввакума до ‘Соли’ Бабеля”; Вера Каган “Русская предреволюционная критика. Аничков, Адрианов, Арабажин” и монография худож[ника] Ширяева “Образы и портреты Маргариты Сабашниковой» ([Ремизов А.] Гнездо // Дни. 1925. 8 февр. № 686. С. 6) (цит. по: «...с Вами беда — не перевести». С. 366). О «хроникальных заметках» Ремизова см.: *Флейшман Л.* В кругу ремизовских мистификаций. С. 145–176; см. также подробную «Библиографию», подписанную инициалами «А. М.»: (Брюссель). 1926. № 2. С. 161–167.

⁷ Ремизов подразумевает 25-ю книгу СЗ, которая, однако, вышла из печати в сентябре 1925 г., в которую и вошел его рассказ «Сережа» (см. примеч. 4 к п. 11).

⁸ Реминисценция библейского изречения из Книги притчей Соломоновых: «Доброе имя лучше большого богатства, и добрая слава лучше серебра и золота» (Притч. 22: 1).

⁹ См. примеч. 1 к п. 7.

¹⁰ Последнее предложение приписано в верхнем левом углу. Речь, очевидно, идет о гонораре за публикацию в берлинской газете А. Керенского «Дни». Вероятнее всего — за миниатюры «Мы еще существуем», «Эрне» и «Демон пустыни» (см.: Дни. 1925. 10 мая. № 761). Затем все три миниатюры вошли в книгу «Взвихренная Русь» (раздел «Окнища»; «Эрне» — в составе миниатюры «Мы еще существуем»; см.: *Ремизов А. М.* Собр. соч. Т. 5. С. 252–255, 257–258).

15. Ремизов — Вишняку

Paris. 20 сентября 1925 г.

20.9.25. Paris

Дорогой Марк Вениаминович,
будьте так милостивы, зарегистрируйте в «С[овременных] зап[исках]» мою книгу английскую и книгу Зарецкого¹, которую передам Святополку-Мирскому (очень любопытная книга, только очень уж нецензурная).

На 126 стр. «Сережи», несмотря на мою просьбу (писал и подчеркивал Н. А. Недошиви[ной]²), все-таки напечатано «Конфеты».

Конфеты это то же, что галоши.

Прошу Вас, верните мне *оригинал «Сережи»* (я его послал Н. А. [Недошивиной]).

Алексей Ремизов

Марии Абрамовне [Вишняк] кланяюсь.

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 116). На полях рисунок с подписью: «Ангел, охраняющий [вх]од в “Совр[еменные] записки”».

¹ См. в «Списке новых книг, поступивших для отзыва в редакцию “Современных записок”»: «Remizov Alexei.— The Fifth Pestilence and the Tinkling Cymbal and Sounding Brass. Translated by Alec Brown. Chatto and Windus. London, 1925. Н. В. Зарецкий. Расея в грамотках и говор [sic!]. Изд. автора. Берлин, 1925» (СЗ. 1925. № 26. С. 527). Зарецкий

Николай Васильевич (1876–1959), художник, в эмиграции с 1920 г., с 1922 г. — Берлине, в 1925–1931 гг. председатель Союза русских живописцев, ваятелей и зодчих, с 1931 г. — директор Народного музея в Праге; близкий знакомый Ремизова. О Зарецком много позже он писал в дневнике (от 25 декабря 1956 г.): «А художник Н. В. Зарецкий — я так и не понял, что толкнуло его ко мне — мое было так противоположно его искусству... Через Зарецкого я попал в берлинский “Der Sturm” — к Вальдену (Бруни, Пуни, Зарецкий, Вальден, Пикассо)» (*Кодрянская Н. Алексей Ремизов. С. 98*). Об их взаимоотношениях см. также вступ. ст. к публикации фрагментов писем Ремизова к Зарецкому: *Морковин В. Приспешники царя Асыки // Československá rusistika. 1969. Roč. 14. Č. 4. S. 178–186. С 1923 г. Зарецкий — «кавалер Обезьяньего знака 1-й степени с завитком пестиковым», с 1932 г. — «князь обезьяний, возведен на место покойного князя и кавалера Павла Елисеевича Щеголева» (см.: *Обатина Е. Царь Асыка. С. 345*).*

² Недошивина Наталья Александровна, корректор в журнале «Современные записки». См. письмо Н. А. Недошивиной к Ремизову от 15 ноября 1928 г. (прилож. к п. 35).

16. Ремизов — Вишняку

Paris. 5 октября 1925 г.

5.10.25

Дорогой Марк Вениаминович,

все-таки это очень немудро — говорят мне сведущие люди — пускать одного «Сережу» без «Дезертира»¹ и без «Софьи Петровны»².

Я на Вас: говорю из-за Толстого³, хотя в книжке Толстого и не оказалось, а Шмелев⁴.

Ну, это для меня совершенно неважно, т. к. я в литературе совершенно случайно⁵.

Если отдан в набор «Дезертир», пускай будет в след[ующей] (26) книжке, а «Matière»⁶ потом, в 27-й.

Алексей Ремизов

От Серафимы Павловны поклон.

О Вас справлялся Вольфсон⁷.

Марии Абрамовне [Вишняк] кланяюсь.

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 116). Почтовая открытка; адрес получателя: «Monsieur Marc Vichiniac, 11 rue Claude Lorrain, Paris XVIe»; адрес отправителя: «A. Rémičov, Paris XVIe, av[enue] Mozart 120 bis, 5 Villa Flore»; почт. шт.: «Paris, 5.10.1925».

¹ См.: *Ремизов А. М. Труддезиртир. По «бедовому» декрету // СЗ. 1925. № 26. С. 161–194*. В подстрочном примечании значится: «Из книги “Взвихренная Русь”. — “На даровых хлебах” (1919–1920)» (Там же. С. 161). Данный текст действительно вошел в состав «временника» «Взвихренная Русь».

² Имя главной героини рассказа Ремизова «По “бедовому” декрету».

³ № 26 СЗ открывался неопубликованными вариантами повести Л. Н. Толстого «Казаки» (*Хирияков А. «Казаки» Л. Н. Толстого; Толстой Л. Н. Казаки // СЗ. 1925. № 26. С. 5–6; 6–84*).

⁴ Ремизов отобразил И. Шмелева в мемуарном очерке «Центурион» (НРС. 1952. 5 окт. № 14771; вошел затем в кн.: *Ремизов А. М. Мышкина дудочка. Париж: Оплешник, 1953. С. 151–158; Памяти Ивана Сергеевича Шмелева: Сб. / Под ред. В. А. Маевского. München, 1956*). В очерке «Центурион» Ремизов писал: «Я не сравниваю себя со Шмелевым

(1875–1950) — имя Шмелева большого круга и в России, и среди русских за границей. Вспоминая Шмелева, говорю и о себе, потому что оба мы вышли на свет Божий в литературу, родились и росли на одной земле» (*Ремизов А. М. Собр. соч. М., 2003. Т. 10: Петербургский буерак. С. 128*). «По слогу Шмелев идет от “Питерщика” Писемского и сцен Горбунова, есть и от Лескова, но без лесковского лукавого ущемления» (Там же. С. 130). Ремизовским «Труддезертиру» и «По “бедовому” декрету» в беллетристическом отделе 26-й книги СЗ предшествует публикация шмелевской повести «На пеньках» (см.: СЗ. 1925. № 26. С. 102–160). Обыгрывается очередность авторов в беллетристическом отделе № 25 СЗ (см. также примеч. 5 к п. 11).

⁵ Мотив случайности литературной профессии — постоянный мотив в мемуарной прозе Ремизова, ставший важной частью его автобиографического мифа. В книге «Иверень» он писал: «А никогда я не собирался “поступать” в писатели»; «А попал я в литературу “по недоразумению” (наперед скажу, меня с кем-то спутали). А ведь как убедительно говорили люди и не простые: “брось и оставь!” (Отзыв Чехова, Короленко, Горького)» (*Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 8. С. 270*).

⁶ См.: *Ремизов А. La Matière // СЗ. Париж, 1926. № 27. С. 101–157*. В примечании значится: «La Matière» — вторая часть повести «La Vie» (Лави), первая часть которой — “Esprit” была напечатана в 23 кн. “Современных записок”» (Там же. С. 101). Данный текст вошел затем в книгу Ремизова «По карнизам» (Белград, 1929).

⁷ Вольфсон Марк Карлович, близкий к редакции СЗ, друг В. Ф. Ходасевича; во время Второй мировой войны вместе с женой Эрной Сигизмундовной погиб в Освенциме.

17. Вишняк — Ремизову

Paris. 7 октября 1925 г.

7.X.925

Дорогой Алексей Михайлович,
В ближайшей (№ 26) книге «С[овременных] з[аписок]» идет «Дезертир». В № 27, как условлено, пойдет «Matière».

Что же касается того, что я Вам говорил, что пойдет Толстой, и мы вынуждены пустить Вашу «Взвихренную Русь» не целиком, а частью, — то дело именно так и обстояло. Но в последний момент мы *отчасти* из-за объема книги — она все же вышла в 575 стр. (!) — отказались печатать *уже набранного* Толстого. Если Вы хоть в малой степени сомневаетесь в правильности моего утверждения, — могу Вам доставить гранки «Альбера», набранного и *не* пошедшего в № 25. Он *не* попадет и в № 26¹.

Сердечный привет Серафиме Павловне и Вам от

2 М. Вишняков

Публикуется по автографу (Amherst Center. Remizov papers. Box 4. F. 1 a). Почтовая открытка со штемпелем журнала «Современные записки»; адрес получателя: «M[onsieur] A. Rémisov, 5, Villa Flora, avenue Mozart 120 bis, Paris XVIe»; адрес отправителя: «Vichniac, Paris XVI, rue Claude Lorrain 11»; почт. шт.: «Paris, 7.X.1925».

¹ Повесть Л. Н. Толстого «Альберт» (или ее варианты?), впервые напечатанная в «Современнике» (1858. № 8) и признанная современниками творческой неудачей писателя, в СЗ не публиковалась.

18. Ремизов — Вишняку

Paris. 19 декабря 1925 г.

19.12.25. Paris

Sehr geehrter Herr Doktor,

lieber Vichniak — Vater und Despot [der] «S[ovremenniia] z[apiski]» —

Sie haben einen Brief von Hans Ruoff, München-Nymphenburg, Südliche Auffahrtsallee 8¹, erhalten: er ist das nächste Mitglied der «Literarische[n] Welt», Ernst Rowohlt Verlag, Berlin W 35, Potsdamer Str[af]e 123 b (einige № (3, 4, 5, 6, 7, 8, 9) füge ich hier bei), er bittet Sie an folgende Adresse*) die Bücher «S[ovremenniia] z[apiski]» ihm zu senden. Er wird von «Sovremenniia sapiski» in dieser hochinteressanten Zeitschrift schreiben.

Mit Gruß

Ihr Alexei Remisow

*) Herrn Hans Ruoff, «Die literarische Welt», Ernst-Rowohlt-Verlag, Potsdamer Str[af]e 123 b, Berlin W 35, Allemagne

Кланяюсь Марии Абрамовне [Вишняк].

[Перевод с немецкого:] Глубокоуважаемый господин доктор, дорогой Вишняк — отец и деспот «Современных записок», —

Вы получили письмо от Hans Ruoff¹, München-Nymphenburg, Südliche Auffahrtsallee 8¹: это ближайший сотрудник журнала «Литературный мир», издательства Ernst Rowohlt, Berlin W 35, Potsdamer Straße 123 b (некоторые № (3, 4², 5, 6, 7, 8, 9) я при сем прилагаю), он просит выслать ему книжки «Современных записок» по нижеуказанному адресу. Он напишет о «Современных записках» в этом интереснейшем журнале³. Кланяюсь.

Ваш Алексей Ремизов

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 116).

¹ Ruoff Hans (Руофф Иван Федорович) — немецкий переводчик; известен тем, что с 1925 по 1968 г. работал над многочисленными переводами произведений ближайшего друга Ремизова философа Льва Шестова и всячески способствовал их распространению в германоязычных странах. Подробнее об этом см.: *Баранова-Шестова Н. Жизнь Льва Шестова*. Т. 1 и 2 (имен. указ.).

² В № 4 журнала «Die literarische Welt» (Berlin, 1925) помещен (S. 4) ответ Ремизова на анкету «Was ich dem deutschen Geist verdanke» («Чем я обязан немецкому духу»), переведенный на немецкий язык Х. Руофом.

³ Статья Х. Руофа о СЗ в выпусках журнала «Die literarische Welt» за первое полугодие 1926 г. не обнаружена.

19. Ремизов — Вишняку

Paris. До 23 декабря 1925 г.

«Die literarische Welt». Herausgeber: Willy Haas. Ernst Rowohlt Verlag, Berlin¹

№ 1 «L[iterarische] W[elt]» весь разошелся, № 2 — ~~aus[verkauft]~~² также (я Вам его на время дам — там напечатан «Affenmanifest»³).

А. Рем[изов]

Очень прошу, не забудьте обещание: «La matière»⁴!

И пусть с корректурой мне пришлют оригинал, к[отор]ый я сейчас же верну. (У меня ничего нет — рукопись у Robi[?] de Traz, а сам Traz — в Египте⁵!)

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 116). Датируется по содержанию п. 18 и п. 20. На листе наклеена верхняя часть конверта от письма из журнала «Die literarische Welt» к Ремизову с адресом: «Herrn Alexei Remizov, Paris XVI, 120 bis, av[enue] Mozart, 5, Villa Flore».

¹ «Литературный мир». Редактор: Willy Haas. Издательство Ernst Rowohlt, Berlin (нем.).

² распродан (нем.).

³ «Обезьяний манифест» (нем.). Подразумевается опубликованный в «Die literarische Welt» (Berlin, 1925. 16. Окт. № 2) перевод на немецкий язык (Hans'a Ruoff'a) текста Ремизова «Манифест [Обезвельволпала]», первоначально напечатанного в издании: Бюллетени Дома Искусств в Берлине. 1922. Февр.— март. № 1/2. Затем «Манифест» был напечатан в книге Ремизова «Ахру: Повесть петербургская» (Берлин: З. И. Гржебин, 1922) и в книге Ремизова «Взвихренная Русь» (Париж: Таир, 1927).

⁴ См. примеч. 8 к п. 16.

⁵ 1 января 1937 г. «La Matière» появился в переводе на французский язык в парижском журнале «Esprit» (№ 52).

20. Вишняк — Ремизову

Paris. 23 декабря 1925 г.

23 XII 925

Дорогой Алексей Михайлович,

Получил Ваши грамоты¹. Благодарю.

«Matière» — сдан в набор². Отметка о вышедшей Вашей книге будет сделана³.

Хуже с «Literarische Welt»⁴. В принципе мы иностранным журналам даже в обмен бесплатных экземпляров не даем.

В данном случае положение несколько осложняется тем, что тот же проситель обратился со своей просьбой в редакцию «С[овременных] з[аписок]» через И. С. Шмелева и... получил уже отказ. Мне было бы теперь несколько неудобно и перед Шмелевым да и перед просителем — ответить согласием.

И действительно, что значит для такого журнала как «Liter[arische] Welt» приобрести «Совр[еменные] зап[иски]»?! Ведь это *всего* 3 немецких марки! Подумайте только!.. Но если Вы все-таки настаиваете, в качестве исключения, 26 кн. я готов послать.

Что Вы готовите для «Совр[еменных] зап[исок]»?⁵ Думаете ли о них вообще? Помните о нас и наших вкусах: реалистическое («Поле блакитное»⁶) мы предпочитаем снам («Matière»⁷). Если что готово, сообщите — мы возьмем в запас.

Крепко жму руку и низко кланяюсь Серафиме Павловне и Вам.

М. Вишняк

Публикуется по автографу (Amherst Center. Remizov papers. Box 4. F. 3).

¹ См. п. 18–19. Возможно также, что речь идет о знаменитых ремизовских «обезьяньих» грамотах, которые он вручал князьям и кавалерам Обезвельволпала. Однако М. В. Вишняк среди кавалеров Обезвельволпала не значится. Обезьянья грамота была выдана его

племяннику А. Г. Вишняку (1895–1943), заведующему берлинским издательством «Геликон», в котором вышла книга Ремизова «Россия в письменах» (Берлин: Геликон, 1922). А. Г. Вишняк получил звание «Кавалер обезьяньего знака I степени с тремя барсучьими пушками, Вишняк-Шварц-Оскорбительный» (см.: *Обатица Е. Царь Асыка. С. 339*).

² См. примеч. 8 к п. 16.

³ См. в «Списке новых книг, поступивших в редакцию “Современных записок” для отзыва»: «Alexei Remisow. Die goldene Kette. — Weltpassionen (Sonne, Mond, Sterne, Passionen, Engel). — Uebers. V. Gertrud Hahn. Pflüger Verlag, München, 1925» (СЗ. 1926. № 27. С. [608]).

⁴ См. примеч. 1, 2 к п. 18.

⁵ Следующее произведение Ремизова в СЗ — мемуарный очерк «Северные Афины: (История с географией)» — появится лишь через год с небольшим (СЗ. 1927. № 30. С. 233–277). В этой связи см. п. 21.

⁶ См. примеч. 1 к п. 5 и примеч. 11 к п. 9.

⁷ См. примеч. 8 к п. 16.

21. Ремизов — Вишняку

Paris. 4 июля 1926 г.

4.7.26. Passy

Дорогой Марк Вениаминович,

не сердитесь, Бога ради, на меня за мою медлительность с «С[еверными] Афинами»¹. Со мной новое испытание: меня подшиб автомобиль, и только голова на воле оказалась, остальное все под автомобилем². Меня лечит доктор Маршак³ (хожу к нему на прием). Весь я в кровоподтеках, ссадинах и ушиблен и контужен. Но я хожу, только очень чувствую себя нервно и, забившись в своей комнате, отхожусь. Поправляю «Ров львиный»⁴ (последнюю главу напечатали в «В[оле] Р[оссии]»⁵ № 5, а первые были в «Рус[ской] мыс[ли]»⁶, куда я отдал когда-то, получив отказ из «Современ[ных] записок». Помните, еще и аванс был дан⁷: в Ревель послан!⁸) — нехорошо тогда вышло.

Это единственное, что могу сейчас. Хочет написать Мочульский⁹.

Маршак говорит, что через месяц я оправлюсь.

Правая рука отбита, писать не крепко пишет.

А. Ремизов

«Благонамеренный» кончился, и № 3 не выйdet¹⁰.

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 116).

¹ Речь идет о мемуарном очерке: *Ремизов А. М. Северные Афины — история с географией — (предбанная память) // СЗ. 1927. № 30. С. 233–277*. Позднее очерк вошел в книгу Ремизова «Иверень. Загогулины моей памяти» (см.: *Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 8. С. 474–506*).

² 1 июля 1926 г. Ремизов в Париже попал под автомобиль; см. также письмо Л. Шестова от 2 июля 1926 г. (Переписка Л. И. Шестова с А. М. Ремизовым // *Русская литература. 1994. № 2. С. 157*). Позднее страх перед автомобилями он опишет в книге «Подстриженными глазами» (гл. «Узлы и закруты»): «Transes perpetuelles... боязнь кругосветная или всесветный страх. [...] Я окружен постоянным страхом, и невозможно привыкнуть. Боюсь переходить улицы, боюсь мостов — в Сену ветром снесет шляпу, а если дует сильный, то и меня со шляпой [...] боюсь автомобилей, автобусов, трамваев, автокаров и редких в Париже лошадей — я боюсь ездить в автокарах и в автобусах и, конечно, в автомобиле, мне все кажется, или опрокинет или наскочит» (*Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 8. С. 9*).

³ Об А. О. Маршаке см. письма Я. Л. Рубинштейна, примеч. 2 к п. 3 (наст. изд.).

⁴ См. примеч. 3 к п. 2.

⁵ «Воля России» — ежемесячный журнал (с сентября 1922 г., ранее — еженедельная газета) политики и культуры, издававшийся в Праге в 1922–1932 гг. Редакторы — члены партии социалистов-революционеров В. И. Лебедев, М. Л. Слоним, Е. А. Сталинский (с 1924 г.), В. В. Сухомлин; издатель Е. Е. Лазарев. В 1922–1931 гг. в «Воле России» было опубликовано 81 произведение Ремизова: пересказы легенд и сказок, статьи, главы из книг «Взвихренная Русь» и «Учитель музыки», IV-я часть романа «Плачущая канава» (см.: *Sinany H. Bibliographie des œuvres de Alexis Remizov. P. 145–148*).

⁶ «Русская мысль» — ежемесячный литературно-политический журнал, выходявший в 1921–1924 гг. под редакцией П. Б. Струве в Софии, Праге, Берлине. В 1927 г. редактором была предпринята попытка возродить журнал в Париже, но выйти успела одна книга. В РМ были напечатаны (под заглавием «Канава») I–III части романа Ремизова «Плачущая канава» (см.: РМ. 1923. № 1/2. С. 46–89; № 3/5. С. 52–75; № 6/8. С. 62–110; № 9/12. С. 29–59).

⁷ В этой связи см. п. 2–7.

⁸ См. примеч. 2 к п. 2.

⁹ Мочульский Константин Васильевич (1892–1948), один из крупнейших филологов Русского зарубежья, историк литературы, сотрудничал в парижских журналах СЗ и «Звено». Был частым гостем в доме Ремизовых в Париже, автор ряда рецензий на его произведения (см.: *Aronian S. Critical and Bibliographical Literature on A. Remizov // Russian Literature Triquarterly. 1985. № 18. P. 215*). В данном случае подразумевается: *Мочульский К. В.* [Рец. на кн.: Ремизов А. М. Оля. Париж: Вол, 1927 // СЗ. 1928. № 34. С. 500–501. Мочульский упоминается в первой редакции рассказа Ремизова «Юнёр» (1931): «От Корнетова я узнал, что в Париже четыре знаменитости: Георгий Викторович Адамович, Модест Людвигович Гофман, Константин Васильевич Мочульский и Николай Васильевич Макеев» (*д'Амелия А. К истории создания «Учителя музыки» // Ремизов А. М. Учитель музыки: Каторжная идиллия. Paris: La Presse Libre, 1983. С. 557*). В последней редакции рассказа (в составе книги «Учитель музыки», в которую был включен «Юнёр») имя Мочульского уже не упоминается. Но, возможно, Мочульский скрывается за образом одного персонажа «Учителя музыки», профессора математики Сушилова (см.: *Грачева А. М. Романы эксперименты А. Ремизова 1930-х годов и «Хитроумный Идальго Дон Кихот Ламанчский» М. Сервантеса // Русская литература конца XIX — начала XX века в зеркале современной науки: В честь В. А. Келдыша. Исслед. и публ. / Под. ред. В. В. Полонского. М., 2008. С. 250–253*).

¹⁰ Подразумевается издававшийся брюссельским Фонетическим институтом языков и редактируемый кн. Д. А. Шаховским журнал «Благонамеренный» (Брюссель, 1926. № 1–2). В этом журнале Ремизов опубликовал очерк «Купчая» (1926. № 1. Янв. — февр.) и апокриф «Страды Богородицы» (1926. № 2. Март — апр.). См. отклики в СЗ: *Мих. Ос. [Ософим М. А.]* [Рец. на журн.:] Благонамеренный: Журнал русской литературной культуры / Ред. Д. А. Шаховской; Рук. Г. Соколов. Брюссель: Б. и., 1926. Кн. 1 // СЗ. 1926. № 27. С. 564–566; *Степун Ф.* [Рец. на журн.:] Благонамеренный: Журнал русской литературной культуры / Ред. Д. А. Шаховской. Брюссель, 1926. Кн. 2 // СЗ. 1926. № 28. С. 483–486.

22. Ремизов — Вишняку

Clion. 27 августа 1926 г.

27.8.26. V[illa] Kerbellec

Дорогой Марк Вениаминович,
 посылаю «Северные Афины» (мое родословие)¹.

До отъезда сюда читал Бердяеву²: он ничего не имеет против себя³.

А что касается остальных: многие и действительно померли⁴, а кто жив — живет в России, я знаю, не обидятся:⁵ им это известно, и некрологи хранят как память⁶.

Алексей Ремизов

Мой адрес:

Alexei Rémisof, chez Madame Fleury

Villa Kerbellec, Le Clion (Loire-Inférieure)

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 116). На полях имеется три рисунка, один из них с подписью: «Le Croquemitaine⁷».

¹ См. примеч. 1 к п. 21. В окончательной редакции книги «Иверень» такой подзаголовок получила гл. «Иверень (Родословие)» — мемуарный очерк о Н.А. Найденове, дяде Ремизова по материнской линии (см.: *Ремизов А. М. Собр. соч.* Т. 8. С. 289–300).

² Николай Александрович Бердяев (1874–1948) был редактором журнала «Путь» (1925–1940), в котором Ремизов с января 1926 г. по январь 1927 г. опубликовал 14 своих произведений (см.: *Sinany H. Bibliographie des œuvres de Alexis Remizov.* P. 156–157). С Бердяевым Ремизов познакомился в 1902 г. в Вологде, где они оба отбывали политическую ссылку. В «Самопознании» Бердяев вспоминал: «В Вологде в эти годы были в ссылке люди, ставшие потом известными: А. М. Ремизов, П. Е. Щеголев, Б. В. Савинков, Б. А. Кистяковский [...], датчанин Маделунг, впоследствии ставший известным датским писателем, в то время представитель масляной фирмы, А. Богданов, марксистский философ, и А. В. Луначарский, приехавший немного позже меня. Я принадлежал к “аристократии” вместе с Ремизовым, Щеголевым, Савинковым, Маделунгом» (*Бердяев Н. Самопознание: Опыт философской автобиографии.* М., 1991. С. 128). Бердяев часто поминается в мемуарной прозе Ремизова, нередко как объект шуточных мистификаций. См. также запись в дневнике Ремизова от 31 декабря 1956 г.: «Почему-то сегодня вдруг вспомнил Бердяева. В его душе бьет ключ (источник) радости. Такое мое первое впечатление в Вологде (1902). И неизменно до его смерти — последняя встреча ноябрь 1938. Из всех моих современников Бердяев и Андрей Белый гениальны» (*Кодрянская Н. Алексей Ремизов.* С. 305).

³ Ремизов прежде всего подразумевает шуточный некролог «Николай Александрович Бердяев — философ —», включенный в состав «Северных Афин» (см.: СЗ. 1927. № 30. С. 252–254; первую редакцию «некролога» Бердяева (1 апреля 1902 г.) см.: *Обатнина Е. Царь Асыка.* С. 20–22), а равно и реплики вроде: «В единственной [в Вологде] “первоклассной” гостинице в “Золотом якорь” жил Николай Александрович Бердяев, автор “Субъективизма”, наш знаменитый философ, в ту пору увлеченный “Женщиной с моря” и “Геддой Габлер” (статья его в “Мире Божьем”), переходил от марксизма к идеализму» (Там же. С. 235); см. также: « — — вон диван, на нем Николай Александрович Бердяев не без игры декламировал “одного не доставало...” — стих из “Царя Никиты”» (Там же. С. 244). Бердяев неоднократно становился объектом ремизовского «мифотворчества», например, в книге Ремизова «Кукха»: «Именины Варвары Дмитриевны Розановой. — Сыт, пьян и нос в табаке! — вот как полагается. Вымазал я нос табаком Вяч. Иванову. А после ужина перевернул с помощью именинницы качалку с Н.А. Бердяевым. Бердяев ничего, только кашлянул, а Андрей Белый от неожиданности финик проглотил» (*Ремизов А. М. Собр. соч.* Т. 7. С. 56). Более подробно см.: *Доценко С. К проблеме дешифровки одного анекдота из мемуарной книги А. Ремизова «Кукха» // Русская литература.* 2005. № 1. С. 179–187. В книге «Учитель музыки» Бердяев также стал объектом шуточных и ироничных мистификаций Ремизова: «Пытко-Пытковский и Птицин расселись на сомье и, чтобы не мешать, затеяли философский разговор, и хотя к философии никакого — Пытко-Пытковский прирожденный, навсегда напуганный издатель, Птицин экономист — а вот залезла им эта философия, и с час они спорили про Бердяева, о его философии: “мистическое бродяжничество”. И оба, разгоряченные спором, чистосердечно признались, что на их квартиры великое нашествие блох, и сегодня, несмотря на праздничный день, морильную машину с пылесосом привозили и из окна через трубу блох выкачивали» (*Ремизов А. Собр. соч.* Т. 9. С. 46–47).

⁴ К моменту написания и публикации очерка «Северные Афины» в живых не было Б. В. Савинкова (1879–1925). Ему Ремизов посвятил некрологическую заметку «Савинков» (впервые: ПН. 1932. 13 марта. № 4008), которая затем вошла в гл. «Северные Афины» в составе книги «Иверень» под заглавием «Савинков — Le tueur de lions —» (см.: *Ремизов А. М. Собр. соч.* Т. 8. С. 498–506). В редакции очерка «Северные Афины», напечатанной в СЗ, заметки о Савинкове не было.

⁵ В тексте нарисован зверек.

⁶ В вологодской ссылке Ремизов всем уезжающим писал шуточные «некрологи»: «Всякий, отбывший срок ссылки, в канун отъезда устраивал прощальный вечер, я заготавливал некролог, а П. Е. Щеголев, большой искусник “выразительного чтения”, читал полным голосом, отчетливо выговаривая все буквы по-писанному. Некрологи я писал на листе в виде свитка с закорючками и завитками [...] За годы мало чего сохранилось, “покойники” теряли “некрологи”, как “кавалеры обезьяньего знака” теряют мои обезьяньи грамоты, но кое-что уцелело» (СЗ. 1927. № 30. С. 241–242). В первую редакцию очерка Ремизова «Северные Афины» были включены 9 «некрологов».

⁷ пугало, страшилище (франц.).

23. Ремизов — Вишняку

Paris. 3 октября 1926 г.

3.10.26.

Дорогой Марк Вениаминович,
послал Вам (на Ваше имя) — 106, rue de la Toug — заказ[ным]¹ письмом из La Bernerie (L[oire]) рукопись «Северные Афины»².

Т. к. это не из Парижа, просил Вас откликнуться, но до сих пор ничего не имею. Бога ради, только не заваливайте до второго пришествия.

Я собираю книгу под названием «Дышло» (1923–1926)³, куда и эта история с географией (жизнь входит дышло) должна войти. А пока не напечатаю, я соблазнять никого не хочу.

Марии Абрамовне [Вишняк] и Вам от обоих нас поклон.

Алексей Ремизов

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 116). Почтовая открытка; адрес получателя: «Monsieur Marc Vichiniak, 11 rue Claude Lorrain, Paris XVIe»; адрес отправителя: «A. Rémizof, Paris XVIe, av[enue] Mozart 120 bis, 5 Villa Flore»; почт. шт.: «Paris, 4.10.26». В архиве Вишняка сохранилась также самодельная открытка Ремизова с аппликацией: «Современ[ные] записки. Marc Vichniak, 11, rue Claude Lorrain, Paris XVIe, [глаголицей:] М. В.».

¹ В тексте нарисован всадник.

² См. примеч. 1 к п. 21.

³ Книги или какой-либо публикации с подобным названием у Ремизова не обнаружено. Возможно, речь идет о книге Ремизова «Иверень: Загогулины моей памяти», в которую вошел рассказ «Северные Афины». Этот мотив («жизнь входит дышло») — главный в книге «Иверень»: «Я и на свет появился — хочется сказать “по недоразумению”, нет, другое слово: рождение мое не по желанию. В одну из горчайших минут своей отчаянной жизни, моя мать мне рассказала: я пятый — я при рождении моем не причинил ей ни малейшей боли и даже не крикнул — каким, значит, молчком-нахрапом вошел я в мир! — но когда она все поняла и все представила себе, что ждет ее, что будет дальше, из ее сердца невольно вырвалось жестокое проклятие, и темная горькая тень покрыла мою душу» (*Ремизов А. Собр. соч.* Т. 8. С. 270).

24. Вишняк — Ремизову*Paris. 7 октября 1926 г.*

7 X 926

Дорогой Алексей Михайлович,

Простите великодушно за неаккуратность. У меня — несчастья и заботы. Умерли двое моих дядьев, причем один из них — мой тесть, отец Марьи Абрамовны¹.

А теперь — у меня поездка в Румынию и Бессарабию!.. Совсем сбился с ног.

Рукопись Ваша была получена в мое отсутствие². Сейчас я уже «сдал» дела по журналу. И по Вашему «делу»³ с Вами спишется или зайдет Вадим Викторович Руднев. (30, rue Jacques Dulud, Neuilly s[ur] S[eine]) в ближайшие же дни.

Сердечный привет Серафиме Павловне и Вам!

М. Вишняк

Публикуется по автографу (Amherst Center. Remizov papers. Box 4. F. 7). Почтовая открытка; адрес получателя: «M[onsieu]r A. Remizoff, 5, villa Flora, près de 120bis avenue Mozart, Paris (XVIe)»; адрес отправителя: «Vichniac, 11, rue Claude Lorraine»; почт. шт.: «Paris, 8.X.1926».

¹ См.: Ред., примеч. 13 к п. 115.

² См. п. 23.

³ Вероятно, речь идет о скандальной истории, связанной с выходом первого номера журнала «Версты».

25. Руднев — Ремизову*Paris. 26 октября 1926 г.*

26.X.1926

Дорогой Алексей Михайлович,

собираюсь зайти к Вам вечером завтра, в среду по делу.

Если почему-либо Вам неудобно, — сообщите до 5 часов по телефону мне, Wagram 70–32.

Преданный Вам

В. Руднев

Публикуется по автографу (Amherst Center. Remizov papers. Box 4. F. 7).

26. Ремизов — редакции «Современных записок»*Paris. 27 ноября 1926 г.*

В ред[акцию] «Современных записок».

На случай¹

Покорнейшая просьба: в случае непомятия в ближайшей книге «С[овременных] з[аписок]» опровержений на напечатанный в «С[овременных] з[аписках]» № XXIX (нелитературный) отзыв о «Верстах» № 1², прошу не отказать сделать примечание к моему рассказу «Северные Афины» —

«Рукопись сдана мною редакции “С[овременных] з[аписок]” до появления отзыва о “Верстах”, напечатанного в “С[овременных] з[аписках]” № XXIX. — А. Ремизов»³.

Алексей Ремизов

27.11.26 Paris

Alexei Rémisof, 120 bis, avenue Mozart, 5, Villa Flore, Paris XVI^e⁴.

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 116). Сохранился конверт письма; адрес получателя: «Monsieur E. Fondaminsky, “Annales Contemporaines”, 106 rue de la Tour 1 rue Chernovitz, Paris XVIe»; адрес отправителя: «A. Rémisof, av[enue] Mozart 120 bis, 5 Villa Flore, Paris XVIe»; почт. шт.: «Paris, 27.11.26».

¹ На полях нарисована рука с вытянутым указательным пальцем.

² Подразумевается резкая статья В. Ф. Ходасевича: *Ходасевич В. Ф.* О «Верстах» // СЗ. 1926. № 29. С. 433–441. В этой же связи см.: *Лурье А.* [Письмо в редакцию СЗ] // СЗ. 1927. № 30. С. 599; *Редакция «Верст»*. [Письмо в редакцию СЗ] // Там же. С. 599–600; От редакции «Современных записок» // Там же. С. 600. Об истории, связанной с изданием «Верст» и участием в них Ремизова, см. также: «...с Вами беда — не перевести». С. 339–346, 375–389.

³ С помещением в № 30 СЗ письма «От редакции “Современных записок”» необходимость исполнения ремизовской просьбы отпала.

⁴ В квартире на avenue Mozart, 5 Ремизовы жили в 1924–1928 гг. Описание этой квартиры находим в воспоминаниях Н. Резниковой: «Квартира была меблированная, небольшая, состояла из трех комнат. [...] Квартира была светлая и уютная. Из передней входили в узкую комнату с диваном и большим письменным столом, за которым работал А. М. Стекланные двери открывались в столовую с квадратным обеденным столом. Перед окном во дворе рос великолепный каштан, расцветавший весной белыми свечами пушистых цветов. В комнатах мебель и предметы были красиво расставлены и развешаны, с особым умением, свойственным А. М. и, по его словам, унаследованным от его отца, Михаила Алексеича Ремизова, московского купца второй гильдии, торговавшего галантереей. В правом углу висели иконы. Большая — “Трех Радостей” — в жемчужном окладе из ремизовского дома, она передавалась младшему в семье. Икона Божьей Матери — материнское благословенье матери С. П. Икона Покрова, которой Ремизовы были благословлены после венчания. Под праздники зажигалась лампадка, светившая розовым светом. В комнате было торжественно и тихо. [...] После нескольких месяцев жизни в Париже Ремизовы на новой квартире почувствовали себя хорошо, и весь тон жизни стал веселее» (*Резникова Н. В.* Огненная память. С. 72–73).

27. Руднев — Ремизову *Paris. 1 января 1927 г.*

1 января 1927

Дорогой Алексей Михайлович!

Очень Вы нас обрадовали, Веру Ивановну [Рудневу] и меня, своим подарком. И милое внимание Ваше очень нам дорого, и книга сама по себе совершенно удивительная¹. Радуюсь за читателей, тому «чуду», которое помогло ей выйти в свет².

Сегодня, в новый Год, когда душа обращена к России и к прошлому, мы с В. И. [Рудневой] сидим дома и весь день, разрезая книжку, не отрываясь,

перечитываем отдельные главы. Вышло как раз так, как вы изобразили: елка, два существа и смотрят на «свет тихий»³.

Не знаю даже, что удивительнее: изумительная ли художественная форма Вашей «Руси», или проникающий ее, редчайший в наше душное время пафос духовный особого рода, — поднимающий душу над злобой мира сего — и потому освобождающий ее от злобы в самой себе. Душевное Вам спасибо за это.

Веет от книги примиренным, просветленным, ободренным: веришь, что зло торжествует только *видимо*, раз есть возможность пронести сквозь него собственный свет непогашенным.

Вспоминаю недавний разговор с Вами в тихий вечерний час на ту же тему и радуюсь. Хочется поскорее Вас повидать.

От души желаем Вам доброго нового года, Вам и Серафиме Павловне.

Вера Ивановна [Руднева] шлет привет.

Душевно преданный и любящий Вас

Вадим Руднев

Р.С. Как Вы думаете, кому бы поручить отзыв о «Взв[ихренной] Руси» в «Со-вр[еменных] зап[исках]»? Осоргину⁴?

Р.С. Особенно меня потрясла «Вечная память»⁵ — я ее раньше не читал. До чего все это идет от души к душе, — и как адекватно нашей русской трагедии.

Публикуется по автографу (Amherst Center. Remizov papers. Box 4. F. 9).

¹ См.: *Ремизов А. М.* Взвихренная Русь. Париж: ТАИР, 1927. Также см. недавнее переизд.: *Ремизов А. М.* Собр. соч. Т. 5. Ср. отзыв Д. П. Святополка-Мирского о «Взвихренной Руси» в недатированном письме Ремизову от 1927 г.: «Дорогой Алексей Михайлович, очень благодарю Вас за Взвихренную Русь. Перечитываю ее с величайшей радостью. Боюсь, что она теперь пройдет незаметно. Но она *останется*, как один из величайших памятников революционного времени, может быть, самая подлинная его память и история. Последняя страница, между прочим, изумительная» («...с Вами беда — не перевести». С. 389).

² «Взвихренная Русь» была издана на средства Татьяны Сергеевны и Ирины Сергеевны Рахманиновых — отсюда и название издательства (составленное из двух начальных букв имен Татьяна и Ирина): «ТАИР». По свидетельству В. Б. Сосинского, оно возникло «с единственной целью и программой: напечатать полный текст “Взвихренной Руси” [...] отрывки из которой тогда впервые появились в различных ежемесячниках и альманахах Зарубежной России» (*Сосинский В.* Конурка: (Об Алексее Ремизове, Александре Алехине, братьях Модильяни и других) // Вопросы литературы. 1991. № 6. С. 172).

³ «Свет тихий» (правильнее: «Свете тихий») — название древнего православного песнопения (тропаря), которое исполнялось во время вечернего богослужения («Свете тихий святых славы Безсмертного Отца Небесного, Святого, Блаженного, Иисусе Христе! Пришедше на запад солнца, видевше свет вечерний, поем Отца Сына и Святого Духа, Бога. Достойн еси на вся времена пет быти гласы преподобными, Сыне Божий, живот даий; темже мир Тя славит»). Песнь «Свете Тихий» известна под именем «вечерней песни». В христианской традиции — символ Иисуса Христа, как света невечернего, вечного, незаходимого (см.: Откр. XXI, 23; XX, 5). В последней главе «Неугасимые огни» Ремизов вспоминает посещения кремлевских соборов, в частности — «ночные успенские крестные хода», «крестный ход в субботу после всенощной» (*Ремизов А. М.* Собр. соч. Т. 5: С. 394, 395). Возможно, это ремизовское описание кремлевских соборов и православной литургии вызвало соответствующую ассоциацию у В. Руднева.

⁴ См.: *Мих. Ос. [Осоргин М. А.]* [Рец. на кн.:] Ремизов А. М. Взвихренная Русь. Париж: Таир, 1927 // СЗ. 1927. № 31. С. 453–456. В данной связи см. следующее утверждение

современной исследовательницы творческого наследия М. Осоргина И. А. Бочаровой: «Осоргин в 1920–1930-е гг. опубликовал о книгах А. Ремизова тринадцать статей; из них восемь в “Последних новостях” и две в “Современных записках”. Наиболее обстоятельная из них: [...] о книге Ремизова “Взвихренная Русь” [...], которую Осоргин считал “совершенно исключительной”. “Книга эта рождена в революцию и останется ее памятником. Это – запись кошмара, многими пережитого, но немногими оправданного. Она останется непонятной для тех, кто не пережил в России страшных 18–20 годов революции и кто не видел их снизу, из глубины человеческой мясорубки; из-под прессы, а не со стороны или с высоты командующих”. В этой статье Осоргин осмысляет феномен Ремизова: рекордсмен “издательской плодовитости” (26 книг в эмиграции, не считая переводов на языки, и 30 книг еще в России) с наименьшей читаемостью – “не принадлежит к числу популярных русских писателей”. “Виной тому – характер ремизовского творчества, его оригинальность, кажущаяся нарочитой, его раздражающая юродивость, манера интимных выпадов, никогда никого не оскорбляющих, но для всех беспокойных”. Всем этим Ремизов отпугивает читателя – “его боятся”, “боятся сложной формы его повествования”. “Преданный единой жизненной задаче – своеобразной культуре слова”, Ремизов породил даже целую “ремизовскую школу”, но его подражатели “не возвысились до скрытой глубины его письма» (М. Горький и М. А. Осоргин. Переписка / Вступ. ст., публ. и примеч. И. А. Бочаровой // С двух берегов: Русская литература XX века в России и за рубежом. М., 2002. С. 521). См. также в письме Осоргина М. Горькому от 8 ноября 1929 г.: «Я тоже высоко почитаю Лескова (и очень люблю Ремизова) [...] А Вы любите Ремизова? Он пишет много; в сущности он – единственный из эмигрантских писателей, который всю свою жизнь отдает работе над словом и который слово любит и знает. Его здесь почти не читают. Из более чем *сорока* книг, изданных им за границей (считаю с переизданными здесь), только 2–3 разошлись в 300–400 экземплярах, остальные меньше! Его “Взвихренная Русь”, по-моему, книга замечательная. В последнее время он меньше ломается и морочит читателя. И все у него проникнуто духом человечности, любви и жизни, изумления перед нею. Я считаю, что Ремизова впоследствии будут изучать слово за словом и удивляться ему. А ведь Бунина (он сейчас очень ослабел и стилистически) забудут быстро» (Там же. С. 468). Антагонизм (полярность) творчества и личностей Ремизова и Бунина отмечал и Н. Струве: «Бунин и Ремизов составляют классическую литературную пару, как Толстой и Достоевский, Блок и Гумилев, основанную на общности судьбы и крайней противоположности писательских темпераментов. [...] Друг друга не любили, не понимали – да и читатели до сих пор делятся: кто за классика Бунина, кто за причудливого и фантастического Ремизова» (Струве Н. Встречи с писателями: Ремизов. Бунин // Струве Н. Православие и культура. М., 1992. С. 245). Также см. другие рецензии на «Взвихренную Русь»: К. Мочульского – в «Звене» (1927. 10 апр. № 219. С. 2–3), Н. Кульмана – в «Возрождении» (1927. 21 июля. № 779. С. 5), М. Гофмана – в ПН (1927. 4 авг. № 2325. С. 3), В. Унковского – в «За свободу!» (1927. 2 окт. № 226. С. 6), Д. Святополка-Мирского – в «Верстах» (1928. № 3. С. 155–156).

⁵ «Вечная память» – такого произведения у Ремизова нет. Скорее всего, так Руднев называет «Слово о погибели Русской Земли» (5.X.1917), которое заканчивается словами: «В-е-е-ч-н-а-я п-а-а-м-я-т-ь» (Ремизов А. Собр. соч. Т. 5. С. 143). Заметим, что в тексте «Взвихренной Руси» «Слово о погибели» было напечатано без заглавия, как заключительная часть гл. «Москва». Об истории написания, публикации и интерпретации «Слова о погибели» Ремизова см. подробнее: *Иезуитова Л.* «Слово о погибели земли русской» А. М. Ремизова в газете «Воля народа» // Алексей Ремизов: Исслед. и мат.-лы. СПб., 1994. С. 67–80; *Субботин С. И.* Еще раз о дате первой публикации «Слова о погибели...» А. М. Ремизова // Новое литературное обозрение. 1996. № 14. С. 154–156; *Доценко С.* О символическом подтексте даты написания «Слова о погибели русской земли» А. М. Ремизова // Русский модернизм: Проблемы текстологии. Сб. ст./Отв. ред. О. Кузнецова. СПб., 2001. С. 217–222.

28. Руднев — Ремизову*Paris. 9 июня 1927 г.*

9.VI.1927

Дорогой Алексей Михайлович!

Вернувшись в Париж после проведенных в деревне праздников, застал на столе Ваш милый подарок.

Душевно поздравляем Вас оба, Вера Ивановна [Руднева] и я, с новой книжкой¹. Двадцать шестая выпущенная за эти годы книжка, — ведь в эмиграции, как на войне, литературная служба должна считаться втрое.

Крепко надеюсь, что четвертая часть Вашего романа не минует «Совр[еменные] зап[иски]»².

И еще искренне благодарим Вас за память и внимание.

Сердечный привет от нас обоих Сер[афиме] Павл[овне]. Преданный Вам

В. Руднев

Ломаю голову — откуда взялся этот «Вол»³?

Публикуется по автографу (Amherst Center. Remizov papers. Box 4. F. 11).

¹ См.: *Ремизов А. Оля*. Париж: Вол, 1927. См. рецензию К. В. Мочульского в СЗ (1928. № 34. С. 500–501). См. также др. рецензии: М. Осоргина — в ПН (1927. 9 июня. № 2269. С. 3), Ю. Айхенвальда — в «Руле» (1927. 15 июня. № 1987. С. 2–3), Г. Адамовича — в «Звене» (1927. 19 июня. № 229. С. 1–2), Н. Кульмана — в «Возрождении» (1927. 18 авг. № 807. С. 3), Д. Святополка-Мирского — в «Верстах» (1928. № 3. С. 156).

² Продолжение книги А. Ремизова «Оля» в СЗ не было напечатано.

³ «Вол» — парижское книгоиздательство, существовавшее во второй половине 1920-х гг. и специализировавшееся на выпуске художественной литературы. Издало, в частности, книгу В. А. Перцова «Человек и дух: Стихи и проза» (1927) и книгу рано умершего молодого друга Ремизова — В. В. Диксона (28.03.1900–17.12.1929) с ремизовским предисловием (см.: *Диксон В. Стихи и проза* / С предисл. Алексея Ремизова. Париж: Вол, 1930).

29. Руднев — Ремизову*Paris. 3 ноября 1927 г.*

3.XI.1927

Дорогой Алексей Михайлович!

Вернулся недавно из деревни, все собирался к Вам зайти, да все некогда, дела замучили.

Хотелось поговорить с Вами, разузнать, как Ваши дела, всякие вообще и писательские в частности.

Обдумываем план того, что печатать по части художественной в «Совр[еменных] записках» в течение будущего года. Что Вы нам дадите? Срок — неважен, — хотелось бы столкнуться в принципе, дабы иметь в виду при распределении в плане¹.

Так вот, — отзовитесь: или напишите по существу, или скажите, когда можно было бы к Вам заглянуть.

Привет Серафиме Павловне.

Как Вы провели лето?
Преданный Вам

В. Руднев

Публикуется по автографу (Amherst Center. Remizov papers. Box 4. F. 13). Вверху страницы помета Ремизова: «Annales Contemporaines». 106, rue de la Tour».

¹ Следующая публикация Ремизова в СЗ: *Ремизов А. М.* Московские любимые легенды // СЗ. 1928. № 37. С. 90–113.

30. Руднев — Ремизову *Paris. 8 ноября 1927 г.*

8.XI.1927

Дорогой Алексей Михайлович!

Получил Ваши закорючки¹. Из них следует, что на этой неделе нам не удастся встретиться, — в четверг — у меня религ[иозно]-фил[ософское] собрание, а с пятницы, воспользовавшись праздниками, еду к себе на хутор сажать яблони и груши.

Стало быть — до будущей недели. Зайду без предупреждения, а не застану — буду сам виноват.

«Thauma de Basilio convalescente»², ох, милый Алексей Михайлович, где же Ваши *русские* темы? Ну, не сердитесь — приду, и Вы мне эту латынь разъясните.

Кланяюсь Серафиме Павловне.

Ваш Вадим Р.

Публикуется по автографу (Amherst Center. Remizov papers. Box 4. F. 13).

¹ Видимо, речь идет о письме, написанном характерной для Ремизова стилизованной скорописью XVII в.

² «Чудо о Василии выздоравливающем» (лат.). См. легенду Ремизова «Чудо о Василии» (Воля России. 1927. № 11/12. С. 14–31). Затем эта легенда вошла в книгу Ремизова «Три серпа» (Париж: ТАИР, 1927. Т. 1). В основу легенды лег сюжет чуда «О Агрике и о сыне его Василии», в котором св. Николай спас из сарацинского плена Василия, сына Агрика. Для написания легенды Ремизов использовал латинский текст «Thauma de Basilio adolescente» («Чудо о Василии-подростке»), о котором Ремизов упоминает в письме В. Перемиловскому от 18 января 1928 г. (см.: Письма А. М. Ремизова к В. В. Перемиловскому // Русская литература. 1990. № 2. С. 204). При написании книги «Три серпа» (цикла легенд о св. Николае) и исследования «Образ Николая Чудотворца. Алатырь — камень русской веры» (Paris: УМСА-Press, 1931) Ремизов пользовался различными греческими, латинскими, древнерусскими житийными текстами о св. Николае. В разделе «История и библиография» исследования «Образ Николая Чудотворца. Алатырь — камень русской веры» Ремизов упоминает среди житийных и легендарных источников о св. Николае «Thauma de Basilio в латинской обработке» (см.: *Ремизов А. М.* Собр. соч. Т. 6. С. 635), а также — «Thauma de Basilio adolescente» и еще «две латинские вариации чуда о Василии» (Там же. С. 636). О чуде о Василии Ремизов также упоминает, рассказывая о посещении собора St. Nicolas de Varangéville: «Стоит Николай-чудотворец: такой как при входе в собор, только совсем маленький, серебряный, и тут же в витро чудеса: чудо о Василии, сыне Агрикове, а какой нарисован втер, надул щеки — это когда Василий поднялся на воздух от эмира домой лететь» (Там же. С. 633–634).

31. Руднев — Ремизову

Paris. 3 декабря 1927 г.

3.XII.1927

Дорогой Алексей Михайлович!

Завтра уезжаю в Прагу на неделю, а сейчас пишу Вам два слова только затем, чтобы не считали меня пропавшим без вести.

Получил Вашу завитушечку¹, — и, конечно, список книг, Вами присланный, будет напечатан². Только XXXIII уже вышла, стало быть в XXXIV только³.

Был ужасно занят писанием брошюры для Земгора и так и не собрался к Вам. Уже по возвращении из Праги.

Всего доброго. Привет Сер[афиме] Павл[овне]. Душевно преданный Вам

В. Руднев

Публикуется по автографу (Amherst Center. Remizov papers. Box 4. F. 13). В альбом Ремизовым вклеена также часть конверта с адресом отправителя: «W. Roudneff, 33, rue de Prony, Paris (17^e)».

¹ См. примеч. 1 к п. 30.

² См. в «Списке новых книг, поступивших в редакцию “Современных записок” для отзыва»: «Alexei Remizov: The fifth pestilence together with The history of the tinkling cymbal and sounding brass — Ivan Semyonovitch Stratilatov. Translated from The Russian with a preface by Alec Brown. Wishart and Co. London, 1927 (XXV + 236 стр.). Alexei Remizov: Sur Champ d’azur. Traduit du russe par Jean Fontenoy. Librairie Plon. Paris, 1927 (248 стр.). B. A. Jukovsky e A. Remizov: Fiabe russe. Traduzione del testo originale russo di Raja Pirolola Pomerantz. A. Bagn Editore. Milano, MCMXXVII (174 стр.). Алексей Ремизов: Оля. Изд. «Вол», Париж, 1927 (344 стр.)» (СЗ. 1928. № 34. С. [538]).

³ 33-я книга СЗ вышла из печати в начале ноября 1927, 34-я — в феврале 1928 г. Ни в той, ни в другой книге произведения Ремизова не публиковались (см. примеч. 1 к п. 29).

32. Руднев — Ремизову

Paris. 17 января 1928 г.

17.I.1928

Дорогой Алексей Михайлович!

Вы не правы по отношению к «Совр[еменным] зап[искам]» и их чувствам к милой Оле¹.

«Зарегистрирована» книжка в XXXII томе², а рецензия, если не надует автор ее, должна появиться в выходящей XXXIV книжке³.

Поклон Серафиме Павловне.

Ваш В. Руднев

Публикуется по автографу (Amherst Center. Remizov papers. Box 5. F. 1).

¹ См. примеч. 1 к п. 28.

² См. в «Списке новых книг, поступивших в редакцию “Современных записок” для отзыва»: «Алексей Ремизов. Оля. — Изд. “Вол” Париж 1927» (СЗ. 1927. № 32. С. [503]).

³ См. примеч. 2 к п. 31.

33. Руднев — Ремизову

Paris. 19 сентября 1928 г.

19.IX.1928

Дорогой Алексей Михайлович,
здесь ли Вы, в Париже? — Я на днях, в субботу, уезжаю в Белград¹ и очень хотел бы до того заглянуть к Вам, поговорить о делах.

Не откажите черкнуть, лучше пневматичкой, возможно ли это и в какие часы (после 5 ч. дня).

Привет Серафиме Павловне. Жму руку.

Ваш В. Руднев

Публикуется по автографу (Amherst Center. Remizov papers. Box 5. F. 2).

¹ Руднев направлялся в Белград в качестве участника I съезда русских писателей и журналистов за рубежом, проходившего 25–30 сентября 1928 г. (см. об этом, напр.: *Бурић О.* Руска литерарна Србија 1920–1941 (Писци, кружоци и издања). [Београд, 1990]. С. 162).

34. Руднев — Ремизову

Paris. 10 октября 1928 г.

10.X.1928

Дорогой Алексей Михайлович!
Не браните, что не сразу отозвался на Ваше письмо. Только позавчера воротился из своего путешествия по Сербии¹.

Относительно «Московских легенд»² буду иметь случай переговорить в редакции «Совр[еменных] зап[исок]» не раньше вторника—среды на будущей неделе, — вернется Фондаминский из Германии, — и вместе с ним нам легче будет разговаривать с нашим нехристом Марком Вениаминовичем [Вишняком]. После этих разговоров предприму те или иные шаги.

И к Вам собираюсь зайти — рассказать про белградские дни. Чудес много было, и русских, и сербских. Ну да, писать не буду, спешу.

Привет Серафиме Павловне.

Ваш В. Руднев

Видел и познакомился в Белграде с Федоровым³. Средней стоимости человек. Душа не чувствуется талантливая.

Публикуется по автографу (Amherst Center. Remizov papers. Box 5. F. 2).

¹ См. примеч. 1 к п. 33.

² См.: *Ремизов А. М.* Московские любимые легенды // СЗ. 1928. № 37. С. 90–113. Вошло затем в кн.: *Он же.* Три серпа: Московские любимые легенды. Париж: ТАИР, 1929. Т. 1–2. См. рецензию на это издание в СЗ: *Мочульский К.* Ремизов А. М. Образ Николая Чудотворца: Алатырь — камень русской веры. Париж: YMCA-Press, 1931; Ремизов А. М. Московские любимые легенды: Три серпа. Париж, 1929. Т. 1–2; Ремизов А. М. По карнизам: Повесть. Белград: Б. и., 1929 (Рус. б-ка) // СЗ. 1932. № 48. С. 479–481. Также см. рецензии: П. Пильского в «Сегодня» (1929. 12 янв. № 12. С. 8), И. Воинова в «Возрождении» (1929.

15 авг. № 1535. С. 3), Л. Львова в «России и славянстве» (1929. 31 авг. № 40. С. 3–4), неподписанную рецензию в «Воле России» (1929. № 2. С. 164–166).

³ О В. Г. Федорове см. публикацию в наст. изд.

35. Руднев — Ремизову

Paris. 7 ноября 1928 г.

7.XI.1928

Дорогой Алексей Михайлович!

Спешу сообщить Вам, как, в конце концов, обстоит дело с «Московскими легендами»¹.

«Об одеждах его меташа жребий»...² С «Посл[едними] нов[остями]» в лице Игоря Демидова³ мы договорились так: они оставляют у себя две тетрадки (3–4)⁴, а остальные три (1, 2 и 5) берем мы, «Совр[еменные] зап[иски]».

Имея Ваше предварительное согласие, я уже сегодня сдал нашу Современную часть в набор, — мы предполагаем поместить «Легенды» еще в ближайшей, выходящей в начале декабря книжке⁵.

Вот, кажется, все по части *редакторской*: рад за журнал, что в нем опять появится Ваше имя, рад за читателя, который наверное по Вас соскучился.

А теперь, отделяя двумя чертами часть редакторскую, чтобы *никак* не путать два ремесла, буду писать Вам дальше уже не в качестве редактора, а только как один из Ваших *ЧИТАТЕЛЕЙ* — и людей, искренне и сердечно к Вам расположенных.

Хочется с Вами поборниться, зол на Вас ужасно.

Можно ли Вам говорить *всю* правду, как она есть, без сахара и позолоты? Сможете вместить?

БОГ ЗНАЕТ ЧТО ТАКОЕ — эти Ваши «ремизовские штучки» — с газетами, пароходами, TSF⁶ и аэропланами в житии Николая Чудотворца.

Вы можете в оправдание приводить какие угодно параллели и аналогии из истории искусства — живое чувство отталкивания, протеста, вражды в читателе этим Вы не победите!

Это расхолаживает непосредственное религиозное чувство, свидетельствую Вам.

Святая легенда, «житие» требует если не совсем уж исторически подлинной обстановки, то все же каких-то *условных* одеяний. Для нас, русских, по крайней мере. Почему бы, идя по Вашему пути, не изобразить Господа Иисуса, едущим по Иерусалиму на такси, одетым в смокинг и цилиндр??

Это и оскорбительно эстетически и (что особенно обидно) без *нужды* портит очаровательную саму по себе вещь.

Я не берусь объяснить Вам закон этого отталкивания, но поверьте же мне, что 9/10 читателей увидит в Вашей «модернизации» только нарочитое чудачество, и при том вовсе не милое, — иные же обвинят Вас просто в любви к «трюку»⁷.

Пишу Вам это без каких-либо практических идей, — Ремизов настолько внушительная фигура в литературе, что сам отвечает за свои чудачества, а не журнал, — а просто из потребности излить свое огорчение и досаду. Попробуйте не рассердиться и понять.

Привет Сераф[име] Павл[овне].

Ваш В. Руднев

Публикуется по автографу (Amherst Center. Remizov papers. Box 5. F. 3). В архиве Ремизова сохранилось письмо Н. А. Недошивиной к Ремизову от 15 ноября 1928 г. по поводу «Московских любимых легенд»:

«Глубокоуважаемый Алексей Михайлович, посоветовавшись с Вадимом Викторовичем [Рудневым], — решила побеспокоить Вас следующим вопросом.

В «Московских любимых легендах», кот[орые] идут в «Современных записках», набраны *одинаковым шрифтом* подзаголовки:

- 1) На Святой земле
  - 2) В мир
- Посвящение
Чудотворец
Глаза

Таким образом, у читателя получается впечатление, что всего «Легенд» — *пять*. Так и должно быть?

Спрашиваю, потому что рукопись Ваша содержит три тетрадки и, следовательно, три первые названия были как бы подразделениями *первой* легенды.

Если действительно *равноценных* единиц всего *три*, то мне кажется, что пришлось бы дать разные шрифты для заголовков. Но в таком случае опять мне не ясно: название *первой* легенды есть «На Святой земле»? Или же она без заглавия? Иначе говоря, «На Святой земле» должно быть сделано тем же шрифтом, как и «Чудотворец» и «Глаза», — или же, как «В мир» и «Посвящение»?

И еще одно... Если «На Святой земле» пойдет крупным шрифтом, то, следовательно, первая часть этой легенды, до «В мир», пойдет без подзаголовка. Так?

Будьте так добры, разрешите мои недоразумения. И мне придется попросить Вас дать мне ответ сегодня же пневматичкой или по телефону до 5 час. вечера или завтра от 10 до 11 ч. утра, т. к. завтра в 11 час. утра из типографии придут за разрешением к печати (верстка у меня есть).

Простите за беспокойство, — но мне казалось, что лучше побеспокоить Вас, чем получить в печати несоответствие Вашим думам.

Уважающая Вас Н. Недошивина»

Наталья Александровна Недошивина, корректор «Совр[еменных] записок». 33, rue Proby (Paris, XVII). Wagram 70–32» (Amherst Center. Remizov papers. Box 5. F. 3).

¹ См. примеч. 2 к п. 34.

² Неточная библейская цитата. Ср.: «Разделиша ризы Моя себе и о одежде Моей меташа жребий» (Псал. 21, 19). Евангельская легенда рассказывает: когда Иисус был распят на кресте, но еще не умер, распявшие его воины стали делить его одежды, бросая жребий, кому что взять (Матф. 27, 35; Марк 15, 24). В данном случае Руднев иронически сообщает о том, что редакция СЗ и редакция ПН (в лице И. Демидова) разделили легенды из цикла Ремизова «Московские любимые легенды».

³ В книге Ремизова «Мышкина дудочка» Демидов упомянут дважды: «Я не раз встречал Платоньчей, и все они были «угри», один Угорь (Игорь) Платонович Демидов чего

стоит — редактор “Последних новостей”» (*Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 10. С. 104*). «В “Последних новостях” меня печатали “из милости”. “К нашим шофёрам не подходит!” повторял редактор И. П. Демидов, и я никогда не был уверен в своем, примут или вернут: “не подходит”» (Там же. С. 114). См. также запись в дневнике Ремизова от 19 июня 1957 г.: «Гонорар в “П. Н.” за мои рассказы из “Учителя музыки” — по самому низкому расчету. Попросить прибавки я не решался — я боялся, перестанут печатать. Но тут меня сбил Осоргин: “Надо требовать”. И я поддался Осоргину и написал Волкову о прибавке. И получил ответ не от Волкова (администратора), а сказал мне Демидов: “Ваши рассказы не для читателей нашей газеты; печатать мы часто не можем”. А о прибавке ни слова. Всякий мой приход в “П. Н.” встречался досадным “опять”» (*Кодрянская Н. Алексей Ремизов. С. 321*).

⁴ Часть «Московских легенд» публиковалась в 1924 и в 1928–1929 гг. в ПН (см. об этом: *Sinany H. Bibliographie des œuvres de Alexis Remizov. С. 72–74, 137–138*).

⁵ № 37 СЗ с «Московскими легендами» действительно вышел из печати в декабре 1928 г.

⁶ TSF («Le Télégraphe Sans Fil», т. е. «беспроводный телеграф») — маркировка на радиоприемниках, которые выпускались во Франции в 20-е гг. *Здесь*: обозначение радио.

⁷ О специфике «модернизации» апокрифов Ремизова см.: *Доценко С. Современный апокриф А. Ремизова // Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. 1991. Вып. 881. (Блоковский сборник; X). С. 82–91; Доценко С. «Автобиографическое» и «апокрифическое» в творчестве А. Ремизова // Алексей Ремизов: Исслед. и мат-лы. СПб., 1994. С. 33–40.*

36. Руднев — Ремизову *Paris. 17 декабря 1928 г.*

17.XII.1928

Дорогой Алексей Михайлович!

Составляем проспект того, что предполагаем напечатать в «Совр[еменных] зап[исках]» в 1929 году. Проспект будем печатать на днях.

Черкните несколько слов: как обстоит дело с Вашими литературными планами на будущий год, на что могут рассчитывать «Совр[еменные] зап[иски]», — и желательно не из «божественного»¹.

Как воспоминания о Каляеве², Савинкове³, Моисеенко⁴?

Жму руку. Привет Серафиме Павловне.

Ваш В. Руднев

Публикуется по автографу (Amherst Center. Remizov papers. Box 5. F. 3).

¹ Следующая публикация Ремизова в СЗ: «Три желания» (СЗ. 1931. № 47. С. 65–85).

² Каляев Иван Платонович (1877–1905), революционер. В 1897–1899 гг. — студент Московского и Петербургского университетов. За руководство студенческой забастовкой в Петербурге в 1899 г. выслан в Екатеринослав. С 1903 г. в партии эсеров, член Боевой организации. В 1904 г. участвовал в покушении на министра внутренних дел В. К. Плеве. В 1905 г. совершил покушение на московского генерал-губернатора вел. кн. Сергея Александровича. Приговорен судом и 5 мая 1905 г. казнен в Шлиссельбургской крепости. Упомянут в очерке Ремизова «Северные Афины» (СЗ. 1927. № 30. С. 239). Об И. Каляеве Ремизов вспоминал в книге «Иверень»: «Иван Платонович Каляев служил корректором в “Северном крае” и часто приезжал в Вологду к Савинкову: их соединяла Варшава, вместе учились. Каляев верил Савинкову беззаветно. Какая открытая душа, я сразу почувствовал, и верно, горячее сердце» (*Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 8. С. 441*). В письме С. П. Ремизовой-Довгелло

от 24–25 апреля 1905 г. Ремизов упомянул о Каляеве: «Когда ехали мимо Петропавловской крепости, я подумал о И. П. [Каляеве], он после убийства в[еликого] к[нязя] Сергея Александровича, перед повешением, заключен был в Петропавловской крепости]. [...] По словам Жданова, Ив. П. находится в волне радости, что задуманное он совершил и ждет смерти» (На вечерней заре: Переписка А. Ремизова с С. Ремизовой-Довгелло/Подгот. текста и коммент. А. д'Амелия // *Europa Orientalis*. 1990. Vol. 9. С. 456).

³ Савинков Борис Викторович (1879, Харьков – 1925, Москва), лидер партии эсеров. Родился в семье либерально настроенного судьи. Старший брат Савинкова погиб в якутской ссылке. После окончания гимназии Савинков поступил в Петербургский университет, но за участие в студенческом движении был исключен. С 1898 г. входил в социал-демократическую группу. В 1901 г. был арестован и сослан в Вологду. В 1903 г. совершил побег. В Женеве вступил в Боевую организацию эсеров и успешно участвовал в громких террористических актах, среди которых убийство В. К. Плева, вел. кн. Сергея Александровича. Являлся заместителем Е. Азефа, а после его разоблачения возглавил Боевую организацию. Арестованный в 1906 г., был приговорен военным судом к повешению, но бежал в Румынию. Савинков (лит. псевдоним: В. Ропшин) в эмиграции написал «Воспоминания террориста», «Конь бледный», роман «То, чего не было». Ремизов познакомился с Савинковым в Вологде в 1901 г. В некрологическом очерке «Савинков – *Le tueur de lions*» (франц. – «убивающий львов») Ремизов писал: «Я смотрел на Савинкова всегда как на революционера и, зная их повадки, никогда ни о чем не спрашивал о его деле, ни о людях, с которыми он делал свое дело. И эта односторонность [...] сказывалась на моем чувстве: при всем моем признании его, как человека огромной воли, непростого и неслучайного, я не чувствовал с ним той свободы и легкости, я как-то сжимался. [...] В последние годы, когда он совершил все или почти все, моя стеснительность прошла, я чувствовал надвигающуюся развязку, видел изживающуюся волю, выветривающийся камень его лица и потухающий, усталый взгляд, и не стеснительность я чувствовал, – жалость, я боялся затронуть что-нибудь больное, но говорил с ним и принимал его легко и свободно» (см.: *Ремизов А. М. Собр. соч.* Т. 8. С. 502). Об идейной полемике Ремизова с Савинковым см. также: *Доценко С. Обезвельопал А. М. Ремизова как зеркало русской революции* // *Europa Orientalis*. 1997. Vol. 16. № 2. С. 305–320.

⁴ Моисеенко Борис Николаевич (1880 – 26.10.1918, Омск), социал-демократ, затем эсер. В 1900 г. выслан в Вологодскую губернию. Член Боевой организации партии эсеров, участник покушения на вел. кн. Сергея Александровича. В 1905 г. привлекался как террорист, был амнистирован. Выслан в Забайкалье, бежал. В 1912 г. арестован при попытке вывезти с каторги Е. К. Брешко-Брешковскую, выслан в Верхотенский уезд Иркутской губ. Эмигрировал. Участник войны за Сербию. Вернулся в Россию в 1917 г. Помощник комиссара Западного фронта. Член бюро фракции ПСР Учредительного собрания, участник заседания 5 января. В 1918 г. входил в состав Союза возрождения России, член Комуча. Приехал в Омск в качестве делегата и секретаря Съезда членов Учредительного собрания, был убит офицерами-колчаковцами. Ремизов упомянул его в мемуарном очерке «Северные Афины»: «Борис Николаевич Моисеенко (†), кротчайший человек, впоследствии член “боевой организации” у Савинкова» (СЗ. 1927. № 30. С. 235).

37. Ремизов – Вишняку

Paris. 2 февраля 1929 г.

2.II.29. Paris

Дорогой Марк Вениаминович,
буду Вам очень благодарен. Прилагаю листок с книгами. Поместите в списке книг,

поступивших в ред[акцию] «Совр[еменных] запис[ок]»¹. Это для книжников важно, которые следят, что выходит за границей.

Кланяюсь Марии Абрамовне [Вишняк].

А. Ремизов

11, b[oulevard] Port-Rouge, Paris XIII

В № 40 напечатано было «Три серпа». Но не указано издательство². Для библиографов это все равно, что ничего.

Выискиваю Владимира Михайловича [Зензинова]. Увидите его, скажите, что его пропечатали во француз[ской] газете³.

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 116).

¹ См. в «Списке новых книг, поступивших для отзыва в редакцию “Современных записок”» в № 41 СЗ: «Alexei Remizov: Stella Maria Maris. Russische Legenden. — Orient-Occident Verlag, Stuttgart, 1929. S. 116.

Aleksej Remizov: Na modrom polju. Roman. Hrvatsko Knjizewno Drustvo Sv. Jeronima, Zagreb, 1929. S. 172.

Alexei Révizov: Soeurs en croix. — Les éditions Rieder, Paris, 1929. P. 235.

Алексей Ремизов: Три серпа. Московские любимые легенды. — Изд. Таир, Париж, 1929. I — стр. 157; II — стр. 159.

Алексей Ремизов: По карнизам. Повесть. — Изд. Изд. Ком., Белград, 1929. Стр. 128.

А. Ремизов: Посолонь. — Изд. “Таир”. Париж» (СЗ. 1930. № 41. С. [553–554]).

Книги Ремизова довольно стабильно появлялись в подобного рода «Списках», начиная с № 10 (см., напр.: СЗ. 1922. № 10. С. [142]; СЗ. № 11. С. [403]; СЗ. 1922. № 12. С. [381]; СЗ. 1922. № 13. С. [375] и т. д.).

² Ремизов подразумевает следующую позицию в «Списке новых книг, поступивших для отзыва в редакцию “Современных записок”»: «А. М. Ремизов: Три серпа [Париж: ТАИР]» (СЗ. 1929. № 40. С. [558]).

³ Установить, о чем идет речь, не удалось.

38. Ремизов — Рудневу *Boulogne. 23 декабря 1930 г.*

23.XII.30

«За лесом», В[oulogne] s[ur] S[eine]¹

Дорогой Вадим Викторович,

исправляю адрес.

Письмо Ваше только сегодня получилось: скиталось оно по лесу².

Кланяюсь Вере Ивановне [Рудневой].

Алексей Ремизов

A. Remisoff, 3bis, avenue Jean-Baptiste-Clément, *Boulogne s[ur] Seine*³

3bis, I подъезд, 2 étage à gauche⁴

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/3). Почтовая открытка; адрес получателя: «Monsieur W. Roudneff, 51, rue Georges Sorel, Boulogne s[ur] Seine»; адрес отправителя: «M[onsieur] A. Remisof, 3bis, av[enue] J.-B.-Clément, Boulogne s[ur] S[eine]»; почт. шт.: «Boulogne, 24.12.1930».

¹ Подразумевается знаменитый Булонский лес. См.: «Когда Ремизовы жили в Булони, дорога к ним шла вдоль Булонского леса» (*Шаховская З. А. Ремизовы // Шаховская З. А. В поисках Набокова. Отражения. М., 1991. С. 131*).

² Сбоку нарисовано расположение дома.

³ Адрес написан на отдельном листе, наклеенном на открытку. В августе 1930 г. Ремизовы переехали на новую квартиру из-за инцидента с консьержкой. Описание причин переезда и новой квартиры см. в книге Ремизова «Учитель музыки» (*Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 9. С. 125–160*). См. также: *Резникова Н. В. Огненная память. С. 92*.

⁴ 2-й этаж налево (франц.).

39. Руднев — Ремизову *Paris. 27 января 1931 г.*

27.I.1931

Дорогой Алексей Михайлович!

Конечно, я охотно написал бы В. Д. Брянскому¹ по поводу Вашей книги «Русские женщины»².

Смущает меня только одно. Отношения у меня с В. Д. Брянским давно уже и основательно испорчены. Мне по моей общественной службе³ не раз, и не десять раз приходилось настойчиво требовать от него выполнения его элементарных обязательств. Опасаюсь, как бы мое вмешательство пошло не на пользу Вам.

Повторяю, впрочем, что готов, если найдете все же нужным, Брянскому написать, — «дипломатические» отношения у меня с ним не порваны.

Бедный Алексей Михайлович, от души сочувствую Вам по случаю нездоровья и безденежья.

Поклон Серафиме Павловне.

Ваш В. Руднев

Публикуется по автографу (Amherst Center. Remizov papers. Vox 6. F. 1). С той же просьбой (написать В. Д. Брянскому) Ремизов обращался к Д. С. Мережковскому, который ему ответил в письме от 24 февраля 1931 г.: «Брянскому я напишу, но мое влияние на него до такой степени ничтожно, что я даже не смог предложить ни свою новую книгу (“Иисус Незвестный”), ни книгу З. Н. [Гиппиус]: боюсь, что откажет. “Атлантиду” едва взял и заплатил гроши. Им нужны Чириков-Тэффи и вообще “легкое чтение”. Я недавно прочел Ваши книги “Зга” и “По карнизам” с большим интересом и сочувствием. Вы плаваете в тех же глубоких водах, что и В. В. Розанов; увы, эти воды доступны немногим» (Amherst Center. Remizov papers. Vox 6. F. 4).

¹ Брянский Виктор Диодорович (1868–1944) возглавлял Издательскую комиссию Русского культурного института в Белграде.

² Речь идет, вероятно, о переиздании книги: *Ремизов А. М. Русские женщины: Народные образы. Пг.: Скифы, 1918. В инскрипте, адресованном С. П. Ремизовой-Довгелло, Ремизов писал: «Русские женщины собирались понемногу и к 18 году составила книга. Издали ее лев[ые] с.-ры. Тут все, что русским народом сказано. О матери, сестре, жене. От желанного до злого, а рисовал Голяка над змеем Петров-Водкин» (Волшебный мир Алексея Ремизова: Каталог выставки. СПб., 1992. С. 20).*

³ В данной связи см. примеч. 4 к п. 31.

40. Ремизов — Вишняку

Boulogne. 3 марта 1931 г.

3 III.31. Boulogne s[ur] S[eine]

Дорогой Марк Вениаминович,
обратите Ваше внимание на мой адрес («Совр[еменные] зап[иски]» получаю по старому с большим опозданием):

3bis, av[enue] Jean-Baptiste Clément, Boulogne s[ur] S[eine], I подъезд, 2 étage à gauche (кнопка¹).

В рассказе 36.000 б[укв], т. е. 900 газ[етных] строк². Хотел бы за него получить 500 frs «сундуком»³.

Кроме того, обращаю Ваше внимание, что с 1928 г. (с XXXIV) я перестал существовать в «С[овременных] з[аписках]»⁴. По крайней мере, читатели так решили (а у «С[овременных] з[аписок]» есть такие читатели), а между тем за это время вышли след[ующие] мои книги:

«Звезда надзвездная», 1928⁵

«Три серпа», 1929⁶

«По карнизам», 1929⁷

«Посолонь», 1930⁸

и напечатаны в «Воле России» «Тридцать снов Тургенева» (1930)^{9,*}

Кланяюсь Марии Абрамовне [Вишняк].

Алексей Ремизов

^{*)} Может быть, на отдельном листке в книге же перед беллетрист[ическим] критическим отделом напечатать:

«За отсутствием охотников и специалистов перечисленные книги не могли быть **своевременно** отмечены».

По крайней мере, тот читатель, к[отор]ого «С[овременные] з[аписки]» не знают, будет знать, что я что-то делаю, а не баклуши бью.

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 116).

¹ В тексте нарисована кнопка.

² По всей видимости, речь идет о рассказе «Три желания» для очередной книги СЗ; см.: Ремизов А. М. Три желания // СЗ. 1931. № 47. С. 65–85; в подстрочном примечании указано, что этот рассказ — «одна из глав III части стоголовой повести “Учитель музыки”. Первая и вторая части появились в журнале “Воля России”, 1931, № 1–2, 7–8; глава из III части напечатана в журн. “Числа”, 1931, кн. 5. А. Р.» (Там же. С. 65).

³ Вероятно, Ремизов хочет сказать: чохом, круглой суммой, т. е. не полистной оплатой, а за произведение целиком. Ср. ответ Руднева в п. 44: «Редакция согласна на Ваши условия, 500 фр. за рассказ, — не делая отсюда, разумеется, никаких выводов о полистном гонораре на будущее». Возможно также, что это метафорическое выражение означает: «получить почтой (почтовым переводом)». Во французском языке слово «malle» означает как дорожный сундук (дорожный чемодан), так и почтовую карету. Как пример аналогичного использования «франко-русского жаргона» (по определению Ремизова) — см. в книге «Учитель музыки»: «И с последним трамваем возвращаюсь домой, соскочил на остановке, подымаюсь по рю Вильгельм, знаете, такая маленькая улица около Эглиз д’Отэй, и чувствую, что надо остановиться; осмотрелся, ни души — да и днем туда никто не заходит! Но тут и начинается грехопадение — ну, прямо, как с неба, откуда ни возьмись: две “ласточки”».

Слезли с велосипедов, подождали — а потом протокол. Теперь франков 20 придется заплатить и судебные издержки» (Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 9. С. 71). Ласточка по-французски — «hirondelle», а жаргонное значение слова «hirondelle»: «полицейский-велосипедист».

⁴ Ремизов подразумевает рец.: Мочульский К. В. Ремизов А. М. Оля. Париж: Вол, 1927 // СЗ. 1928. № 34. С. 500–501.

⁵ См.: Ремизов А. М. Звезда — надзвездная. Stella Maria Maris. Париж: YMCA-Press, 1928. См. рецензии: С. Литовцева — в ПН (1928. 3 мая. № 2598. С. 3), В. Сирина-Набокова — в «Руле» (1928. 14 нояб. № 2424. С. 4), Б. Сосинского (укрывшегося за инициалами «Б. С.») — в «Воле России» (1928. № 10/11. С. 208–210).

⁶ Ремизов А. М. Три серпа: Московские любимые легенды. Париж: ТАИР, 1929. Т. 1–2.

⁷ См.: Ремизов А. М. По карнизам: Повесть/С фотографией автора и факсимильной подписью. Белград: Б. и., 1929 (Рус. б-ка). В этой связи см.: Мочульский К. В. [Рец. на кн.:] Ремизов А. М. Образ Николая Чудотворца: Алатырь — камень русской веры. Париж: YMCA-Press, 1931; Ремизов А. М. Московские любимые легенды: Три серпа. Париж: Таир, 1929. Т. 1–2; Ремизов А. М. По карнизам: Повесть. Белград: Б. и., 1929 (Рус. б-ка) // СЗ. 1932. № 48. С. 479–481. См. также др. рецензии: Б. Сосинского — в «Воле России» (1929. № 10. С. 203–206), И. Голенищева-Кутузова — в «России и славянстве» (1930. 21 июня. № 82. С. 3), Н. Городецкой в «Возрождении» (1930. 30 дек. № 2037. С. 4).

⁸ См.: Ремизов А. М. Посолонь. Волшебная Россия. Париж: ТАИР, 1930. См. рецензии: Л. Львова — в «России и славянстве» (1929. 30 нояб. № 53. С. 3–4), М. Осоргина — в ПН (1929. 5 дек. № 3179. С. 3).

⁹ См.: Ремизов А. М. Тридцать снов Тургенева // Воля России. 1930. № 7/8. С. 580–623. Вошли затем в кн.: Ремизов А. М. Огонь вещей: Сны и предсонье/Обл. и рис. автора. Париж: Оплешник, 1954.

41. Руднев — Ремизову *Paris. 2 апреля 1931 г.*

2.IV.

Дорогой Алексей Михайлович!

Итак, где рукопись Вашего рассказа?

М. В. Вишняк, бывший на Вашем вечере¹, говорил мне, что Вы хотели что-то в ней исправить.

Ждать ли, когда Вы мне ее пришлете, или назначить день, чтобы зайти к Вам?

Черкните слово, как быть ([gue] Georges Sorel, Boulogne s[ur] Seine). Если рукопись получится в самые ближайшие дни, есть еще надежда, что она попадет в выходящую в первых числах мая книжку. А не то — останется до июльской книжки. Поэтому и позволяю себе торопить Вас.

Жду ответа или рукописи.

Ваш В. Руднев

P.S. Не знаю, верно ли я понял кого-то из бывших на Вашем вечере, — что Вы читали *две* свои вещи²?

Публикуется по автографу (Amherst Center. Remizov papers. Вох 6. Ф. 4). Год установлен по содержанию.

¹ Речь идет о литературном вечере Ремизова, который состоялся 31 марта 1931 г. (см.: [Б. н.] Вечер А. Ремизова // ПН. 1931. 22 марта. № 3651. С. 4; Г. Руй. [Раевский Г. (Оцуп Г. А.)]. Вечер А. М. Ремизова // Возрождение. 1931. 2 апр. № 2130. С. 4).

² Ремизов прочитал на вечере свой рассказ «Три желания» (см.: Хроника. Франция. Т. 2. С. 173).

42. Вишняк — Ремизову

Paris. 6 апреля 1931 г.

6.IV.931

Дорогой Алексей Михайлович!

Спасибо за письмо, — едва ли не *первое* с 1928 г. ¹!.. Рассказ Ваш возьмем, конечно. О «модальностях» (финансовых и др.) с Вами спишетсЯ Вадим Викторович [Руднев].

Адрес Ваш внесу в список адресатов «Современных записок».

А что с 28 г. Вы «перестали существовать в “С[овременных] з[аписках]”»², — отчасти Вы сами тому причиной. Вспомните, как Вы потребовали свои рукописи обратно после неуважительного отзыва в «Современных записках» о «Верстах»³!

Пишу об этом так, в объяснение и частичное *самооправдание*, а никак не для того, чтобы «помянуть старое».

С искренним приветом Вам и Серафиме Павловне от нас обоих.

М. Вишняк

Публикуется по автографу (Amherst Center. Remizov papers. Box 6. F. 4).

¹ См., однако, п. 37.

² Цитата из ремизовского п. 40 (от 3 марта 1931).

³ В этой связи см. п. 26.

43. Ремизов — Вишняку

Boulogne. 8 апреля 1931 г.

8.IV.31

Дорогой Марк Вениаминович,

нет Вам и не может быть оправдания. И потому мои пожелания остаются в силе: напечатать в «С[овременных] з[аписках]» на отдельной странице перед или после критическим отделом ~~от книг~~ перечень книг А. Ремизова, вышедших после «Взвихренной Руси» и «Оли»¹, о которых дан был отзыв в 1927 кн. XXXI², 1928 кн. XXXIV³ (а «Верстовое дело» относится к *1925 году*)⁴), сопроводив следующим от редакции:

«За отсутствием охотников и специалистов поименованные книги А. Ремизова остались без отзыва». Марк Вишняк и проч. (или Ред[акция])»⁴.

Кланяюсь Марии Абрамовне [Вишняк].

А. Ремизов

3 bis, av[enue] J. B. Clément, Boulogne s[ur] Seine

И во имя справедливости надо поправить; и рукописи я не держу[?], *последний раз* напечатал в XXXVII 1928 г. «Московские легенды».

⁴ Если бы из-за «Верст» (1925) решено было не отмечать моих выходящих книг, то ни о «Взвихрен[ной] Руси» (1927)⁵, ни о «Оле» (1928)⁶ «С[овременные] з[аписки]» не напечатали бы отзыва. Стало быть, причина совсем другая, а именно: «За отсутствием охотников и т. д.».

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 116).

¹ Упомянутый список сохранился в архиве М. Вишняка: «Книги А. Ремизова, вышедшие после “Взвихренной Руси” (1927) и “Оли” (1927):

“Звезда надзвездная”. YMCA PRESS, Париж, 1928.

“По карнизам”. Изд[ательский] ком[итет], Белград, 1929.

“Три серпа”. Таир, Париж, 1929.

“Посолонь”. Таир, Париж, 1930.

И появившиеся в ж[урнале] “Воля России”:

“Русская повесть о бесноватой Соломонии” (1929)

“Тридцать снов Тургенева” (1930).

За отсутствием охотников и специалистов поименованные книги и статьи А. Ремизова остались без отзыва. Ред[акция].

Про охотников на Вашу волю, А. Р.» (Lilly Library. Vishniak papers. F. 116).

² См.: Мих. Ос. [Осоргина М. А.] [Рец. на кн.:] Ремизов А. М. Взвихренная Русь. Париж: Таир, 1927 // СЗ. 1927. № 31. С. 453–456. См. в этом же номере СЗ в статье М. Цетлина: «Правдиво и сильно рассказал о феврале и вообще о революции Ремизов в своей книге “Взвихренная Русь”. С ним можно не соглашаться, но нельзя не почувствовать искренности и глубины его переживаний» (Цетлин М. О. На литературные темы: («Февраль» и литература) // СЗ. 1927. № 31. С. 396).

³ См.: Мочульский К. [Рец. на кн.:] Ремизов А. М. Оля: [Роман]. Париж: Вол, 1927 // СЗ. 1928. № 34. С. 500–501. Книга вышла из печати весной 1927 г.; первая рецензия на данное издание (М. А. Осоргина) появилась в начале июня (ПН. 1927. 9 июня. № 2269. С. 3). Статью в «Звене» о журнальной версии ремизовской «Оли» (роман печатался в «Воле России») опубликовал еще в 1926 г. Мочульский (см.: Мочульский К. В. Новый роман Алексея Ремизова // Звено. 1926. 20 июня. № 177. С. 1–2). Книжное издание романа отрецензировал Г. В. Адамович (Звено. 1927. 19 июня. № 229. С. 1–2).

⁴ На полях приписка карандашом: «Про охотников на Вашу волю». Ср. в воспоминаниях Вишняка: «Помещая часто незаслуженно благоприятные, “дружественные” отзывы об авторах, наиболее благоприязнствуемых редакцией или проявлявших особую активность и напористость, редакция вместе с тем способствовала образованию среди сотрудников “Современных записок” неформальной группы обиженных и недовольных — обойденных, по собственной ли пассивности или по нерадивости редакции. А. М. Ремизов требовал, чтобы редакция сопровождала печатание списка его книг, поступивших в “Современные записки”, заявлением: “За отсутствием охотников и специалистов поименованные книги и статьи А. Ремизова остались без отзыва”. Он великодушно шел при этом на уступку: “про охотников на вашу волю”. Как будто скромный и добродушный, А. М. оставался глубоко обиженным и снова и снова возвращался к своему предложению, не принимая объяснений редакции. “Нет, вам и не может быть оправдания. И потому мои пожелания остаются в силе — напечатать в ‘Современных записках’ на отдельной странице перед (или после) Критическим отделом перечень книг А. Ремизова... сопроводив следующим от редакции” и т. д. (8.IV.31 г.)» (Вишняк 1993. С. 133–134).

⁵ Обведено предположительно рукой М. Вишняка.

⁶ Обведено предположительно рукой М. Вишняка.

44. Руднев — Ремизову Paris. 8 апреля 1931 г.

8.IV.

Дорогой Алексей Михайлович,
говею, служу — не могу вырваться к Вам. Потому пишу, и кратко.

Редакция согласна на Ваши условия, 500 фр. за рассказ, — не делая отсюда, разумеется, никаких выводов о полистном гонораре на будущее.

Не забудьте только, что за Вами остается довольно крупный аванс — 416 фр. Но, принимая во внимание Ваши общие житейские дела — терм и пр. — готовы удерживать из гонорара в погашение аванса лишь малую часть, — скажем, 100 фр.

Так как еще осталась некоторая надежда, правда, не очень большая, что рассказ еще сможет пойти в эту книгу, — то шлите поскорей рукопись¹. Гонорар будет Вам выслан немедленно.

До скорого свидания. Салют! Преданный Вам

Ваш В. Руднев

Публикуется по автографу (Amherst Center. Remizov papers. Box 6. F. 4). Год установлен по содержанию.

¹ В вышедшую из печати 20 мая 1931 г. 46-ю книгу СЗ «Три желания» Ремизова не успели и появились в увидевшей свет в конце сентября 1931 г. 47-й книге (С. 65–85).

45. Руднев — Ремизову *Paris. 10 апреля 1931 г.*

10.IV.

Дорогой Алексей Михайлович!

Задал же Вы мне задачу с Вашими «охотниками»¹... Вчера после разговора с Вами в автобусе, — дома придумал, казалось мне, блестящий выход. Отбросивши, конечно, фразу об охотниках, — дать в сноске к заглавию рассказа, внизу страницы, справку о вышедших за эти годы Ваших книгах. Придумал — и успокоился. Спал спокойно.

Сегодня утром моя консьержка вручила Вашу рукопись (с великолепным титулом). Раскрыл первую страницу, — и сердце у меня упало: оказывается, сноска Вами уже использована для другой цели.

А вот сейчас, вернувшись вечером домой, нашел еще умильное Ваше письмо все по поводу тех же «охотников».

Постараюсь объяснить, почему и я против Ваших «охотников».

Помещение такого *редакционного* заявления может означать одно из двух: или «чуждость», — но оно не совсем в стиле нашего журнала, «С[овременные] з[аписки]» для этого не то что журнал слишком серьезный, но он просто лишен юмора, что ли; или вынужденного самосечения, — вот, мол, Ремизов заставил редакцию извиняться, что не дали отзыва о его последних книгах. Но не говоря уже о необычности такого вынужденного самосечения, — я и не нахожу его справедливым. Библиографический отдел наш, все знают, совершенно случаен, остается без отзыва масса первоклассных книг — едва ли это даже скорей не правило, что мы оставляем без рецензий все более сложные вещи, требующие от рецензентов большого напряжения. Что же, завести теперь на будущее вообще отдел самосечения редакции, по поводу вообще *всех* нами не отмеченных авторов? Иначе, что за привилегия у Ремизова?

Вот, дорогой мой Алексей Михайлович, мои соображения.

Потому возвращаюсь опять-таки ко вчерашней моей мысли — дать чисто *фактическую* сноску (ведь Вы преследуете лишь цели осведомления читателей, не правда ли?) о вышедших за последние годы Ваших книгах. Как это сочетать с имеющейся уже сноской — подумайте.

Завтра — держите карман шире! — приволоку Вам кучу деньжищ. Целых 400 фр. Жму руку. Привет Серафиме Павловне.

Ваш В. Руднев

Публикуется по автографу (Amherst Center. Remizov papers. Box 6. F. 4). Год установлен по содержанию.

¹ Отсылка к ремизовской фразе «За отсутствием охотников и специалистов перечисленные книги не могли быть *своевременно* отмечены» из п. 40.

46. Руднев — Ремизову *Paris. 23 апреля 1931 г.*

23.IV.1931

Дорогой Алексей Михайлович!

Получил сейчас Ваше письмо и спешу ответить.

Корректуру сейчас и не ждите, — окончательно выяснилось, что рассказ Ваш пойдет не в этой книжке, а в следующей¹. Неожиданно пришло продолжение рукописи А.Л. Толстой, которую, по соглашению с английскими переводчиками, можно поместить *только* в этой книге, или вовсе уже не помещать². В свое время корректуру непременно получите.

С Мочульским или спишусь или повидеюсь³. Только ближайшие две недели я вовсе погибаю — и Земгор с общим собранием и съезд редакции «Сов[ременных] зап[исок]», все сразу. Как только освобожусь, непременно этим займусь.

Ваш В. Руднев

Здесь сейчас Степун, на несколько дней.

Публикуется по автографу (Amherst Center. Remizov papers. Box 6. F. 4).

¹ См. примеч. 1 к п. 44.

² В этой связи см.: *Толстая А.Л.* Из воспоминаний // СЗ. 1931. № 46. С. 138–159.

³ Речь о намечаемой рецензии на книги Ремизова: *Мочульский К.В.* Ремизов А.М. Образ Николы Чудотворца: Алатырь — камень русской веры. Париж: YMCA-Press, 1931; Ремизов А.М. Московские любимые легенды: Три серпа. Париж: Таир, 1929. Т. 1–2; Ремизов А.М. По карнизам: Повесть. Белград: Б. и., 1929 (Рус. б-ка) // СЗ. Париж, 1932. № 48. С. 479–481.

47. Руднев — Ремизову *Paris. 25 апреля 1931 г.*

25.IV.1931

Дорогой Алексей Михайлович!

Получил Ваше письмо. И откровенно говоря, чувствую себя несколько задетым им.

Вы, между прочим, пишете: «Я все ждал рецензии на книгу Диксона¹, но, должно быть, “С[овременные] з[аписки]” тихо *решили замолчать, как и мои книги*».

Позвольте доложить Вам, тишайший Алексей Михайлович: когда Вы несколько месяцев тому назад заговорили со мной о книге Диксона, редакция тогда же обратилась с просьбой к И. Н. Голенищеву-Кутузову², подсказанному Вами же. Мы хотели поместить ее еще в прошлой книге, — и если не сделали этого, то исключительно по той причине, что ни к предыдущей книжке, ни до сего времени мы рецензии не получали. Теперь, спустя несколько месяцев по выходе, давать отзыв менее удобно, но мы все же готовы поместить его, если... он будет нам прислан. Почему Вы непременно хотите видеть «тихое замалчивание» там, где в подавляющем большинстве случаев играют роль совсем другие причины.

Буду писать К. Мочульскому, прося его рецензии на Ваши книги³, в том числе и на Ваши иллюстрации к переводам Блока⁴. (Хотя, по совести, не совсем понимаю значения рецензии на «Exemplaire unique»?) И опять-таки для этого нам все не надо дополнительного мотива — т[аким] о[бразом] косвенно «отметить память 10-летия». Эту отметку мы предполагаем сделать и более прямым, непосредственным способом.

Козерничку [нрзб] получил, спасибо.

Привет Серафиме Павловне.

Ваш В. Руднев

Публикуется по автографу (Amherst Center. Remizov papers. Box 6. F. 4).

¹ Диксон Владимир Васильевич (1900–1929), поэт, прозаик. Эмигрировал в июле 1917 г. вместе с родителями в США. Закончил Гарвардский университет, принял американское гражданство. С 1923 г. жил в Париже, с середины 1920-х гг. входил в близкое окружение Ремизова. Умер под Парижем, похоронен в США. Автор трех прижизненных и одной посмертной книг; посмертная книга «Стихи и проза» (Париж: Вол, 1930) вышла с предисловием Ремизова. Рецензии на книги Диксона в СЗ не печатались.

² Голенищев-Кутузов Илья Николаевич (1904–1969, Москва), литературовед, литературный критик, поэт, переводчик. Эмигрировал с родителями в 1920 г. в Белград; в 1955 г. вернулся в СССР. Автор нескольких рецензий на книги Ремизова.

³ См. примеч. 3 к п. 46.

⁴ О каких переводах Блока идет речь — неизвестно.

48. Руднев — Ремизову

Paris. 27 июля 1931 г.

27.VII.

Дорогой Алексей Михайлович!

Недавно я получил письмо от К. Мочульского в ответ на свое обращение к нему относительно рецензии на Ваши книги, в котором он сообщает, что не может доставить статью ранее 1 октября...¹

Неудача. Как быть? Ждать Мочульского или искать кого-либо другого?

Мочульский, впрочем, пишет, что об этой досадной отсрочке он сообщил Вам. Что Вы думаете по этому поводу?

Пишу по старому Вашему адресу, не будучи уверен, что Вы еще там живете. Авань, перешлют.

Прочел — с ревнивым редакторским чувством — Ваш прелестный рассказ в «Числах» № 5².

Жму руку. Преданный Вам

В. Руднев

Публикуется по автографу (Amherst Center. Remizov papers. Box 6. F. 7). Год установлен по содержанию.

¹ См. примеч. 3 к п. 46.

² См.: Ремизов А. М. Индустриальная подкова // Числа. 1931. № 5. С. 108–143. Рассказ вошел в книгу Ремизова «Учитель музыки» (см.: Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 9. С. 113–161).

49. Руднев — Ремизову *Paris. 2 августа 1931 г.*

2.VIII.

Дорогой Алексей Михайлович!

Получил Вашу открытку. Удобно ли выдавать теперь отдельно рецензию на «По карнизам»¹? Ведь книга вышла, кажется, больше года тому назад. Будет вовсе непонятно, почему молчали, почему заговорили.

Давайте будем уж ждать сводную статью Мочульского вообще о Вашем творчестве последних лет. Посылаю «Руль» на случай, если не получаете сами. Я уже писал, как мне понравилась «Инд[устриальная] подкова» и рад, что Бем ее так восторженно встречает².

Жму руку.

Ваш В. Руднев

Публикуется по автографу (Amherst Center. Remizov papers. Box 6. F. 7). Год установлен по содержанию. Ремизовым отмечена дата получения письма: «5 VIII».

¹ См. примеч. 7 к п. 40.

² См.: Бем А. Письма о литературе. «Индустриальная подкова» Алекс[ея] Ремизова // Руль. 1931. 13 авг. № 3256. С. 2–4. В частности, А. Бем писал: «В своем недавнем “письме” о “Числах” я только мимоходом отметил значительность этого рассказа, но и это уже вызвало возражения. В одном из полученных писем, кстати, очень ярко отражающем настроения читателя, мне по этому поводу пишут: “В Вашем последнем фельетоне меня очень заинтересовал Ваш отзыв о Ремизове. На читателя это его произведение, как и некоторые другие, производят впечатление, что автор над ним издевается, и таково положительно общее мнение читателя”. Я несколько раз внимательно перечитал рассказ Ремизова, чтобы проверить свое первоначальное впечатление, за которое я, признаться, несколько испугался после полученного письма. И должен сказать, что не только не ослабело, но еще усилилось мое убеждение в его значительности. И, прежде всего, в этом меня убеждает его общая укорененность в нашей русской литературной традиции, его связь с нашей классической литературой» (Там же. С. 2).

50. Фондаминский — Ремизову

Paris. 1931 г. [?]

Дорогой Алексей Михайлович!

Подпишите, если найдете возможным, прилагаемое воззвание и *немедленно* верните его мне.

Шлю сердечный привет Вам и Серафиме Павловне

Ваш Фондаминский

Публикуется по автографу (Amherst Center. Remizov papers. Box 6. F. 7). Датируется предположительно по местонахождению в архиве. Вклеен уголок конверта: «Fondaminsky, 1, rue Chernovitz, Paris XVI».

51. Руднев — Ремизову

Paris. 12 сентября 1932 г.

12 IX 1932

Дорогой Алексей Михайлович!

Заходил к Вам на днях, консьержка мне сказала, что Вы уехали на *vacances*, *не оставив ей адреса...*

В трудном положении: был бы спокойнее, если б Вы сами проглядели корректуру. Между тем книжка начинает печататься в конце этой недели, самое позднее — в начале будущей.

Делаю еще раз попытку достучаться до Вас — отзовитесь!

Жму руку

Ваш В. Руднев

P.S. У меня для Вас лежат присланные Вам книги П. М. Бицилли¹.

Публикуется по автографу (Amherst Center. Remizov papers. Box 6. F. 9).

¹ О П. М. Бицилли см. в т. 2 наст. изд. В СЗ была напечатана его заметка-рецензия о Ремизове: «Это пересказ, а частью перевод всех “снов” у Тургенева, с иллюстрациями автора к ним. Не знаю, соответствуют ли эти рисунки тургеневским сонным грезам, — думается, скорее, что нет. Но сами по себе они очень интересны и по замыслу и по выполнению. Эта стилизация средневековых витражей и миниатюр, изображающих в одном плане целые “истории”, как нельзя более подходит для зарисовки того, что мы видим в состоянии сна, для которого характерно именно то, что категории одновременности и последовательности перестают различаться. Хорошо передана и свойственная сновидениям несообразность, бесвязность — опять-таки путем стилизации средневекового гротеска. В предисловии и в конце книжки — тонкие, но подчас спорные замечания о языке и стиле Тургенева. Верно то, что говорит автор о “робости” тургеневского языка, также об искусственности, с какою у него воспроизводится речь простолюдина. Однако нельзя согласиться с утверждением автора, что Тургенев, передавая простонародную речь, “выражался на языке” хорошего общества времени Петра В[еликого] с примесью словаря пушкинских крестьян и что “Лесков первый ввел в свои рассказы простонародный синтаксис”. Как раз у Лескова есть, в его опытах воспроизведения народной речи, архаизмы, характерные столько же для “хорошего общества”, сколько и для простонародья “времени Петра В[еликого]”, а в простонародье сохранившиеся и в новое время. Если бы тургеневские мужики выражались так, как это выходит

по вышеприведенной формулировке автора, то это значило бы, что Тургенев верно схватил особенности их речи, что отрицает автор» (*Биццлли П. М. Remizov A. Tourguéniev, poète du rêve. Paris: Hippocrate, 1933 // СЗ. 1934. № 54. С. 461*).

52. Руднев — Ремизову

Paris. 28 ноября 1932 г.

28 XI 1932

Дорогой Алексей Михайлович!

По поручению Комитета Общества Друзей «Совр[еменных] записок» и редакции журнала позвольте пригласить Вас и Серафиму Павловну пожаловать на банкет «Совр[еменных] записок» в среду 30 ноября¹.

Никаких особых «invitations» нашим *почетным* (и бесплатным, разумеется) гостям мы не будем посылать. Но контроль при входе будет предупрежден, обслужит Вас и усадит.

Непрерменно ждем.

Но если бы было *force majeure*² [кусок текста заклеен] Напишите, что же мне делать [кусок текста заклеен] Пожалуюсь еще, сам уже не смогу [кусок текста заклеен] Но ждем Вас обоих [кусок текста заклеен]

Преданный Вам

В. Руднев

Публикуется по автографу (Amherst Center. Remizov papers. Vox 6. F. 9). Часть письма от слов: «Но если бы...» и до «Но ждем...» вклеена в тетрадь, прочесть ее невозможно.

¹ Речь идет о банкете по случаю выхода из печати в начале октября 1932 г. 50-й книги СЗ (см.: *Н. П. В. [Вакар Н. П.] Юбилей «Современных записок»*. Торжественный банкет в залах Сен-Дидье // ПН. 1932. 2 дек. № 4272. С. 2–3; *Он же*. Юбилей «Современных записок». Приветствия // ПН. 1932. 6 дек. № 4276. С. 4; ср. также: *Д-чв*. Банкет «Современных записок» // Возрождение. 1933. 2 дек. № 2740. С. 2). См. также: *Руднев В. В.* К юбилею «Современных записок» // СЗ. 1933. № 51. С. 431–453.

² форс-мажор, высшая сила (франц.).

53. Руднев — Ремизову

Paris. 14 декабря 1932 г.

14. XII.1932

Дорогой Алексей Михайлович!

Пишу Вам под впечатлением вчерашнего Вашего чтения¹. Не как редактор, Боже упаси, — а как простой читатель и большой Ваш почитатель готов умолять Вас. Вещь — *прекрасная, умная, острая, даже пронзительная*: зачем, к чему в ней опять несносные «ватер-клозетные» мотивы²? Особенно в конце, и сверх-особенно это отталкивающее «*облегчившись*»? Если бы Вы, дорогой писатель, побыли в шкуре читающего или слушающего: наслаждение талантом, тонкостью, драматизмом, — и *вдруг ни с того, ни с сего, и ни к чему*³ — грубость. А главное, — никак она из существа не следует, насильно притянута прихотью автора.

Я — не литературный критик, но моими устами говорит непосредственное чувство очень, очень многих (и далеко не худших) читателей. Вы у них разбиваете Вам же самому дорогое душевное состояние — взволнованности темой, сочувственность автору. Зачем?

Обида за Вас, дорогой Алексей Михайлович, невероятная. И не сердитесь за «не могу молчать».

Ваш В. Руднев

Публикуется по автографу (Amherst Center. Remizov papers. Box 6. F. 9).

¹ Чтение в справочнике (Хроника. Франция. Т. 2) не отмечено; состоялось, по-видимому, в частном порядке.

² Возможно, речь идет о рассказе Ремизова «Кран гиппопотама» (см.: СЗ. 1932. № 50. С. 96–112), в котором встречается «ватер-клозетный» мотив. Об ироническом интересе Ремизова к «ватер-клозетным» мотивам вспоминала также З. Шаховская: «Как охотно, но и как ехидно, и зачастую со скатологическими подробностями, А. М. говорил о своих знаменитых современниках, и всегда с усмешечкой: “Вот идет Василий Васильевич (Розанов) в ватер-клозет, а мы за ним гуськом, а он нам о чем-нибудь половом говорит, дверь не закроет, заслушаться можно! Мы слушаем, а он там бумажкой шелестит, мнет ее”» (*Шаховская* З. А. В поисках Набокова. Отражения. М., 1991. С. 128–129).

³ Подчеркивание рукой Ремизова.

54. Ремизов — Рудневу *Paris. 8 января 1933 г.*

8.I.1933

Дорогой Вадим Викторович,
прилагаю список моих иллюстрированных рукописных изданий¹. Приютите! Когда-нибудь для историков будет любопытно. Всего сделал 20 альбомов. Буду продолжать с числом и годом².

Кланяюсь Вере Ивановне [Рудневой].

А. Ремизов

Публикуется по автографу (UIUC. Pregel/Rudnev. Box 4). Опубл. впервые: Стрелец. 1991. № 1 / 65; повторно в изд.: Дальние берега: Портреты писателей эмиграции/Сост., предисл. и коммент. В. Крейда. М., 1994. С. 354.

¹ К письму приложен следующий список: «А. Ремизов. Иллюстрированные рукописные издания: 1) “Ведьма-коща” — 7 стр. 1 рис[унок]; 2) “Зюзи-морозы” — 8 с., 1 р[исунок]; 3) “Купина-лупина” — 7 с., 1 р[исунок]; 4) “Листин-слепышка” — 7 с., 1 р[исунок]; 5) “Листотряс” — 7 с., 1 р[исунок]; 6) “Доможил-домовой” — 9 с., 1 р[исунок]; 7) “Куринас” — 5 с., 1 р[исунок]; 8) “Медвежья колыбельная” — 7 с., 1 р[исунок]; 9) “Фейермэнхен” — 6 с., 1 р[исунок]; 10) “Факультатив” — 13 с., 4 р[исунка]; 11) “Кучерище” — 7 с., 1 р[исунок]; 12) “Менгир” — 7 с., 1 р[исунок]; 13) “Упырь” — 9 с., 1 р[исунок]; 14) “Водьяльник” — 6 с., 1 р[исунок]; 15) “О трех купцах” — 7 с., 1 р[исунок]; 16) “Волки бегут” — 6 с., 1 р[исунок]; 17) “Солнце и месяц” — 5 с., 1 р[исунок]; 18) то же; 19) “Под автомобилем” — 14 с., 8 р[исунков]; 20) “Нежить” — 8 с., 2 р[исунка]; Paris, 1932–1933» (UIUC. Pregel/Rudnev. Box 4).

² В 1931–1940-е гг. из-за трудностей с изданием своих книг Ремизов создал множество рукописных иллюстрированных альбомов в единственном экземпляре. Ср. в письме Ремизова В. В. Перемиловскому от 14 июля 1931 г.: «Поиски квартиры. Пришлось отложить до сентября. Очень все дорого. На ваш вопрос: когда послать — где напечатать? — думаю, и не знаю, что сказать. Знаю, что везде как-то через “своих” устраивают. Но я нигде не свой. Иногда проникаю в “Посл[едние] Новости” и в “Совр[еменные] Записки”. [...] Сейчас такое положение: чтобы издать книгу, надо внести деньги, иначе никакая фирма не соглашается, т[о] е[сть] дать 6–10.000 frs. За очень редким исключением так и издаются книги. У нас нет денег, и я перехожу в первобытное состояние, т[о] е[сть] в 1921 год. В Петербурге мы издавали свои книги в единственном экземпляре (к великому удовольствию библиофилов). Книга стоила 5.000 руб[лей], т[о] е[сть] 1 фунт хлеба. И я затеял издавать книги, как в 1921, в единственном экземпляре. Продать тут трудно. Но все равно, чтобы как-то заявить о своем существовании» (Русская литература. 1990. № 2. С. 215–216). Ср. также с текстом инскрипта Ремизова Н. В. Резниковой на книге «Образ Николая Чудотворца. Алатырь — камень русской веры» (Paris: YMCA-Press, 1931) от 21 марта 1954 г.: «С 1931 по 1949 моих книг вы не найдете. С этого года начало моей альбомной кропотли. Рукописными альбомами я продолжал свое ремесло — 18 лет. Каждый альбом, а я им счет потерял — 400? — мечта о книге» (Резникова Н. В. Огненная память. С. 93). Оригинальные рисунки Ремизова получили высокую оценку профессиональных художников: А. Бенуа, К. Сомова, Л. Бакста, М. Добужинского, С. Чехонина, Б. Кустодиева, А. Головина, И. Билибина, Л. Бруни, И. А. Пуни, Н. В. Зарецкого, Ю. П. Анненкова, П. Пикассо. См. запись в дневнике от 1 октября 1955 г.: «Мои рукописные альбомы встречены были добрым словом у французов: Пикассо, André Breton, Элюар, Jean Paulhan» (цит. по: *Кодрянская Н. Алексей Ремизов*. С. 288). Неоднократно рисунки Ремизова экспонировались: на выставке «Треугольник» (1910), затем в Берлине (1927), Париже (1932), Праге (1933) (см.: *Куковников В. [Ремизов А. М.] Рукописи и рисунки А. Ремизова // Числа. 1933. Кн. 9. С. 191–194; Куковников В. [Ремизов А. М.] Выставка рисунков писателей // ПН. 1933. 30 дек. № 4665*). В 1934 г. состоялась персональная выставка рисунков, рукописей, альбомов (до 1000 рис.) Ремизова в г. Моравска Тршебова в Чехии (см.: *Ремизов А. М. Рисунки писателей [1934] // НРС. 1954. 25 июля. № 15429*). Посмертные выставки графики Ремизова состоялись в 1985 г. в США (Mead Art Museum, Amherst; см.: *Images of Aleksej Remizov: Drawings and Handwritten and Illustrated Albums from the Thomas P. Whitney Collection*. [Amherst], 1985) и в 1992 г. в Петербурге (см.: *Волшебный мир Алексея Ремизова: Каталог выставки*. СПб., 1992). См. также: *Sharp J. Checklist of Works in the Exhibition // Images of Aleksei Remizov: Drawings and Handwritten and Illustrated Albums from the Thomas P. Whitney Collection*. [Amherst], 1985. P. 134–137. О рисунках Ремизова см.: *Slobin G. The Writer as Artist // Ibid. P. 13–23; Маркадэ И. Ремизовские письма // Aleksej Remizov: Approaches to a Protean Writer / Ed. G. Slobin. Columbus (Ohio), 1987. P. 121–134; Грачева А. Писец и изограф А. Ремизов // Волшебный мир Алексея Ремизова: Каталог выставки. СПб., 1992. С. 7–10; Молок Ю. По ту сторону умения и неумения: (О графических текстах Алексея Ремизова) // Алексей Ремизов: Исслед. и мат-лы. СПб., 1994. С. 151–156; Д’Амелия А. Неизданная книга «Мерлог»: Время и пространство в изобразительном и словесном творчестве А. М. Ремизова // Aleksej Remizov: Approaches to a Protean Writer. P. 141–166 (в Прилож. 2 (С. 161–166) — опубликован перечень рукописных альбомов с рисунками Ремизова — 260 наименований, 1932–1940). Еще один каталог графических альбомов (157 единиц) см.: *Рукописные иллюстрированные альбомы А. Ремизова // Новь: Сб. произведений и статей молодежи (Таллини). 1934. № 8*.*

55. Ремизов — Рудневой
Boulogne. 5 марта 1933 г.

5.III.1933

A. Remizof
 3 bis, av[enuе] Jean-Baptiste-Clément, Boulogne s[ur] Seine
 Дорогая Вера Ивановна,
 посылаю Вам два билета по 15 frs., о которых Вы говорили с Серафимой Павловной.
 Хочу просить Вас, напишите, чтобы деньги послали или Вам, или мне.
 Иначе будет путаница, если отдадут в кассу в Лютеции¹.
 Очень Вам благодарен.

Алексей Ремизов

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500 / 5).

¹ Обычно литературные вечера Ремизова проходили в зале гостиницы «Лютеция».

56. Ремизов — Рудневу
Paris. 18 марта 1933 г.

18.III.1933

Дорогой Вадим Викторович,
 будете идти мимо нашего дома, загляните.
 Л. С. Гавронской¹ я послал два билета, но ответа нет.
 Кланяюсь Вере Ивановне [Рудневой].

Алексей Ремизов

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500 / 5).

¹ О Л. С. Гавронской см.: Ред., примеч. 3 к п. 31.

57. Руднев — Ремизову
Paris. 16 октября 1933 г.

16.X.1933

Дорогой Алексей Михайлович!
 Пишу Вам с большой неуверенностью по адресу, данному мне М. И. Цветаевой¹.
 Дойдет ли?

Одна милая дама, московская б. именная «купчиха», просит меня передать
 Вам небольшую посылочку. Охотно занес бы сам, — но жду от Вас подтверждения —
 там ли, действительно Вы живете, вместе с этой «epicerie russe»².

Жду ответа. Преданный Вам

В. Руднев

Публикуется по автографу (Amherst Center. Remizov papers. Box 7. F. 2).

¹ Ремизов был крестным отцом сына М. Цветаевой Г. С. Эфрона (1925–1944).

² «Русский бакалейный магазин» (франц.).

58. Ремизов — Рудневу

Paris. 17 октября 1933 г.

17 X 1933

Дорогой Вадим Викторович,
нигде мы не живем, а скитаемся из отеля в отель¹. А сейчас Серафима Павловна больна, лежит. И совсем ей плохо. Просил Зеелера: обещал он достать деньги, а нет ответа.

«Rami» — 56, rue Poussin — сюда мы заходим, и это верный адрес, все передадут. Буду Вам очень благодарен, если, проходя, занесете и оставите для меня.

Кланяюсь Вере Ивановне [Рудневой].

А. Ремизов

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500 / 3).

¹ В этой связи см. рассказ Ремизова в записи Н. В. Кодрянской: «С булонской квартиры нас выгнали, а выехать мы не могли: надо было уплатить налог. Денег не было... И началось лето без квартиры, со случайными пристанищами. К кому я только не обращался, прося денег! Кое-как с чемоданами удалось перебраться на океан [в Бретань], там прожили лето в долг и к первому октября вернулись, но не в Булонь, а в Париж. Нашлась квартира на улице Буало» (Кодрянская Н. В. Алексей Ремизов. С. 63).

59. Руднев — Ремизову

Paris. 20 октября 1933 г.

20.X.

Дорогой Алексей Михайлович!

Боюсь, что от «посылочки» Вы ожидаете и больше и более для Вас существенного. А это всего лишь банка какао, — известная уже Вам Л. С. Гавронская [через] мое посредство рассылает нескольким «людям па[кеты] [часть текста утрачена] эти пакеты из полученного ею с фабрики зап[аса].

Сейчас уезжаю на две недели в деревню. Вели[те] тормозить Зеелера.

Мои и Веры Ивановны [Рудневой] приветы Вам и Серафиме Павловне.

Ваш В. Руднев

Публикуется по автографу (Amherst Center. Remizov papers. Box 7. F. 2). Год установлен по содержанию. Правая сторона листа, выступающая за края тетради, обтрепалась так, что часть слов прочитать невозможно.

60. Ремизов — Рудневу
Paris. 23 октября 1933 г.

23 X 1933

Дорогой Вадим Викторович,
 спасибо за чай и какао — передайте мою благодарность Л. С. Гавронской.
 Если надо, я ей напишу крючками (рыбными).
 От В. Ф. Зеелера получил 1000 фр., к[отор]ые отдам ему после моего вечера весной 1934 г.¹ (если доживем).
 Запишите новый адрес: 7, rue Voileau, Paris XVI, 2 étage à droite².
 (М. В. Вишняк знает эту квартиру, мы его встретили однажды и спрашивали³.)
 Оба кланяемся Вере Ивановне [Рудневой] и Вам.

А. Ремизов

«С[овременные] з[аписки]» получил.

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500 / 3).

¹ См. п. 62.² второй этаж направо (франц.).

³ Ремизовы переехали на улицу Буало (дом 7) 15 октября 1933 г. Эта квартира описана в книге «Учитель музыки» (ч. 6, гл. III — «Трактирные обои»): «Квартира блестящая — трактирные обои — на дверях зеленая наклейка: “висит зеленое и поет”, не надо и консержку беспокоить» (Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 9. С. 407).

61. Руднев — Ремизову
Paris. 1933 г. [?]

Дорогой Алексей Михайлович!
 Этот пакет для передачи Вам привез из Женевы Авксентьев, — ничего больше по поводу него не знаю.

Ваш В. Руднев

Публикуется по автографу (Amherst Center. Remizov papers. Box 7. F. 2). Датируется предположительно по местонахождению в архиве.

62. Ремизов — М. А. Вишняк
Paris. 24 марта 1934 г.

Марии Абрамовне Вишняк

24 III 1934

Алексей Ремизов
 Salle du foyer de la musique russe, 26, av[enue] de Tokio¹

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 116). Рукописный пригласительный билет на вечер Ремизова с наклейкой. Сохранился аналогичный пригласительный билет на имя М. В. Вишняка.

¹ См.: Хроника. Франция. Т. 2. С. 546–547.

63. Ремизов — Рудневу

Paris. 28 июля 1934 г.

28 VII 1934. 7, rue Boileau, Paris XVI

Дорогой Вадим Викторович,
адрес Шестова¹ прошлогодний:

L. Chestov, Hôtel Palais-Royal, Châtel Guyon (Puy-de-Dôme).

Но он всегда ездит в Châtel Guyon, и там его знают².

Алексей Ремизов

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500 / 4). Почтовая открытка с видом Andechs (монастырь с пивоварней); адрес получателя: «Monsieur W. Roudneff, 51, rue Georges Sorel, Boulogne s[ur] Seine»; почт. шт.: «Paris, 28.7.1934».

¹ О Л. И. Шестове см. публикацию в наст. изд. Ближайший друг Ремизова. О нем Ремизов написал некрологический мемуарный очерк «Памяти Льва Шестова» (ПН. 1938. 24 нояб. № 6451), который был включен в книгу «Учитель музыки». Шестов был частым персонажем мемуарной прозы Ремизова, объектом его шутивных мистификаций: «Во всех моих “комедиях” Шестов играл неизменно главную роль, да и в нашей литературной “горькой” участи было похоже: оба мы были “без пристанища” — с неизменным редакционным отзывом “не подходит” или деликатно сказанным “нет места” или обнадеживающим безнадежным “в следующий раз”» (Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 9. С. 433). См., например: Ремизов А. М. Шиш еловый // Числа. 1933. № 9. С. 61–65 (гл. «У Льва Шестова»). Ремизов посвятил Шестову свой сон (см.: Ремизов А. М. Мои сны // Звено. 1925. 26 окт. № 143; *Pyman A. Petersburg Dreams* // Aleksej Remizov: Approaches to a Protean Writer. Columbus (Ohio), 1987. P. 60–68). См. также: Переписка Л. И. Шестова с А. М. Ремизовым / Вступ. заметка, подгот. текста и примеч. И. Ф. Даниловой и А. А. Данилевского // Русская литература. 1992. № 2. С. 133–169; № 3. С. 158–197; № 4. С. 92–133; 1993. № 1. С. 170–181; № 3. С. 130–140; № 4. С. 147–158; 1994. № 1. С. 159–174; № 2. С. 136–185. См. также: Данилевский А. А. М. Ремизов и Лев Шестов: (Статья первая) // Учен. зап. Тарт. ун-та. 1990. Вып. 883. С. 139–156; Сёке К. «Апофеоз беспочвенности»: Лев Шестов и Алексей Ремизов // Сёке К. Судьба без судьбы: Проблемы поэтики Алексея Ремизова. Budapest, 2006. С. 61–75.

² В этой связи см. в хронике жизни Л. И. Шестова, подготовленной его дочерью: «(7 июля — 22 сент. [1924 г.]). Живет в Шатель-Гуйоне, где его жена с 1923 г. имеет практику по медицинскому массажу. (Начиная с этого лета, Шестов будет каждый год ездить на летний отдых в Шатель)» (*Баранова-Шестова Н. Жизнь Льва Шестова. Т. 2. С. 261*).

64. Фондаминский и Зензинов — Ремизову

Paris. 1 октября 1935 г.

Париж, 1 октября 1935

Дорогой Алексей Михайлович,
мы очень просим Вас и Серафиму Павловну придти на лекцию К. Н. Давыдова¹ о Палестине в эту субботу, 5 октября. Это будет очень интересно Вам, а вместе с тем Вы окажете большую услугу «Современным запискам», ибо для успеха наших вечеров необходимо присутствие всех наших литературных знаменитостей. Надеемся, что Вы не откажете нам в этой просьбе и что в эту субботу мы увидимся².

Шлем сердечный привет Вам и Серафиме Павловне.

Ваш И. Фондаминский
В. Зензинов

Публикуется по автографу (Amherst Center. Remizov papers. Box 7. F. 4).

¹ Давыдов Константин Николаевич (1877–1960, Париж), зоолог-эмбриолог. В эмиграции с 1922 г. В 1928–1935 гг. шесть лет проработал в тропиках: руководил лабораторией морской биологии французского Океанографического института в Кауда близ Ня-Транга (Индокитай). В начале 1935 г. с семьей вернулся через Египет и Палестину в Париж. С 1949 г. — член-корреспондент Парижской академии наук. См.: *Ульянкина Т.* Давыдов // Золотая книга эмиграции. С. 207–209. Дважды печатался в РЗ (1937. № 1 и № 2).

² См. отчет М. А. Осоргина «Вечера “Современных записок”. К. Н. Давыдов о Палестине» (ПН. 1935. 8 окт. № 5311; подпись: «Мих. Ос.»).

65. Руднев — Ремизову *Paris. 2 октября 1935 г.*

2 X 1935

Дорогой Алексей Михайлович!

У меня случайно оказались разные теплые мужские вещи, комнатные [?], хорошего качества. Пригодились ли бы они Вам?

Черкните слово. Если да — то занесу на днях.

Жму руку и кланяюсь Серафиме Павловне.

Ваш В. Руднев

Публикуется по автографу (Amherst Center. Remizov papers. Box 7. F. 4). Письмо на бланке журнала «Современные записки».

66. Ремизов — Рудневу *Paris. 6 ноября 1935 г.*

6 XI 1935

Дорогой Вадим Викторович,
буду Вам очень благодарен.

Буду ждать Вас. И одно прошу, не утром.

Конец недели с 5-ти дома.

Оба кланяемся Вере Ивановне [Рудневой] и Вам.

А. Ремизов

Публикуется по автографу (PAL. MS. 1500 / 8). Почтовая открытка; адрес получателя: «Monsieur W. Roudneff, Annales Contemporaines, 6, rue Daviel, Paris XIII»; адрес отправителя: «A. Remizoff, 7, rue Voileau, Paris [XV]I»; почт. шт.: «Paris, 6.11.1935».

67. Ремизов — Рудневу
Paris. 11 ноября 1935 г.

11 XI 1935. 7, rue Voileau, XVI

Дорогой Вадим Викторович,
за все благодарю Вас.

И за мёд (чудесный!), и за лапки с мордочкой — они первые попались! — и за все принадлежности: обрежусь и выйду за молоком крещеный народ пугать бесстрашно и без опаски (у меня летучий ревматизм, и я как переломанный).

Но сейчас под звон в Эглиз д'Отой¹ такое солнце, и рядиться придется подождать.

От обоих нас поклон Вере Ивановне [Рудневой] и Вам.

А. Ремизов

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500 / 8).

¹ Церковь Eglise d'Auteuil (L'église Notre-Dame-d'Auteuil). Строительство церкви было начато в 1319 г., в 1877–1892 гг. здание было перестроено в римско-византийском стиле архитектором Э. Водремером (Emile Vaudremer). Находится в конце улицы Отей (rue d'Auteuil), недалеко от улицы Буало (rue Voileau), на которой с 1933 г. жил Ремизов. См. в «Учителе музыки»: «Редкое утро [...] в дождик и ясную погоду, сезоном не стесняются, к задрапированному черным с серебром входу в Эглиз д-Отой под бледный звон колокола, мерно окликающего не рукой звонаря, а электрической кнопкой, подкатывает автомобиль» (Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 9. С. 378); «И я вдруг вспомнил, что однажды я уже видел этих женщин, и так же они что-то говорили, занятые своим, и это было в такой же поздний час — на Эглиз-Дотой пробило полночь» (Там же. С. 401); «“индустриальная подкова”, ее нашел Корнетов в день переезда на мостовой у церкви — Эглиз-Дотой» (Там же. С. 118); «Опускающийся Париж. Мне это на руку, не так страшно переходить улицы. У остановки автобуса около Эглиз д'Отой я заметил Ивана Федоровича» (Там же. С. 424). Ср. запись в дневнике (21 марта 1948 г.): «Проснувшись, за кофеем — на Eglise d'Auteuil звонят по вербному (Rameaux) полдень» (Кодрянская Н. Алексей Ремизов. С. 207).

68. Руднев — Ремизову
Paris. 29 ноября 1935 г.

Пятница.

Дорогой Алексей Михайлович!

В газете читал о каком-то Вашем новом рассказе — кажется, называющемся «Шпонька в эмиграции»¹ или что-то в этом роде — который Вы читали у себя на вечере².

Если дело идет о законченном целом рассказе, м. б., Вы дали бы его в «Совр[еменные] записки»? Не этот, так другой, если у Вас таковой имеется.

Сейчас уезжаю на 3 дня в деревню, надеюсь по возвращении получить от Вас ответ и тогда, если понадобится бы, готов зайти переговорить.

Жму руку. Преданный Вам

В. Руднев

Публикуется по автографу (Amherst Center. Remizov papers. Box 7. F. 4). Датируется по содержанию следующего письма.

¹ Речь идет о будущей публикации: *Ремизов А. М.* Болтун: [Рассказ] // СЗ. 1936. № 61. С. 114–136 (прозвище главного героя — Ивана Федоровича Алатина). Рассказ вошел затем в книгу «Учитель музыки» (см.: *Ремизов А. М.* Собр. соч. Т. 9. С. 415–433).

² Ср.: «23 ноября в частном доме состоялся закрытый вечер чтения А. М. Ремизова [...] Новый рассказ Ремизова — “Судьба Ивана Федоровича Шпоньки”» // Возрождение. 1935. 28 нояб. № 3830. С. 4.

69. Ремизов — Рудневу

Paris. 1 декабря 1935 г.

I XII 1935

A. Remizov, 7, rue Voileau, XVI, 2 étage

зеленая наклейка: «висит зеленое и поет»¹

Дорогой Вадим Викторович,

если Вам удобно, приходите в пятницу — 6-го, часов в 9-ть вечера.

Серафима Павловна нездорова, верю и надеюсь, что к пятнице подыметесь — вольный воздух — и волю вдохнет.

Кланяюсь Вере Ивановне [Рудневой].

А. Ремизов

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500 / 8).

¹ Нарисована дверь со звонком.

70. Фондаминский — Ремизову

Paris. 10 декабря 1935 г.

Париж, 10 декабря 1935

Дорогой Алексей Михайлович,

произошло досадное недоразумение, — в посланном Вам письме не оказалось номера дома, и письмо мое с приглашением на вечер М. А. Алданова¹ Вам и Серафиме Павловне вернулось ко мне обратно. Спешу Вам об этом сообщить, чтобы Вы не подумали, что на этот раз я о Вас забыл: Вы и Серафима Павловна числитесь у нас в твердом списке приглашаемых.

Примите и передайте Серафиме Павловне мои самые сердечные приветы.

Ваш И. Фондаминский

Публикуется по автографу (Amherst Center. Remizov papers. Box 7. F. 4).

¹ Речь идет о Третьем вечере «Современных записок», состоявшемся 7 декабря 1935 г.; на вечере М. А. Алданов выступил с чтением произведения «Жизнь графа д'Антрега». См.: Хроника. Франция. Т. 3. С. 120.

71. Руднев — Ремизову

Paris. 21 января 1936 г.

21.I.1935 [так!]

Дорогой Алексей Михайлович!

Мы расстались с Вами на том, что Вы перепишите «Шпоньку»¹ и пришлете мне, чтобы я мог перечесть рассказ, свободный от магии Вашего чтения.

Рукописи до сих пор нет, — не раздумали ли?

Правда, в 60-ю книжку рассказ Ваш может и не попасть уже, но не в эту, так в следующую книгу, не «Шпоньку», так другой какой-либо рассказ Ваш мне хотелось бы поместить.

Не забудьте и про стихотворение Вл. Соловьева, с комментариями...²

Жму руку.

Ваш В. Руднев

Публикуется по автографу (Amherst Center. Remizov papers. Box 7. F. 5). Год установлен по содержанию. На бланке журнала «Современные записки». В архиве Руднева сохранился недатированный черновик (РАЛ. MS. 1500/5).

¹ См. примеч. 1 к п. 68.

² См.: Ремизов А. М. Философская натура: Владимир Соловьев — жених // СЗ. 1938. № 66. С. 193–204.

72. Ремизов — Рудневу

Paris. 22 января 1936 г.

22 I 1936. A. Remizoff, 7, rue Voileau, XVI

Дорогой Вадим Викторович,

«мы расстались с Вами на том, что Вы перепишите “Шпоньку”¹ и пришлете мне.

Рукописи до сих пор нет, — не раздумали ли?

Правда, в 60-ю книжку рассказ Ваш может и не попасть уже».

Вы были у нас на здешнего Николу² (6 XII 1935).^{*)} Обещали *зайти к нам* к здешнему Рождеству (25 XII 1935).

К 25-му рукопись у меня была готова. Но Вы не пришли, и я был уверен, что *Вы раздумали*.

Не знаю, как мне поступить? Рукопись лежит³. Жду Вас. Известите. (Удобнее вечером).

А. Ремизов

^{*)} Я веду графический дневник: кроме рисунков (портреты, встречи, сны), слова. Кроме того, мы были втроем; после 6-го Серафима Павловна не раз напоминала мне, что я должен переписать к 25-му. *И Вас ждал*. У меня была надежда (мой неисправимый грех), что Вы к нашему Рождеству дадите положительный ответ и денег — 200 frs (почему-то такая сумма) аванс.

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500 / 8).

¹ См. примеч. 1 к п. 68.

² Живя в эмиграции, Ремизов обычно обозначал даты церковных праздников по старому стилю (по юлианскому календарю). В данном случае он оговаривает, что речь идет о дне памяти св. Николая по григорианскому календарю.

³ Нарисован ряд горящих свечей.

73. Руднев — Ремизову *Paris. 24 января 1936 г.*

24.I.1936.

Дорогой Алексей Михайлович,
раз Вы так уверенно помните, что обещал *зайти*, стало быть, так и было, и лишь моя голова, сейчас забитая тысячью забот и дел, подменила, «сублимировала» трудное «зайти» более легким «пришлет А[лексей] М[ихайлович]».

Но сейчас, в сознании и твердой памяти, говорю: *пришлите*, а то не знаю, когда смогу сам зайти — невероятно занят. Шансов маловато попасть в 60-й том, но лучше теперь же прочесть и принять принципиальное решение¹.

Жму руку.

Ваш В. Руднев

P.S. Если не охота тратиться на почту, — м. б., занесете неподалеку, к Вишняку, *для меня*: 66, Chardon Lagache, rez-de-chaussée², прямо. Как Вам удобно.

Публикуется по автографу (Amherst Center. Remizov papers. Box 7. F. 5). На бланке журнала «Современные записки».

¹ См. примеч. 1 к п. 68.

² первый (нижний) этаж (франц.).

74. Ремизов — Рудневу *Paris. 25 января 1936 г.*

25 I 1936, суббота

Дорогой Вадим Викторович,
посылаю рукопись зак[азной] банд[еролью]. Вы ее получите 27-го в понедельник. Хотел бы знать Ваше принципиальное решение через неделю 3-го февраля.

Если не подходит или может попасть в 61 книгу,^{*)} прошу Вас, верните мне рукопись зак[азной] бан[деролью]**) «manuscrit pour l'impression¹⁾» (это будет стоить, как imprimé²⁾; розовый листок).

А. Ремизов

^{*)} Вы мне скажете, когда доставить Вам рукопись. А сейчас на лёжь не могу оставить: необходимо иметь экземпляр для перевода³⁾.

^{**)} только не оставляйте пакет у *консьержки*: у меня пропали 5 рукописей.

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500 / 5).

¹⁾ рукопись для печати (франц.).

² «напечатанное», печатное издание (франц.).

³ В 61-й книге СЗ был напечатан рассказ Ремизова «Болтун». Перевод этого рассказа на иностранный язык неизвестен.

75. Руднев — Ремизову

Paris. 1 февраля 1936 г.

1 II 1936

Дорогой Алексей Михайлович!

Получил рукопись «Болтуна» — спасибо. Прочел «про себя» и прошу Вас считать рассказ принятым в «Совр[еменные] зап[иски]».

В ближайший, 60-й номер рассказ однако уже не может попасть, — останется до 61-го¹.

Готов серьезность своих настроений (выпустить во что бы то ни стало 61-ю книгу) подтвердить предложением Вам небольшого аванса, фр. 100–200, когда такой Вам в Вашем семейном бюджете понадобится.

Рукопись верну Вам — на время до начала марта — на днях.

Будьте здоровы и благополучны.

Ваш В. Руднев

Публикуется по автографу (Amherst Center. Remizov papers. Box 7. F. 5). На бланке журнала «Современные записки».

¹ См. примеч. 1 к п. 68.

76. Ремизов — Рудневу

Paris. 3 февраля 1936 г.

3 II 1936

A. Remizoff, 7, rue Voileau, Paris XVI

Дорогой Вадим Викторович,

буду Вам очень благодарен: дайте 200 frs.

Наше горе: долги. И когда подходят сроки — а сейчас срок 10 марта, в голове паутина: откуда и как достать денег?

А. Ремизов

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500 / 5).

77. Руднев — Ремизову

Paris. Конец февраля — начало марта 1936 г.

Дорогой Алексей Михайлович,

извините, что не захожу сам: болел самой вульгарной болезнью — каторжно болит зуб, называется флюс — *хоть на стену лезь!*

Зайду позже, — а пока оставят по моей просьбе пакет у консьержки.
Кланяюсь Серафиме Павловне.

Ваш В. Руднев

Публикуется по автографу (Amherst Center. Remizov papers. Box 7. F. 4). Датируется по содержанию следующего письма.

78. Руднев — Ремизову *Paris. 8 марта 1936 г.*

8. III.

Дорогой Алексей Михайлович!

Пора думать о наборе 61-й книжки «Совр[еменных] зап[исок]» Пожалуйста, доставьте каким-либо путем мне Вашу рукопись. Сам я вот уже неделю болен, мучаюсь после неудачно вырванного зуба.

Вы, конечно, получили № 60 «С[овременных] з[аписок]». Интересно бы знать Ваше впечатление.

В частности «старики»-писатели готовы меня разорвать на клочки за то, что напечатал статью Газданова¹ об эмигрантской литературе². Вы тоже так же это воспринимаете³?

Как со стихотворением и портретом Соловьева, с комментариями⁴?

Жму руку, кланяюсь Серафиме Павловне.

Ваш Руднев

Публикуется по автографу (Amherst Center. Remizov papers. Box 7. F. 5). Год установлен по содержанию. Письмо на бланке журнала «Современные записки».

¹ О Гайто Газданове см. публикацию в т. 3 наст. изд. См. также мемуарный очерк Газданова о встречах с Ремизовым: *Газданов Г. О Ремизове: Из беседы на радиостанции «Свобода»*, 1971 г. // Ремизов А., Зайцев Б. Проза. М., 1997. С. 569–574.

² См.: *Газданов Г. О молодой эмигрантской литературе* // СЗ. 1936. № 60. С. 407–408 (перепеч.: *Российский литературоведческий журнал*. М., 1993. № 2. С. 159–163).

³ О полемике в эмигрантской печати вокруг статьи Газданова см. т. 2 наст. изд. (письма Адамовича, примеч. 1 к п. 19).

⁴ См.: *Ремизов А. М. Философская натура: Владимир Соловьев — жених* // СЗ. 1938. № 66. С. 193–204. Републикацию очерка Ремизова см.: *Вл. С. Соловьев: Pro et contra. Личность и творчество Вл. Соловьева в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология* / Сост., вступ. ст. и примеч. В. Ф. Бойкова. СПб., 2000. Т. 1. С. 504–513.

79. Ремизов — Рудневу *Paris. 9 марта 1936 г.*

9 III 1936

A. Remizoff, 7, rue Voileau, Paris XVI

Дорогой Вадим Викторович,
сегодня послал Вам заказн[ой] банд[еролью] «Болтуна».

О Соловьеве — есть и карточка чудесная, дайте минутку¹. Сижу, билеты делаю для моего общедоступного вечера и о программе раздумываю. И как раз вчера еще, раздумывая об одной из заметок (литературных) о моем вечере в «П[оследних] н[овостях]»², я поминал Газданова. Газданов несмело (но большего с него и требовать нельзя) подошел к самой сердцевине современного литературного вопроса. «Провинциализм»³. Самым ярким примером этого провинциализма может служить советская литература. (Это почувствовал Горький и заругался⁴, только Горький, как и Газданов, не могут найти слова: в чем же дело? Ведь на ¾, а может и побольше, и француз[ская] соврем[енная] литература глубоко провинциальна, само собой и здешняя русская).

Нет мифотворчества. Нет легенды.

А без мифа и легенды будут одни какие-то Козлоки⁵, адюльтеры, XVI аррондисман⁶, люди из Пасси⁷, из Читы, Чернигова, Москвы и т. п.

Отсутствие мифотворчества всеобщее явление. А в России, где, как теперь официально заявляется, 17–18 лет творилось безобразие, в России самые корни «сказочные» вытравлены, самый орган мифотворчества отсутствует, ведь там пресурьёзно могут говорить, что «сказка умерла». Так всякая тайна, всякий символ легко обращается в яснейшую пошлость.

Вот мой Вам ответ. И как видите, ни к какому «разрыву» я не расположен. И Вы хорошо сделали, что напечатали. И обидного ничего нет. «Обидчивость», я заметил, здешний порок, и надо ждать даже там, где и повода нет.

Оба кланяемся Вере Ивановне [Рудневой] и Вам.

А. Ремизов

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500 / 8).

¹ См. примеч. 4 к п. 78. На первой странице очерка Ремизова (С. 193) помещена фотография молодого В. С. Соловьева: «Владимир Сергеевич Соловьев (1871 г.)»; на С. 195 — фотография: «Вл. Соловьев и Е[катерина] В[ладимировна] Романова» (обе фотографии с примечанием: «Воспроизводится впервые»).

² Речь о заметке: «После двухлетнего перерыва А. Ремизов выступит со своим чтением во вторник, 31 марта, на вечере в зале “Социального музея”, 5, рю Лас-Каз. Будет читать легенды, сказки и полусказки из “живой жизни”, и, как на прошлых вечерах, из Гоголя и впервые из Салтыкова» (*Д. п.*) Чтение А. Ремизова // ПН. 1936. 8 марта. № 5463. С. 4).

³ Рассуждения Ремизова о «провинциализме» корреспондируют со статьей Газданова «О молодой эмигрантской литературе» (СЗ. 1936. № 60. С. 407–408). Подробнее см. во вступ. ст.

⁴ В статье «О прозе» (опубл.: Литературная учеба. 1933. № 1) Горький выступал против злоупотребления «местными речениями», свойственного советским писателям (Б. Пильняку, Ф. Гладкову, Ф. Панферову и др.): «“Местные речения”, “провинциализмы” очень редко обогащают литературный язык, чаще засоряют его, вводя нехарактерные, непонятные слова. [...] Пристрастие к провинциализмам, к местным речениям также мешает ясности изображения, как затрудняет нашего читателя втыкание в русскую фразу иностранных слов» (*Горький М.* Собр. соч.: В 30 т. М., 1953. Т. 26. С. 403–404).

⁵ Иван Козлок — один из персонажей книги Ремизова «Учитель музыки». См.: «Козлок или Басаврюк, Опошнянская дорога близ Диканьки или блестящий, блистающий Париж, сто лет назад в гоголевский вечер накануне Ивана Купала, или на Московскую Татьяну, праздную наперекор в Париже, и разве человек изменяется и за вековой срок изменился? — все те же деньги-деньги-деньги — застывшая блистающая кровь — эти червонцы, превращающиеся в битые черепки, а обладатель в пепел, все то же колдовство — через ту же

кровь — все те же страхи — бараньи головы с бledящими глазами, и чарка, кланяющаяся в пояс, и сама дижа с тестом, по-старому вдруг выпрыгнув из рук, подбоченившись, смотрите! как важно пустилась в присядку, а вечера, когда что-то стучит в крышу и царапается по стене или эти мои, иглами пронизанные, ночи с жалобным воем — страхи, диковинки и чуда, и все то же легковерие и тот же вздор! Козлок, идя по следам Балдахала, не пропустил никого из знакомых. Рассевшись и уставившись по-басаврючи, ошарашивал он с первого слова:

— Почему бы вам не поехать в Россию?

Понимал ли он, что своим вопросом он надрывает душу, или ему доставляло удовольствие смотреть, как корчится перед ним человек, который никогда не порвет с Россией, но и не вернется и предпочтет каторгу на чужбине, потому что — как говорит Венявкин, “чувствовать себя на своей родине пришельцем”, это больше чем каторга, это — проклятие» (Т. 9. С. 395–396). В книге «Учитель музыки» Козлок выступает в роли разносчика слухов, авантюриста и провокатора. А в книге «Мышкина дудочка» (1953) собирательное имя «Козлоки» обозначает случайных гостей или знакомых (Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 10. С. 11).

⁶ XVI аррондисман Парижа — район компактного проживания русских эмигрантов в 1920-е — 1930-е гг. В этом же районе с 1933 г. жил Ремизов.

⁷ Пасси — район Парижа, в котором жили многие русские эмигранты. Весьма возможен также намек на публиковавшийся в СЗ роман Б. К. Зайцева «Дом в Пасси» (см.: Зайцев Б. К. Дом в Пасси: Роман // СЗ. 1933–1934. № 51–54. См. также: Цетлин М. О. [Рец. на кн.:] Зайцев Б. К. Дом в Пасси: Роман. Берлин: Парабола, 1935 // СЗ. 1935. № 59. С. 473–475).

80. Руднев — Ремизову *Paris. 19 апреля 1936 г.*

19.IV.1936.

Дорогой Алексей Михайлович!

Получил своевременно корректуру авторскую Вашего «Болтуна»¹ и за нее благодарю. Одно меня в ней смущает: Вы не заметили скромно мною поставленного на полях ? против места, где Вы сопоставляете двух «энтузиастов», — «Шпоньку» и... М. М. Федорова².

Ужасно не любят, уверяю Вас, наши живые современники и добрые знакомые, чтобы их трогали в порядке беллетристическом³. И главное, по совести, не могу им отказать в их праве быть оставленными в покое: что могла бы сказать в свое оправдание редакция?

Вывод: разрешите убрать эти 4 строки, дорогой Алексей Михайлович⁴!

Собираюсь на днях зайти к Вам. Преданный Вам

В. Руднев

Публикуется по автографу (Amherst Center. Remizov papers. Box 7. F. 5).

¹ См.: Ремизов А. М. Болтун: [Рассказ] // СЗ. 1936. № 61. С. 114–136.

² В окончательном тексте рассказа, напечатанном в СЗ, Ремизов заменил М. М. Федорова на В. С. Куковникова: «Если сравнивать его с зарубежными энтузиастами, его можно было бы сравнить с В. С. Куковниковым, только Василий Семеныч одержим “образованием”, Иван же Федорович — “погребением”» (СЗ. 1936. № 61. С. 123). Руднев подразумевает Федорова Михаила Михайловича (1858–1949), товарища министра торговли и промышленности (1903–1905), общественно-политического деятеля, члена ЦК партии кадетов, одного из руководителей «Национального центра» (1918), члена Особого совещания при ген. А. И. Деникине; эмигранта с 1920 г., члена Совета Российского финансово-

торгово-промышленного союза и др. общественных организаций. Возможно (но маловероятно), однако, что редактором СЗ подразумевается другой Михаил Михайлович Федоров (1904–1992) — филолог и общественно-политический деятель.

³ Аналогичный упрек прозвучал ранее в рецензии А. Бема на рассказ Ремизова «Индустриальная подкова»: «В заключение мне хотелось еще сказать об одном прорыве в рассказе Ремизова. Я имею в виду его манеру вводить в произведение частности кружковой писательской жизни, с упоминанием имен отдельных своих современников, почему-либо подвернувшихся ему под перо. На меня это всегда производило неприятное впечатление. А в данном рассказе, где все мелочи так прочно связаны с художественным целым, где каждое побочное упоминание органически входит в канву рассказа, это вторжение внехудожественного материала особенно досадно. Право, читателю нет никакого дела до “тростникового сахара, присылаемого Марком Слонимом из Праги” и уж наверно никому неизвестно, какой он сахар действительно употребляет в Париже: “простой матовый свекловичный” или “пражский тростниковый”. Можно только искренне пожелать, чтобы Ремизов, наконец, отказался от присвоенной себе привилегии увековечивания современников в своих произведениях. Славы современникам, им отмечаемым, он этим не прибавит, а своей, несомненно, этим только вредит» (*Бем А. Письма о литературе. «Индустриальная подкова» Алекс[ея] Ремизова // Руль. 1931. 13 авг. № 3256. С. 2*). Такое же замечание находим в рецензии Г. В. Адамовича на повесть Ремизова «Оля» (*Звено. 1927. 19 июня. № 229*): «В журнальных статьях и “мемуарах” Ремизов последнее время безо всякого повода рассказывает о своих знакомых, — все, что вспомнится, что было и чего не было. Иногда забавно, иногда и скучновато» (цит. по: *Адамович Г. В. Собр. соч.: Литературные беседы. Кн. 2 («Звено»: 1926–1928). СПб., 1998. С. 249*).

⁴ Ремизов заменил только имя персонажа (см. п. 81).

81. Ремизов — Рудневу

Paris. 21 апреля 1936 г.

21 IV 1936

A. Remizoff, 7, rue Voileau, Paris XVI

Дорогой Вадим Викторович,

или: вместо М. М. Федорова¹ поставьте В. С. Куковникова². А если этого мало и Вы хотите зачеркнуть 4 строки, то вместо них непременно надо поставить точек 5–6, чтобы показать, что что-то пропущено. Так делали в старину еще при М. Е. Салтыкове в беллетристике.

Всякое вычеркивание нарушает ритм:

Вашего «?» не заметил, иначе непременно исправил бы, т. е. вычеркнул бы Федорова, а возгnezдил бы нашего баснописца Василия Семеныча Куковникова.

А. Ремизов

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500 / 6).

¹ См. примеч. 2 к п. 80.

² Речь о рассказе Ремизова «Болтун» (СЗ. 1936. № 61. С. 114–136), среди персонажей которого — В. С. Куковников. Образ «баснописца» Куковникова автобиографичен, о чем Ремизов писал в гл. «Чинг-Чанг» книги «Учитель музыки»: «Я — и Корнетов и Полетаев и Балдахал-Тирбушон и Судок и Козлок и Куковников и Птицин и Петушков и Пытко-Пытковский и Курятников и, наконец, сам авантюристический африканский доктор. Все я и без меня никого нет. [...] Или, как выразился бы профессор математики Сушилов, тоже

один из героев идиллии: «Корнетов и его знакомые мои эманации, расчленение моей личности на несколько отражений моего духа» (Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 9. С. 437). Под псевдонимом В. С. Куковников Ремизов напечатал несколько своих текстов: «Рукописи и рисунки А. Ремизова» (см.: Числа. 1933. Кн. 9. С. 191–194), «Юнер» и «Ерлаш» (Руски архив. 1931. № 13), «Памяти Блока» (Сагирикон. 1931. № 18).

82. Руднев — Ремизову *Paris. После 10 марта 1937 г.*

Дорогой Алексей Михайлович!

Вы, кажется, близко знали теперь, увы, уже покойного Замятина¹. Не согласились ли бы Вы написать о нем кратко, хотя бы страницы 2–3, для выходящей вскорости книжки «Совр[еменных] зап[исок]»? Срок — до конца недели.

Откликнитесь, пожалуйста, можно ли на Вас рассчитывать?²

Привет Серафиме Павловне.

Ваш В. Руднев

P.S. Когда же Вы мне дадите прочесть «Авраама»³?

Публикуется по автографу (Amherst Center. Remizov papers. Box 7. F. 7). Датируется по содержанию. Письмо на бланке журнала «Современные записки».

¹ Е. И. Замятин умер в Париже 10 марта 1937 г. См.: [Б. н.] Скончался Е. И. Замятин // ПН. 1937. 11 марта. № 5830. С. 1; [Б. н.] Похороны Е. И. Замятина: [Объявление] // ПН. 1937. 12 марта. № 5831. С. 3; [Б. н.] Похороны Е. И. Замятина // ПН. 1937. 13 марта. № 5832. С. 4; В. Вечер памяти Е. И. Замятина // ПН. 1937. 29 апр. № 5879. С. 2.

² См.: Ремизов А. М. Стоять — негасимую свечу: Памяти Евгения Ивановича Замятина: 1884–1937 // СЗ. 1937. № 64. С. 424–430. «Негасимая свеча» — название поминального обряда у старообрядцев, о котором писал П. Мельников-Печерский в романе «В лесах»: «Под именем “канонниц”, или “читалок”, скитские артели отправляли в Москву и другие города молодых белиц к богатым единоверцам “стоять негасимую свечу”, то есть день и ночь читать псалтырь по покойникам, “на месте их преставления”, и учить грамоте малолетних детей в домах “христолюбивых благодетелей» (Мельников-Печерский П. Собр. соч.: В 8 т. М., 1976. Т. 4. С. 155). Ремизов высоко оценивал литературное мастерство Замятина, например, в книге «Ахру» (1921): «Е. И. Замятин “изуграф” — резчик слова — смиренный епископ обезьянский Замутый, в мире князь обезьяний Евг. Замятин и без кофеину взялся за сказки, рассказы, повести — и успел» (Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 7. С. 22). Высокую оценку Замятина находим и в рецензии Ремизова (1919) на пьесу «Огни св. Доминика»: «Евгений Замятин по праву занял место в петербургских литературных студиях учителя прозаического письма. Словом он владеет в совершенстве, любит и ценит слово, и ладит слова с большим искусством» (цит. по: Письма Е. И. Замятина А. М. Ремизову / Публ. В. В. Бузник // Русская литература. 1992. № 1. С. 177). В воспоминаниях В. Яновского есть такой эпизод: «После внезапной смерти Замятина Ремизов мне сообщил: “Вчера я видел во сне Евгения Иваныча... Нос у него совершенно сплюснутый, раздавленный и оттуда кровь капает. Я понял — это душа Замятина... Хрящ перебит, и густая, темная кровь течет. Понимаю: страдает очень, а помочь нельзя, поздно! Он сам искалечил себя ‘Блохой’ и тому подобным успехом”. Передаю по памяти, уверен, что среди бумаг Ремизова сохранилась соответствующая запись. Алексей Михайлович не забывал таких снов и не сжигал своих блокнотов» (Яновский В. С. Поля Елисейские: Книга памяти. СПб., 1993. С. 191). Ср. в некрологе Ремизова «Стоять — негасимую свечу»: «я понял, что это она — с переломанным носом и торчащей,

как лапа, рукой, с болью смотрящая на меня... душа Замятина [...] И мне было трепетно смотреть на нее» (СЗ. 1937. № 64. С. 426). О влиянии Ремизова на творчество Замятина см.: *Грачева А.* Алексей Ремизов – читатель романа Е. Замятина «Мы» // Творческое наследие Евгения Замятина. Тамбов, 1997. Кн. 5. С. 6–21.

³ Легенда Ремизова «Авраам» была напечатана в кн.: *Ремизов А. М.* Трава-мурава: Сказ и величание. Берлин: С. Ефрон, 1922 (перепеч.: НРС. 1956. 12 февр. № 15569).

83. Авксентьев — Ремизову

Paris. 21 марта 1937 г.

21 марта 1937 г.

Глубокоуважаемый Алексей Михайлович,
Я, конечно, с большим удовольствием дам Вашей супруге и Вам необходимое письмо представителю Оффиса во Франции, г-ну М. Палу, с просьбой об освобождении Вас обоих от нансеновского сбора при получении *carte d'identité*¹.

Крепко жму Вашу руку. Искренне Вас уважающий

Н. Авксентьев

Публикуется по автографу (Amherst Center. Remizov papers. Box 7. F. 7). Письмо на бланке: «Comité des Zemstvos et villes Russes de secours aux citoyens russes a l'étranger. 6, rue Daviel. Paris XIIIe».

¹ удостоверение личности (франц.). Н. Кодрянская приводит анекдотическую (и характерную для Ремизова) историю о получении им *carte d'identité*: «Вспоминаю, как Алексей Михайлович ходил в префектуру подавать прошение о возобновлении картдиантите. В то время в префектуре приходилось простаивать в очередях часами, иногда и по два дня. Когда Алексей Михайлович собрался пойти, было очень холодно, и он оделся не совсем обычно: поверх пальто закутался в длинную красную женскую шаль, перевязав ее на груди, как это делают бабы, крест-накрест; на голову надел еще вывезенную из России странной формы высокую суконную шапку, опушенную мехом. Сгорбленный, маленький, в очках, с лохматými, торчащими вверх бровями, в невероятно больших калошах, зашагал в префектуру. В руках нес прошение на гербовой бумаге, распisanное им самим и разукрашенное самыми разными заставками и закорючками: без сомнения, самый удивительный документ, когда-либо поданный в парижскую префектуру. При виде такого необычного просителя ряды разомкнулись, и Ремизов без задержки прошел в здание. Чиновники, конечно, тоже сразу обратили внимание на него и на его прошение, один подозвал его вне очереди. Алексей Михайлович потом, посмеиваясь, рассказывал: “Чиновник оказался большим любителем ‘каллиграфии’ и пришел в восторг от моего прошения”. Оно обошло всю префектуру, и Алексей Михайлович тут же, без проволоочки, получил свое удостоверение, что обычно так легко не делалось» (*Кодрянская Н.* Алексей Ремизов. С. 15–16).

84. Руднев — Ремизову

Paris. 7 июля 1937 г.

7.VII.1937

Дорогой Алексей Михайлович!

Откликнитесь, пожалуйста, как у Вас со статьей о Замятине¹: подвигается, будет готова к концу месяца? Предпочел бы *небольшую* по размерам заметку.

О Соловьеве — для следующей книжки².

Клянюсь Серафиме Павловне. Преданный Вам

В. Руднев

Публикуется по автографу (Amherst Center. Remizov papers. Box 7. F. 8).

¹ См. примеч. 2 к п. 82.

² См.: Ремизов А. М. Философская натура: Владимир Соловьев — жених // СЗ. 1938. № 66. С. 193–204.

85. Руднев — Ремизову

Paris. 26 июля 1937 г.

Понедельник, 25 VII¹

Дорогой Алексей Михайлович!

Вашу памятку о Замятине прочел тотчас же². Представляю, как трудно было Вам писать, чтобы не уклониться от объективности и не задеть его вдову. Думаю, что Вам удалось пройти по краюшку. Одно, показалось мне, могло бы справедливо задеть г-жу Замятину³, и это место не относится к литературной оценке. Это в начале, когда «в сумерках» Вам сказали, что произошла большая *неприятность*⁴. Трудно смерть чью-то назвать «неприятностью»; а смерть близкого человека, для жены, конечно, катастрофа космическая, как для верующего распятие Христа. Это слово «неприятность» как-то режет слух, особенно в столкновении у Вас *смерти З[амятина]* [нрзб] Годом. Проверьте, пожалуйста, это восприятие человека, не являющегося поклонником З[амятина]. (Рассказы его, кажется, Вы мне дали, поистине ничтожные потуги на зощенковскую легкость. Если бы мне прислал кто-нибудь из молодых сотрудников такие вещи, я бы ему вернул. Но — все же — какую из 3-х вещей Вы считаете все же наименее слабой? Не «Лев»⁵, конечно. «Часы»⁶ или «Встреча»⁷? Пожалуй, все же «Встреча».)

Относительно «Письма к Сталину»⁸ прихожу к мысли, что лучше всего напечатать *отдельно* от Вашего очерка, как «документ» эпохи⁹.

Впечатление от письма было бы куда сильнее — если бы не досадная мысль: *объективно* вещи Замятина были плохи и можно ли целиком их отвержение отнести за счет «преследований»?

На Вас лежит дипломатическая задача поставить в известность M[ada]me Замятину относительно возможного появления письма З[амятина] целиком в «Совр[еменных] зап[исках]». И одного рассказа¹⁰.

Что касается рассказа, то остаюсь в недоумении, — как быть: если уж печатать какой-нибудь из трех, то оправдано было бы только *теперь*. Да и сборник выйдет в ноябре. Но получается слишком много «замятинщины». М. б., письмо — в «Культуре и жизни»¹¹?

Жму руку.

Ваш Руднев

Аванс Вам сегодня дал «без счет» — в «счет», кажется, рукопись меньше.

М. б., спросите у г-жи Замятиной, есть ли у нее *хороший* портрет Е. И. [Замятина], *последнего* времени.

Публикуется по автографу (Amherst Center. Remizov papers. Box 7. F. 8). Год установлен по содержанию. Письмо на бланке журнала «Современные записки».

¹ 25 июля в 1937 г. пришлось на воскресенье.

² См. примеч. 4 к п. 82.

³ Замятина (урожд. Усова) Людмила Николаевна (1883–1965). См.: Письма Е. И. Замятина: Публикации. Письма к Л. Н. Замятиной. 1906–1931/Подгот. текста Л. И. Бучиной и М. Ю. Любимовой; Предисл. и коммент. М. Ю. Любимовой // Рукописные памятники. СПб., 1997. Вып. 3. Ч. 1: Рукописное наследие Е. И. Замятина. С. 9–419.

⁴ Речь идет о следующем отрывке из некролога Ремизова: «В сумерки мне сказали, что произошла “большая неприятность”. Сказано было голосом, я знаю все его оттенки, и я почувствовал очень тревожное» (СЗ. 1937. № 64. С. 425).

⁵ Рассказ Замятина «Лев» был написан в 1935 г.

⁶ Рассказ Замятина «Часы», написанный в июне 1934 г., был опубликован во французском переводе (под заглавием «La Montre») в «Nouvelles Littéraires» 26 января 1935 г.

⁷ Е. Замятин писал в письме И. Е. Куниной-Александр от 23 ноября 1934 г. из Парижа: «Пошлю Вам [...] также два своих новых рассказа. Один – “Часы” – в январе появится в “Nouvelles Littéraires”; другой – “Встреча” – только вчера кончен, еще не знаю, где пойдет здесь» (Неизвестные письма Евгения Замятина из американского архива / Вступ. ст., публ. и коммент. Дж. Куртис // Евгений Замятин и культура XX века: Исслед. и публ. / Сост. М. Ю. Любимовой. СПб., 2002. С. 333).

⁸ Подразумевается июньское 1931 г. письмо Замятина И. Сталину, содержащее просьбу писателя разрешить ему беспрепятственный выезд из СССР на Запад (см.: Замятин Е. Письмо Сталину // Замятин Е. Сочинения / Сост. Т. В. Громовой, М. О. Чудаковой; Вступ. ст. М. О. Чудаковой; Коммент. Е. Барабанова. М., 1988. С. 490–493. Именно после написания этого письма (при посредничестве М. Горького) Замятину удалось в октябре 1931 г. вместе с женой выехать за границу.

⁹ «Письмо Сталину» Е. Замятина в СЗ опубликовано не было. Однако в конце своего некролога Ремизов поместил отрывок из «Письма Сталину» (СЗ. 1937. № 64. С. 429–430) – с купюрами не политического, но фактологического характера. Приводим этот отрывок (квадратными скобками отмечены опущенные Ремизовым фрагменты): «Организована была небывалая еще до тех пор в советской литературе травля, [отмеченная даже в иностранной прессе:] сделано было все, чтобы закрыть для меня всякую возможность дальнейшей работы. Меня стали бояться вчерашние мои товарищи, издательства, театры. Мои книги запрещены были к выдаче из библиотек. Моя пьеса [“(Блоха)”], с неизменным успехом шедшая в МХАТ’е 2-м уже четыре сезона, была] снята с репертуара. Печатание [собрания] моих сочинений [в издательстве “Федерация”] приостановлено. [Всякое издательство, пытавшееся печатать мои работы, подвергалось за это немедленному обстрелу, что испытали на себе и “Федерация”, и “Земля и фабрика”, и особенно “Издательство писателей в Ленинграде”. Это последнее издательство еще целый год рисковало иметь меня в числе членов правления, не осмеливалось использовать мой литературный опыт, поручая мне стилистическую правку произведений молодых писателей – в том числе и коммунистов. Весной этого года ленинградский отдел РАПП’а добился выхода моего из правления и прекращения этой моей работы. “Литературная газета” с торжеством оповестила об этом, совершенно недвусмысленно добавляя: “... издательство надо сохранить, но не для Замятиных.”] Последняя дверь к читателю была [для Замятина] закрыта: смертный приговор [этому автору] был опубликован. В советском кодексе следующей ступенью после смертного приговора является выселение преступника из пределов страны. Если я действительно преступник и заслуживаю кары, то все же, думаю, не такой тяжелой, как литературная смерть, и потому я прошу заменить этот приговор высылкой из пределов СССР [– с правом для моей жены сопровождать меня]. Если же я не преступник, я прошу разрешить мне вместе с женой, временно, хотя бы на один год, выехать за границу – с тем, чтобы я мог вернуться назад, как только у нас станет

возможно служить в литературе большим идеям без прислуживания маленьким людям...» (СЗ. 1937. № 64. С. 429–430). Публикуя отрывок из «Письма Сталину», Ремизов сделал примечание: «В La Revue de France 1936, VII Замятин в своей памяти о Горьком рассказывает, как благодаря Горькому получил он разрешение выехать за границу. Следует добавить, что Горький передал Сталину письмо Замятина» (СЗ. 1937. № 64. С. 430). См. также публикацию фрагмента «Письма Сталину»: *Таманин Т. [Манухина Т. И.] Е. И. Замятин // РЗ. 1939. Апр. № 16. С. 105–106.*

¹⁰ Рассказ в СЗ опубликован не был.

¹¹ «Культура и жизнь» — рубрика в СЗ, именно в ней появился ремизовский некролог Замятину (см. примеч. к п. 82).

86. Руднев — Ремизову

Paris. 31 июля 1937 г. [?]

Суббота

Дорогой Алексей Михайлович!

Получил Ваше письмо. Сегодня быть у Вас не могу, — уезжаю из Парижа. Возвращаюсь завтра и *вечером*, в воскресенье, зайду к Вам. Принесу и деньги.

Кланяюсь Серафиме Павловне.

Ваш В. Руднев

Публикуется по автографу (Amherst Center. Remizov papers. Box 7. F. 8). Датируется предположительно по местонахождению в архиве.

87. Руднев — Ремизову

Paris. 10 августа 1937 г.

10 VIII 1937

Дорогой Алексей Михайлович!

Поджидаю от Вас сообщения о результатах Ваших разговоров с Л. Н. Замятиной. Так сложилось неудачно с беллетристическим отделом, что рассказ (один, «Встреча») я бы напечатал охотно в этой книжке¹. Если Вам почему-либо неудобно говорить с ней по этому поводу — дайте мне возможность снестись с нею.

И портрет Е. И. [Замятина].

Черкните два слова. Жму руку.

Ваш В. Руднев

Публикуется по автографу (Amherst Center. Remizov papers. Box 7. F. 8). Почтовая открытка с логотипом журнала «Современные записки»; адрес получателя: «Monsieur A. Remizov, 7, rue Voileau, Paris»; почт. шт.: «Paris, 10.VIII.1937».

¹ См. содержание п. 88.

88. Руднев — Ремизову
Paris. 12 августа 1937 г.

12 VIII 1937

Дорогой Алексей Михайлович!!

Я Вам писал вчера открытку, вопрошая о результатах Ваших переговоров с г-жой З[амятиной]. А оказалось, ответ уже лежит на 6, rue Daviel, и вчера я его получил (пока пишите, если понадобится, только на дом: 51, rue Georges Sorel, Boulogne s[ur] S[eine] — Земгор, а вместе с ним и мой угол в нем *закртыты* до 22 августа, и я сам с трудом туда проникаю).

Итак, г-жа З[амятина] не согласна... Удивляюсь ее несговорчивости, но тем хуже для нее и для поминовения Е. И. [Замятина], которому она, видно, хотела служить¹.

Портрет мне не понравился, — в шляпе человек не человек, не видно лба, формы головы. Не знаю, стоит ли помещать². Сохраню, во всяком случае, и возвращу при okazji.

Жму руку. Преданный Вам

В. Руднев

Публикуется по автографу (Amherst Center. Remizov papers. Box 7. F. 8). Почтовая открытка с логотипом журнала «Современные записки»; адрес получателя: «Monsieur A. Remizov, 7, rue Voileau, Paris»; почт. шт.: «Paris, 11.VIII.1937».

¹ Рассказ Е. Замятина «Встреча», о возможной публикации которого шла речь в п. 87, в СЗ не был напечатан. В СЗ был напечатан лишь один замятинский рассказ (см.: *Замятин Е. И. Детская: Рассказ // СЗ. 1922. № 12. С. 42–52*).

² Ремизовский некролог был напечатан в СЗ без портрета Е. И. Замятина.

89. Руднев — Ремизову
Paris. 12 сентября 1937 г.

Воскресенье 12 IX

Дорогой Алексей Михайлович,

ждал — так и не дождался статьи о Соловьеве¹. Видно, Вы ее отложили. Это точно, следующая книжка «С[овременных] з[аписок]» будет к декабрю². Неуютно только, что в связи с ожидающейся статьей о Соловьеве в этой книжке другая Ваша статья, о Замятине, — пошла в «Культуру и жизнь»³, когда могла бы пойти в большой отдел.

Но, если можно, не откладывайте надолго статью о Соловьеве, а как только будет готова, пришлите. Тотчас за выходом 64-го, начну спешно (чтоб не опоздать к декабрю) набирать 65-й.

Всего доброго.

Ваш Руднев

Публикуется по автографу (Amherst Center. Remizov papers. Box 7. F. 8). Год установлен по почт. шт. Почтовая открытка с логотипом журнала «Современные записки»; адрес получателя: «Monsieur A. Remizov, 7, rue Voileau, Paris XVI»; почт. шт.: «Paris, 13.9.1937».

¹ См.: Ремизов А. Философская натура: Владимир Соловьев — жених // СЗ. 1938. № 66. С. 193–204. См. реплику Ф. Степуна о статье Ремизова (в письме В. Рудневу от 11 августа 1938 г.): «Даже в статье Ремизова бледные и бездарные письма Соловьева волнуют больше, чем блестящие строки автора о “любви” и “любвы”» (РАЛ. MS. 1500/7).

² 65-й № СЗ вышел в декабре 1937 г. Публикация Ремизова появилась только в № 66.

³ См. примеч. 11 к п. 85.

90. Руднев — Ремизову

Paris. 15 сентября 1937 г.

Дорогой Алексей Михайлович!

Ужасно Вы меня сконфузили, — оказалось, я же, по своему беспамятству, и причина всего недоразумения! Простите великодушно... Тут никакая записная книжка не поможет, раз голова дырявая. А я как приехал из деревни, сразу превратился в цепного пса при типографщиках. — Жулики, саботажники, чуть отвернешься, отставляют мою работу, как более дешевую. У меня почему-то создалось такое убеждение, что это всем ясно, что я не могу ходить за рукописями, а рукописи за мной. — Ну, виноват. Но статью сейчас же сдам: в ноябре же выходит № ¹. И если по совокупности Вам причитается гонорар, уплачу теперь же — единственно чем могу хоть немного загладить свою вину.

Но зайти все же раньше середины недели не смогу.

Ваш В. Руднев

Публикуется по автографу (Amherst Center. Remizov papers. Box 7. F. 8). Датируется по почт. шт. Почтовая открытка с логотипом журнала «Современные записки»; адрес получателя: «Monsieur A. Remizov, 7, rue Voileau, Paris XVI»; почт. шт.: «Paris, 15.IX.37».

¹ См. примеч. 2 к п. 89.

91. Вишняк — Ремизову

Paris. 22 апреля 1939 г.

22/439

Дорогой Алексей Михайлович,

шлю Вам свой — и Марьи Абрамовны — привет и выражение сожаления, что, оказавшись вне Парижа, мы лишены возможности быть на Вашем вечере.

Желаю всего доброго. Сердечный привет Серафиме Павловне и — до четверга (*свидание с П. Паскалем*¹).

М. Вишняк

Публикуется по автографу (Amherst Center. Remizov papers. Box 8. F. 1). Почтовая открытка; адрес получателя: «Monsieur A. Remisoff, 7, rue Voileau, Paris (16e)»; почт. шт.: «Paris, 23.4.39».

¹ Паскаль Пьер (Pierre Pascal; 1890–1983), филолог-славист, проф. Школы восточных языков и Сорбонны, исследователь русской литературы. Написал монографию «Аввакум и начало раскола» (*Pascal P. Avvakum et les débuts du raskol. La crise religieuse au XVIIIe siècle en Russie. Paris: Champion, 1938*). Перевел на французский язык «Житие» протопопа Аввакума

(La vie de l'archiprêtre Avvakum, écrite par lui-même/Traduite du vieux russe avec une introduction et des notes par P. Pascal. Paris: Gallimard, 1938). О Пьере Паскале Ремизов писал в мемуарном очерке «Северные Афины» (гл. «Прощеный день», которая вошла в текст кн. «Иверень» в редакции 1940-х гг.): «Петр Карлович Паскаль, профессор Сорбонны, ученый, исследователь русского блистательного XVII века; с Паскалем много о чем вспоминаешь, и к моему “русскому” он со вниманием: я и вправду, может, последний из “огненной Руси”. (Так слывет допетровская Русь с речью природных русских ладов). Нынче, на Прощеный день зашел он ко мне на Буало в мой ледяной затвор наведаться: замерз или дышу» (*Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 8. С. 474*). См также в письме Н. Кодрянской от 20 февраля 1948 г.: «Он занимался XVI и XVII веком, написал книгу о Аввакуме и перевел “Житие”» (*Кодрянская Н. Ремизов в своих письмах. Париж, 1977. С. 86*). В Обезвельволпале П. Паскаль числился как «Кавалер обезьяньего знака парижский» и «протопоп Обезвельволпала» (см.: *Обатнина Е. Царь Асыка. С. 368*).

92. Ремизов — Вишняку

Paris. 10 мая 1939 г.

10 V 1939

В «Annales russes»

Дорогой Марк Вениаминович,

Очень прошу Вас, непременно пришлите м[не?] «корректуру» и *рукопись Паскаля*¹.

И вообще, всегда надо посылать рукопись. Искони так было во всех литературных, есть и будет.

А. Ремизов

Публикуется по автографу (Hoover Institution. Vishniak papers. Box 9. F. 54).

¹ Речь о французской рукописи статьи П. Паскаля «По следам протопопа Аввакума в СССР» (РЗ. 1939. Июнь. № 18. С. 122–140), отредактированной Ремизовым.

93. «Русские записки» — Ремизову

Paris. Июль 1939 г.

Дорогой Алексей Михайлович,

это — на зло «благожелателям», которые советуют Вам «бросить» Ваши книги. Но, надеюсь, на радость Вам¹.

Привет.

«Русские записки»²

Публикуется по автографу (Amherst Center. Remizov papers. Box 7. F. 8). Датируется по содержанию. Скорее всего, это надпись на листке 19-й книги РЗ за июль 1939 г., где было напечатано произведение Ремизова.

¹ Речь идет о публикации: *Ремизов А. Лунатики // РЗ. 1939. Июль. № 19. С. 3–12*. Этот мемуарный очерк вошел в автобиографическую книгу Ремизова «Подстриженными глазами» (см.: *Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 8. С. 215–223*).

² Журнал «Русские записки» (Париж; Шанхай, 1937–1939. № 1–20/21) выходил в Париже с июня 1937 г. по авг.—сент. 1939 г. Первые три номера журнала дублировали СЗ по составу редакции, по кругу авторов. Журнал заметно изменился с четвертого номера (апр. 1938 г.), когда его единолично возглавил П. Н. Милуков. В РЗ были опубликованы

два ремизовских текста: послесловие к статье проф. П. Паскаля «По следам протопопа Аввакума в СССР» (1939. Июнь. № 18) и мемуарный очерк «Лунатики» (1939. Июль. № 19. С. 3–12).

94. Ремизов — Вишняку

Paris. 25 ноября 1939 г.

25 XI 1939

A. Remizoff, 7, rue Boileau, Paris XVI

Дорогой Марк Вениаминович,
хочу попросить Вас о свидетельстве «Русских записок», мне надо представить нашему «жерану»¹, чтобы попросить о сбавке кварт[ирной] платы. Образец прилагаю². Буду Вам очень благодарен и прошу Вас, *пришлите!* В сумерках не выхожу, ничего не вижу.

Кланяюсь Марии Абрамовне [Вишняк].

A. Ремизов

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 116). Внизу письма нарисовано солнце.

¹ «Жеран» (от фр. géant) — управляющий домом. См. в «Учителе музыки»: «Корнетов и сам думал: обратиться к жерану, хуже еще кабы не сделать — пожалуешься, и возможно, что этот управляющий-жеран — сделает консьержке внушение, а только от этого внушения добра не жди, она на тебе выместит, найдет чем извести» (*Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 9. С. 123*).

² «Русские записки, *Annales Russes, Paris, le* ___ 1939. Je soussigné directeur или rédacteur en chef de la revue “Annales russes” certifie par le présent que M[onsieur] Alexis Remisoff a collaboré à notre revue. Sa collaboration a dû prendre fin dès le début des hostilités du fait de la suspension de notre publication par suite des événements. Le rédacteur en chef или directeur M. V. Marc Vichniak» (Lilly Library. Vishniak papers. F. 116).

ПРИЛОЖЕНИЕ:

95. В. Баранов¹ — редакции «Современных записок»

Paris. 6 октября 1925 г.

Paris, le 6 octobre 1925

Редактору «Современных записок».

Многоуважаемый г. редактор,

не могу не поблагодарить Вас от души за доброе начинание. После мучительно-сладкого Переслегина² и непозволительно-нудного «Золотого узора»³ Вы поместили «Сережу» Ремизова⁴.

Спасибо Вам за эту отдушину, за истинно художественное произведение. От этого рассказа, от ласковой улыбки Ремизова все окружающее не кажется таким черным; наконец хоть один писатель нашел способ нарисовать всю безвыходность советских будней и в то же время не возбуждает ненависти и жажды мести.

Если бы Вы знали, как мы, «обыватели» Парижа, ждем появления каждой Вашей книжки, и если бы Вы знали, с какой досадой и огорчением приходилось каждый раз убеждаться, что чуть ли не $\frac{1}{4}$ всей этой столь ценной книги Вы отдали под бормотание бездарного Зайцева и философистику Степуна, Вы бы больше места уделили таким произведениям, как «Сережа».

Примите уверение в моем совершенном уважении.

Вадим Баранов

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 116).

¹ Неустановленное лицо.

² Подразумевается: *Степун Ф. А.* Николай Переслегин. (Философский роман в письмах) // СЗ. 1923–1925. № 14–25.

³ Подразумевается: *Зайцев Б. К.* Золотой узор: Роман // СЗ. 1923–1925. № 15–24.

⁴ См.: *Ремизов А. М.* Сережа // СЗ. 1925. № 25. С. 111–128. В примечании внизу значится: «Из книги “Взвихренная Русь”. На даровых хлебах (1919–1920)» (С. 111).